

СОЕДИНЯЯ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ:

МЕТОДЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА
В ИЗУЧЕНИИ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА
ЕВРАЗИИ

Материалы конференции (Петрозаводск, 14–17 мая 2025 г.)

Институт истории материальной культуры РАН
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
Музей этнографии и антропологии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Самарский государственный социально-педагогический университет

Соединяя пространство и время: методы пространственного анализа в изучении позднего каменного века Евразии

Материалы конференции (Петрозаводск, 14–17 мая 2025 г.)

Санкт-Петербург
2025

УДК 902/904

ББК 63.4

Д73

Утверждено к печати учеными советами
Института истории материальной культуры РАН
и Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Ответственные редакторы:

д.и.н. А. А. Выборнов, к.и.н. Д. В. Герасимов, д.и.н. А. Ю. Тарасов, к.и.н. Е. С. Ткач

Рецензенты:

к.и.н. В. Н. Карманов (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН),

к.и.н. С. Н. Лисицын (ИИМК РАН)

Соединяя пространство и время: методы пространственного анализа в изучении позднего каменного века Евразии : Материалы конференции (Петрозаводск, 14–17 мая 2025 г.). — СПб. : ИИМК РАН, 2025. — 121 с., ил.

Сборник содержит материалы докладов, представленных на конференции «Соединяя пространство и время: методы пространственного анализа в изучении позднего каменного века Евразии», проходившей в г. Петрозаводске 14–17 мая 2025 г. Публикуются работы по применению планиграфического анализа при анализе структуры поселений и стоянок каменного века, аналитические исследования по системе расселения первобытного человека, а также результаты энтологических и социально-экономических реконструкций на основе пространственного анализа археологических данных. В отдельный блок вынесены статьи о вкладе ведущих исследователей каменного века на территории Карелии — А. Я. Брюсова и Г. А. Панкрушева. Книга рассчитана на представителей гуманитарных наук (археологов, историков, этнографов и др.) и специалистов смежных дисциплин, студентов, а также широкий круг читателей.

ISBN: 978-5-6052467-3-2

doi.org/10.31600/978-5-6052467-3-2

© Институт истории материальной культуры РАН, 2025

© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2025

© Музей этнографии и антропологии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2025

© Самарский государственный социально-педагогический университет, 2025

ЧАСТЬ I

А. Я. Брюсов, Г. А. Панкрушев: жизнь ученых, научные концепции и их современное состояние

- Т. А. Васильева, А. В. Чебаковская.* Григорий Александрович Панкрушев — организатор археологической науки в Карелии |7
- С. В. Кузьминых, И. В. Белозёрова.* Археология Карелии в трудах А. Я. Брюсова (по материалам отдела письменных источников ГИМ) |9
- С. В. Кузьминых, И. В. Белозёрова.* А. Я. Брюсов и Г. А. Панкрушев: обсуждая древности Карелии |14
- И. В. Белозёрова, С. В. Кузьминых.* А. Я. Брюсов и его зарубежные корреспонденты (по материалам ОПИ ГИМ) |16
- Д. В. Блышко, Е. А. Кашина.* А. Я. Брюсов, фатьяновская культура и советская археологическая мысль периода «оттепели» |19
- А. А. Выборнов, Н. С. Дога, М. А. Кулькова, Э. М. Лактаева.* А. Я. Брюсов и пространственный анализ культур южных регионов |21
- О. В. Андреева.* Проблематика волосовской культуры в работах А. Я. Брюсова: современный взгляд |23
- Н. В. Манько.* Проблема неолитизации среднего течения Северского Донца в свете исследований А. Я. Брюсова: ретроспективный взгляд и современное состояние исследований |25
- Н. А. Цветкова, С. Л. Дорожковский.* Древняя история Сестрорецкого Разлива и его окрестностей. Аспекты и история изучения |27

ЧАСТЬ II

Планиграфический анализ структуры поселений и стоянок позднего неолита

- Г. К. Данилов.* Сочетание каменных и костяных конструкций разных типов в памятниках Крайнего Северо-Востока Азии |30
- И. И. Разгильдеева.* Опыт анализа планиграфии стоянок верхнего палеолита по результатам охранно-спасательных раскопок памятников Афонтовой горы |32
- Д. Н. Еньшин.* Мергень 6 — опорный комплекс раннего неолита в Нижнем Приишимье (Западная Сибирь): структура поселения и анализ распространения керамических групп посуды по методу связей |34
- С. Н. Панина.* Структура исследованной части пространства культового памятника Усть-Вагильский холм, лесное Зауралье |36
- А. Ю. Юракова.* Планиграфия керамических комплексов на поселениях позднего неолита Барабы в контексте проблем культурно-хронологической дифференциации |38
- Е. В. Гладышева, Е. С. Яковлева.* Керамический комплекс Ташково I (разведки 2023 г.) |40
- Л. Л. Косинская.* Методика исследования углубленных построек в северных песчаных подзолах |42

- А. С. Кудашов. Некоторые особенности планиграфии на памятниках раннего неолита Марийского Поволжья |43
- А. В. Сомов. Применение ГИС-технологий для анализа распространения находок в раскопе (на примере стоянки Лужки II) |45
- К. М. Андреев. Проблема планиграфического соотношения типологических групп ранненеолитической посуды на стоянках лесного Среднего Поволжья |48
- А. И. Королёв, Н. В. Лебедева (Овчинникова), А. А. Шалапинин. Керамика из жилищных котлованов Гундоровского поселения: вопросы планиграфии и типологии |50
- О. В. Вороненко, П. Н. Ятин. Планиграфия стоянки Нижняя Олба 1а в Верхнем Поднепровье |52
- А. Н. Вашанов, М. И. Ткачёва. Археологический комплекс на оз. Селява (Северная Беларусь): топография памятников эпохи неолита |54
- Р. И. Муравьёв, М. А. Холкина, С. Д. Такташева, А. С. Тарakanов. Синтола: хроники озовой гряды от мезолита до эпохи бронзы через призму планиграфического и технологического анализов |56
- А. С. Тараканов, Д. В. Герасимов, М. А. Холкина. Планиграфический анализ распределения керамики на поселении Берёзово 2 |58
- Т. А. Васильева. Планиграфический анализ поселения Вигайнаволок I по данным раскопок 1964–1966 гг. |60
- А. Ю. Тарасов, П. А. Рязанцев, М. С. Потахин. Опыт неинвазивного исследования пространственной структуры мастерской по расщеплению камня (стоянка-мастерская Фофаново XIII на Онежском озере) |62
- Т. М. Гусенцова. Структура культурного слоя прибрежной и торфяниковой частей стоянок эпох неолита — энеолита Подолье 1 и 3 в Южном Приладожье |63

ЧАСТЬ III

Системы расселения в позднем каменном веке

- Д. Е. Власенко. Ононский неолит по материалам экспедиции А. П. Окладникова в Восточном Забайкалье в 1965 г. |66
- Т. Ю. Клементьева, А. А. Погодин. Система расселения в неолите бассейна Конды |68
- Е. Л. Лычагина, Д. А. Демаков, С. В. Копытов. Особенности расположения неолитических памятников в долине р. Вишеры (Северное Прикамье) |69
- Д. А. Демаков, Н. С. Смертина (Батуева). Особенности расположения постнеолитических-энеолитических памятников в Верхнем и Среднем Прикамье (природно-географический аспект) |71
- Р. В. Смольянинов. Радиоуглеродные даты ромбоямочной керамики в Центральной России и Беларусском Посожье |73
- В. Я. Шумкин. Различия расположения мест обитания населения каменного века Восточной Лапландии и созданных ими сакральных объектов |77
- Н. В. Косорукова, В. А. Лукинцева, Т. С. Гринина. О расположении памятников и некоторых проблемах изучения эпохи неолита в бассейне оз. Воже |80

- Е. А. Борисевич, М. А. Комагорова, В. Ю. Сяборов.* К вопросам топографии и палеогеографии памятников позднего неолита — раннего металла в Северном Приильменье |82
- Д. В. Герасимов.* Археологические памятники многократного заселения вблизи Хейнийокского палеопролива на Карельском перешейке: динамика формирования культурных контекстов |85
- А. М. Жульников.* Динамика изменений в системе расселения древних охотников и рыболовов в бассейне р. Тунгуды (энеолит — ранний железный век) |87
- И. В. Мельников.* Расселение в позднем неолите — раннем энеолите на территории Южного Заонежья |90
- А. В. Табарев.* Археологические признаки неолитизации на Тихоокеанском побережье Южной Америки: эквадорский сценарий |93
- Г. А. Елошкин.* Археологические признаки неолитизации на Тихоокеанском побережье Южной Америки: сценарий Южноперуанского района |95
- Ш. Жгела.* Неолит на Восточном побережье Адриатики |97
- В. А. Соколовский.* «Неолит» Тихоокеанского побережья Центральных Анд: периодизация и признаки |99

ЧАСТЬ IV

Этнологические и социально-экономические реконструкции и пространственный анализ археологических данных

- Д. С. Коробов.* Опыт применения геостатистического анализа при исследовании ресурсных зон древних и средневековых поселений в Кисловодской котловине |102
- Г. В. Синицына.* Техника усиленного отжима в комплексах с посольской керамикой среднего неолита в Байкальской Сибири |104
- Е. С. Ткач, А. Д. Малярова, А. С. Тараканов.* Археологическая карта материалов каменного века Калининградской области по архивным и опубликованным данным |107
- Е. А. Иванищева, М. В. Иванищева.* Создание базы данных для реконструкции структуры древних поселений на многослойных памятниках Онежско-Сухонского региона с использованием ГИС-технологий |110
- М. А. Холкина, Ю. Д. Радаева.* Ранний неолит Ленинградской области: границы, ареалы, контакты |112
- К. Э. Герман.* Керамика «каргопольского типа» на многослойных памятниках Водлозера (опыт планиграфического и стратиграфического анализов) |114
- Е. А. Турина.* Анализ технологии изготовления проколов как один из подходов к изучению волосовской региональной специфики |116
- Е. М. Колпаков.* Каменные лабиринты Кольского полуострова в рамках науки |118
- Список сокращений |121

Часть I

**А. Я. Брюсов, Г. А. Панкрушев:
жизнь ученых, научные концепции
и их современное состояние**

Григорий Александрович Панкрушев — организатор археологической науки в Карелии

Т. А. Васильева, А. В. Чебаковская*

Григорий Александрович — археолог, доктор исторических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ, человек, которого по праву можно считать основателем профессиональной археологии в Карелии (рис. 1).

Г. А. Панкрушев родился в крестьянской семье в д. Гаврушино Ковжинского района Вологодской области. В Петрозаводск его семья переехала в 1930-е гг., но, опасаясь репрессий, была вынуждена переселиться в с. Ковда Мурманской области. В довоенные годы он учился в речном техникуме. Затем поступил в Карело-Финский государственный университет, однако учебу пришлось прервать, чтобы зарабатывать на жизнь. Г. А. Панкрушев работал на лесозаводе, в школе с. Надвоицы. С 1941 г. воевал, прошел всю Великую Отечественную войну и получил тяжелое ранение. В мирное время вернулся на исторический факультет Петрозаводского государственного университета, работал в вечерней школе. После окончания университета совмещал должности директора и учителя истории в Кондопожской семилетней школе. В Петрозаводске работал заведующим методическим кабинетом истории в Институте усовершенствования учителей, корреспондентом в КарелфинТАГ (информационном агентстве, действовавшем в Петрозаводске в 1940–1956 гг.).

Рис. 1. Г. А. Панкрушев

В аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии РАН, Москва) по специальности «Археология» Г. А. Панкрушев поступил в 1951 г. в возрасте 31 года, будучи человеком семейным. До 1955 г. проходил обучение под руководством наставника и ученого-археолога с мировым именем Александра Яковлевича Брюсова. На основе успешного диссертационного исследования в 1967 г. вышла в свет монография «Племена эпохи неолита и раннего металла в Карелии» [Савватеев 2010].

Археологическая наука в Карелии организационно оформлялась постепенно: сначала небольшая группа археологов входила в сектор истории, с 1968 г. — в сектор археологии и этнографии, а с 1970 г. был сформирован самостоятельный сектор. Под руководством Г. А. Панкрушева разрабатывались актуальные проблемы, связанные с систематизацией накопленных знаний о древнейшем прошлом территории Карелии (рис. 2).

Коллеги отмечают, что исследователь обладал удивительным талантом находить археологические объекты, умением «выходить на памятники». При проведении полевых разведок ему не было равных: благодаря его изысканиям открыты многие

* Васильева Т. А., Чебаковская А. В. — Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Россия (tatty@list.ru; chebakovskaja@yandex.ru).
© Васильева Т. А., Чебаковская А. В., 2025

Рис. 2. Г. А. Панкрушев (внизу слева) и сотрудники сектора археологии

поселения от мезолита до эпохи раннего железа на территории Карелии, а также в Архангельской, Вологодской и Ленинградской областях. Археологические отряды во главе с Г. А. Панкрушевым проводили широкомасштабные раскопки стоянок древнейших эпох Карелии. В процессе поисково-разведочных работ в регионе ученым обследовано порядка 570 памятников [Археологические памятники Карелии 2007].

Благодаря его неустанному труду, целеустремленности, профессионализ-

му только лично им открыта и исследована пятая часть всех известных на данный момент археологических памятников. Сформированная Г. А. Панкрушевым база источников по сей день служит надежным и востребованным материалом для разработки научно-исследовательских проблем археологии Карелии от каменного века до Средневековья.

Григорий Александрович — заслуженный деятель науки Карельской АССР. Признание его научных заслуг увенчалось защитой диссертации по теме «Мезолит и неолит Карелии» на соискание степени доктора исторических наук (1983 г.).

Автор порядка 80 научных работ, основатель сектора археологии ИЯЛИ Карельского НЦ, он остается в памяти соратников любимым наставником и талантливым руководителем. Как верно отметила С. И. Кочкуркина, «дело Григория Александровича продолжают его ученики и коллеги» [Кочкуркина 1991: 240, 241]. Светлой памяти Г. А. Панкрушева посвящены обобщающие труды его коллег — сотрудников созданного им сектора археологии «Хронология и периодизация археологических памятников Карелии» (1991) и «Археология Карелии» (1996).

Археологические памятники Карелии 2007 — Археологические памятники Карелии. Каталог. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. 200 с.

Археология Карелии 1996 — Археология Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1996. 413 с.

Кочкуркина 1991 — Кочкуркина С. И. Об учителе и коллеге [Г. А. Панкрушеве] // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 239–241.

Савватеев 2010 — Савватеев Ю. А. Григорий Александрович Панкрушев и археология в Карелии // Труды Карельского научного центра РАН. 2010. № 4. С. 141–144.

Хронология и периодизация 1991 — Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1991. 249 с.

Исследование проведено в рамках государственного задания Карельского НЦ РАН «Сохранение, каталогизация и цифровизация историко-культурного наследия Карелии» (№ 124100400230-1).

Археология Карелии в трудах А. Я. Брюсова (по материалам отдела письменных источников ГИМ)

С. В. Кузьминых, И. В. Белозёрова*

Со второй половины 1920-х гг. начинается период «великих археологических открытий» в Карелии, сделавших ее широко известной и привлекательной для столичных ученых, сотрудников академических, музейных учреждений и вузов Ленинграда и Москвы (А. М. Линевского, А. Я. Брюсова, В. И. Равдоникаса, Н. Н. Гуриной и др.), которые начали увлеченно заниматься изучением ее древней истории — примерно так охарактеризовал итоги археологического изучения Карелии за 15 предвоенных лет А. Я. Брюсов, выступая на юбилейной сессии Карельского НИИ культуры в январе 1946 г. [Брюсов 1947а].

Александр Яковлевич Брюсов (1885–1966), один из лидеров советской археологии 1930–1960-х гг., самые плодотворные годы своей научной деятельности посвятил археологическому изучению эпох неолита и раннего металла Центра и Севера европейской части СССР, став основоположником важнейших научных направлений в восточноевропейской археологии, первооткрывателем и исследователем многих ключевых памятников древнейшего прошлого нашей страны.

Творческая судьба Брюсова неразрывно связана с изучением древностей Карелии. Русский Север привлек его, студента МГУ, сначала заочно: во время практики в фондах ГИМ «я обнаружил огромные коллекции по неолиту нашего севера, в частности из Карелии <...>» [Брюсов 2012: 26, 27]. Занимаясь их обработкой, ученик В. А. Городцова «мало-помалу настолько втянулся в эту область археологии, что темой своей аспирантской диссертации выбрал древнейшую историю Карелии» [Там же: 27]. Именно в студенческие годы Александр Брюсов сделал осознанный выбор района будущих полевых работ.

Первые археологические исследования на Севере начались с раскопок 1924–1925 гг. стоянок на реках Вёкса и Юг под Чухломой [Брюсов 1927; 1928а; Збруева 1928]. В 1926–1928 гг. по приглашению директора Архангельского краевого музея К. П. Ревы А. Я. Брюсов, М. Е. Фосс и А. В. Збруева начали полевые разыскания на Летнем берегу Белого моря [Брюсов 1928б; Збруева, Фосс 1928]. На основе исследованных памятников, музейных коллекций и архивных данных Александр Яковлевич подготовил и защитил в Институте археологии и искусствознания РАНИОН (6.04.1929) кандидатскую диссертацию «Северо-Запад СССР с конца III до начала I тысячелетия до н. э.» [Брюсов 2012: 27–29]; в качестве официального оппонента выступил В. А. Городцов, в прениях участвовали С. Н. Боголюбский, К. Э. Гриневич, А. В. Арциховский и С. В. Киселев [Там же: 29]. В ней впервые были сделаны «несовершенные попытки» (как оценивал их позднее Брюсов) осветить быт древнего населения Русского Севера, выявить пути заселения человеком этого огромного края, контакты, взаимоотношения и исторические судьбы древних племен региона [Там же].

Работы Костромской и Беломорской экспедиций дали старт многолетним исследованиям ученого в Беломорье и Карелии [Белозёрова, Кузьминых 2022]. В 1929 г.

* Кузьминых С. В. — Институт археологии РАН (kuzminykhsv@yandex.ru), Белозёрова И. В. — Государственный Исторический музей (irina.belozero@yandex.ru); Москва, Россия.

© Кузьминых С. В., Белозёрова И. В., 2025

Брюсов завершил обследование Летнего полуострова и из Онеги направился в Карелию, где вместе с А. М. Линевским произвел рекогносцировочные раскопки неолитической стоянки и святилища на о-ве Шойрукшин близ петроглифов «Бесовы следки» [Археологические экспедиции... 1962: 59]. Следом были проведены раскопки стоябищ вдоль волока у порогов Шойрукша и Золотец и разведки по рекам Суне и Шуе, Кончозеру и Ушозеру, вскрыты два погребения XVIII в. на «Немецком кладбище» в Петрозаводске [Там же: 60]. С этих работ начался карельский этап полевых и научных исследований ученого.

В 1930–1934, 1937 гг. Карельской экспедицией были раскопаны неолитические Сунские стоянки, бронзолитейная мастерская в устье р. Томицы под Петрозаводском, стоянки по берегам Машозера и оз. Лосиного, на Соловецких островах и у д. Салменицы у Сямозера, многие другие памятники [Там же: 59, 60]. Их материалы дополнили фонды и экспозиции ГИМ и Карельского музея.

Наряду с разведками и раскопками изучались также петроглифы, велась их фотосъемка [ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 131, 143–147]. Вскоре последовали научные и научно-популярные публикации об уникальных наскальных рисунках Карелии [Брюсов 1937; Линевский 1939]. Поначалу Брюсов предполагал, что часть этих рисунков «представляет попытку передать существовавшие в то время мифы» [Брюсов 2012: 50], но в дальнейшем пришел к убеждению, что «большинство из них представляет собой своеобразную запись о произошедших событиях» [Там же]. Средства на экспедиционные работы в Карелии выделялись ГИМ, Московским отделением Государственной академии истории материальной культуры / Института истории материальной культуры АН, Карельским музеем и НИИ культуры Карело-Финской ССР. С коллегами из Петрозаводска у Брюсова установились долгосрочные партнерские отношения: «в Карелии я встретил чрезвычайно радушный прием и обрел ряд хороших друзей» [Там же: 27].

Полевые исследования велись и в других районах Русского Севера — в Вологодской, Ленинградской и Новгородской областях. Особенно значимыми стали разыскания в Вологодской области, где основное внимание уделялось изучению торфяниковых стоянок. Еще в 1931 г. ученый предпринял первый разведочный выезд в Вытегорский район, в 1931–1932 гг. вел раскопки стоянки на о-ве Илекса на Куштозере. В 1937–1941 гг. Брюсов перенес работы в Чарозерский район Вологодской области, где изучались такие яркие памятники, как Модлонское свайное поселение, неолитическая стоянка Караваиха, мезолитическая стоянка Погостище и др. [Брюсов 1951; 1952; 1961а; Ошибкина 2006].

Параллельно с полевыми работами ученый планомерно изучал материалы по археологии и истории Карелии, знакомясь с литературой, архивными источниками и коллекциями в музеях Москвы, Ленинграда, Архангельска и Петрозаводска. Среди неопубликованных работ конца 1920-х и 1930-х гг. обратим внимание на сохранившиеся в его архиве многочисленные отзывы на труды А. М. Линевского, Б. Ф. Землякова, Н. Н. Гуриной, Г. А. Панкрушева и др., а также рукописи «Охота и рыболовство на северо-западе СССР во втором тысячелетии до нашей эры» (глава кандидатской диссертации), «Время первобытной общины в Карелии», «Первобытно-общинный строй на территории Карелии», «Очерк древней истории Карелии по археологическим данным» [ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 57], которые, несомненно, вызовут интерес у исследователей научного наследия Брюсова. Эти работы нашли отражение в научных и энциклопедических статьях и монографии «История древней Карелии» [Брюсов 1940], позже, в 1943 г., защищенной в качестве докторской диссертации [Брюсов

Рис. 1. А. Я. Брюсов на лекции в Карело-Финском университете. 13.04.1948 г.
(ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 370. Л. 2)

2012: 14]. В книге помещена аннотированная библиография российских и иностранных работ (включая газетные и журнальные статьи и заметки) по археологии, этнографии, краеведению Карелии от первых публикаций до 1935 г. включительно [Брюсов 1940: 169–205]. Этот обзор сохраняет научную ценность и в наши дни. В дальнейшем карельские материалы широко использовались ученым в его важнейшем труде «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху» [Брюсов 1952], получившем европейскую известность [Brussov 1957].

Активная археологическая деятельность и научные труды Александра Яковлевича Брюсова еще в предвоенные годы снискали ему авторитет и уважение в научной, музейной и вузовской среде Карелии (рис. 1).

С 1944 г. Александр Яковлевич продолжил прерванные войной археологические экспедиции ИИМК и ГИМ, в том числе в Карелии (металлургический Петровский завод, стоянка и петроглифы Залавруга) и Вологодской области (стоянка Модлона) [Брюсов 1947а; 1947б; 1951; 1953]. Материалы его раскопок легли в основу создания археологических экспозиций (при участии ученого) Вологодского, Череповецкого, Каргопольского, Петрозаводского, Кирилловского и ряда других музеев.

Благодаря полевым и научным разысканиям Брюсова в советской археологии укоренились некоторые направления исследований, которые успешно развиваются и в наши дни. Среди них — древний человек и географическая среда (тема изначально разрабатывалась на материалах прибрежных памятников Белого моря, а затем Карелии и Вологодчины); заселение Карелии и освоение ее территории охотниками и рыболовами каменного века; торфяниковые древности и специфика изучения свайных поселений (на примере Модлоны и Горбуновского торфяника); жизнеобеспечение и быт человека эпох неолита и раннего металла; археологические культуры и этнические общности [Брюсов, 1956]; петроглифы Карелии и мировоззрение первобытного человека [Брюсов 1937; 2012: 49, 50]; индоевропейская проблема и

распространение в Восточной Европе культур шнуровой керамики и боевых топоров [Брюсов 1958; 1961б; 1965]; каменные сверленные боевые топоры [Брюсов, Зимина 1966] и др. В творчестве Брюсова с аспирантских лет конкретно-археологические и теоретические исследования шли параллельно. Последние стали доминировать во второй половине 1950-х и в 1960-е гг. На склоне лет ученый обратился также к мемориальному жанру; эта часть его творческого наследия опубликована лишь частично [Брюсов 2012].

Не все концепции ученого выдержали проверку временем [Панкрушев 1978: 7–10], тем не менее его базовые труды легли в фундамент нашего современного знания археологии Карелии.

Археологические экспедиции 1962 — Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг.: Указатель / сост. Н. Н. Воронин, М. А. Тиханова. М., 1962. 264 с.

Белозёрова, Кузьминых 2022 — Белозёрова И. В., Кузьминых С. В. Северные археологические экспедиции 1925–1929 гг. (по материалам Отдела письменных источников ГИМ) // Канонзерские чтения — 2021: Сб. материалов X Всерос. науч.-практ. конф. Архангельск, 2022. С. 123–143, 569–570.

Брюсов 1927 — Брюсов А. Я. О раскопках в Чухломском уезде Костромской губернии летом 1925 года // Материалы к доистории Центрально-Промышленной области. М., 1927. С. 56–58.

Брюсов 1928а — Брюсов А. Я. Федоровская стоянка. Раскопки 1924 г. А. Я. Брюсова, М. Е. Фосс и А. В. Збруевой // Труды секции археологии РАНИОН. 1928. Т. II. С. 26–32.

Брюсов 1928б — Брюсов А. Я. Что представляют собой стоянки на Летнем берегу Белого моря? // Труды секции археологии РАНИОН. 1928. Т. III. С. 3–8.

Брюсов 1937 — Брюсов А. Я. Карельские петроглифы // Вестник древней истории. 1937. № 1. С. 169–194.

Брюсов 1940 — Брюсов А. Я. История древней Карелии. М., 1940 (Труды ГИМ. Вып. IX). 320 с.

Брюсов 1947а — Брюсов А. Я. Краткий обзор археологических работ в Карело-Финской ССР // Материалы юбилейной сессии [НИИ культуры Карело-Финской ССР], 25–27 января 1946 г. Петрозаводск, 1947. С. 37–50.

Брюсов 1947б — Брюсов А. Я. Археологические памятники III–I тысячелетий до нашей эры в Карело-Финской ССР // Археологический сборник. Петрозаводск, 1947. С. 8–34.

Брюсов 1951 — Брюсов А. Я. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА. 1951. № 20. С. 7–76.

Брюсов 1952 — Брюсов А. Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952. 263 с.

Брюсов 1953 — Брюсов А. Я. К вопросу о заселении севера европейской части СССР в неолитическую эпоху // КСИИМК. 1953. Вып. II. С. 8–12.

Брюсов 1956 — Брюсов А. Я. Археологические культуры и этнические общности // СА. 1956. Т. XXVI. С. 5–27.

Брюсов 1958 — Брюсов А. Я. К вопросу об индоевропейской проблеме // СА. 1958. № 3. С. 18–26.

Брюсов 1961а — Брюсов А. Я. Караваевская стоянка // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961. С. 72–162.

Брюсов 1961б — Брюсов А. Я. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тыс. до н. э. // СА. 1961а. № 3. С. 14–33.

- Брюсов 1965 — *Брюсов А. Я.* Восточная Европа в III тысячелетии до н. э. (этногенетический очерк) // *СА.* 1965. № 2. С. 47–56.
- Брюсов 2012 — *Брюсов А. Я.* На тропах археологии. Воспоминания / Сост., вступ. статья, примеч., коммент. С. В. Кузьминых, С. П. Щавелёва. М.; Курск, 2012. 88 с.
- Брюсов, Зимина 1966 — *Брюсов А. Я., Зимина М. П.* Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части СССР. М., 1966 (САИ. Вып. В 4–4). 98 с.
- Збруева 1928 — *Збруева А. В.* Стоянка на р. Юге Чухломского уезда Костромской губернии // Труды секции археологии РАНИОН. 1928. Т. IV. С. 230–240.
- Збруева, Фосс, 1928 — *Збруева А. В., Фосс М. Е.* Раскопки на дюнах Белого моря близ селения Красной Горы и у реки Галдарей // Сборник [Московской секции Государственной академии истории материальной культуры]: к десятилетию Октября. М., 1928. Вып. 1. С. 42–53.
- Линевский 1939 — *Линевский А. М.* Листы каменной книги. Петрозаводск, 1939. 80 с.
- Ошибкина 2006 — *Ошибкина С. В.* Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М., 2006. 322 с.
- Панкрушев 1978 — *Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. Т. 1: Мезолит. Л., 1978. 136 с.
- Brussov 1957 — *Brussov A.* Geschichte der neolitischen Stämme im europäischen Teil der UdSSR. Berlin, 1957. 327 S.
- С. В. Кузьминых работал по государственному заданию ИА РАН (№ 122011200264-9).

С. В. Кузьминых, И. В. Белозёрова*

Прошедший Великую Отечественную войну 27-летний студент Карело-Финского университета Григорий Александрович Панкрушев (1920–1990) был одним из учеников Александра Яковлевича Брюсова. Во время учебы он увлекся древней историей Карелии, видимо, не без впечатления от лекций известного исследователя Русского Севера. Брюсов стал научным руководителем Панкрушева в годы аспирантуры (1951–1954) в московском отделении ИИМК АН СССР. Выбор темы кандидатской диссертации, нацеленной на выявление локальных вариантов карельской неолитической культуры и их отношения к этническим общностям [Панкрушев 1955], скорее всего, состоялся по рекомендации Брюсова, который в 1950-е гг. активно разрабатывал проблематику, связанную с соотношением археологических культур и этнических общностей. Неудивительно, что интерес к теоретическим вопросам он старался привить и своим ученикам.

Защита кандидатской диссертации Панкрушева состоялась в 1955 г. Отдельные ее положения были обнародованы в ряде статей и докладов, но в завершенном и переработанном виде рукопись легла в основу монографии «Племена эпохи неолита и раннего металла в Карелии» [Панкрушев 1964].

В 1954 г. Григорий Александрович становится научным сотрудником ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР в Петрозаводске. С этого момента он всецело посвящает себя изучению древнейшего прошлого Карелии. Между ним и Брюсовым завязалась активная переписка, значительная часть которой сохранилась в отделе письменных источников (ОПИ) ГИМ и отделе рукописей (ОР) РГБ. Все свои первые научные труды Панкрушев отсылал учителю; через руки Брюсова как руководителя отдела полевых исследований ИИМК / ИА АН СССР проходила основная часть его полевых отчетов. Александр Яковлевич скрупулезно изучал рукописи ученика, давал советы, делал замечания. В его архиве в ОПИ ГИМ сохранились некоторые отзывы на работы Панкрушева, один из первых (9.05.1956) касается рукописи «Новые археологические данные по древнейшей истории Карелии» [ОПИ ГИМ. Ед. хр. 109. Л. 23–24; Панкрушев 1958]. Брюсов, ссылаясь на новые материалы, полученные во время экспедиции 1955 г., рекомендует Панкрушеву удалить из статьи общеизвестные археологам частные выводы, оснастить текст научным аппаратом, представить более обоснованное заключение о датировке и характере изменения во времени форм керамики и орудий труда, а для этого советует подробно описать типы вещей, привести им хронологические соответствия и сопроводить статью достаточным количеством чертежей и рисунков.

В отзыве на рукопись «Датировка памятников Карельской археологической культуры» (24.04.1958) [Панкрушев 1959] Брюсов высоко оценивает относительную хронологическую схему Панкрушева, «особенно в отношении ее увязки с существующими схемами датировки неолитических стоянок Финляндии и Прибалтики. Работу желательно скорее опубликовать. Она вызовет интерес не только в СССР, но и за рубежом» [ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 106. Л. 16–16а].

* Кузьминых С. В. — Институт археологии РАН (kuzminykhsv@yandex.ru), Белозёрова И. В. — Государственный Исторический музей (irina.belozero@yandex.ru); Москва, Россия.

© Кузьминых С. В., Белозёрова И. В., 2025

Наиболее примечателен для темы настоящего доклада отзыв на рукопись монографии «Племена эпохи неолита и раннего металла в Карелии. Главы 3, 4, 5» (8.02.1960) [ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 106. Л. 15–16; Панкрушев 1964], в итоге Брюсов в качестве редактора написал предисловие к книге [ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 111. Л. 17–19; Брюсов 1964], в котором рассматривает труд Панкрушева в контексте перспективы дальнейших археологических исследований Севера Европейской России. Но особенно ценна для нас личностная оценка, данная учителем ученику: «Я знаю Г. А. Панкрушева с момента его первой „встречи“ с археологией, с момента поступления аспирантом в Институт истории материальной культуры АН СССР. Я и многие из моих товарищей по институту наблюдали за всем ходом его развития, и с законным правом могу сказать, что институт может гордиться результатами. И это не только мое мнение. Мы видим в настоящее время в лице Г. А. Панкрушева вполне сложившегося серьезного археолога, ведущего большую и ответственную работу в Карельской АССР, ведущего ее так, как и многие старшие сотрудники нашего института, что относится как к его полевой, так лабораторной и кабинетно-исследовательской работе. <...> Одной из хороших его черт является то, что он серьезно и внимательно относится к критике его трудов и делает из сделанных ему замечаний правильные выводы».

Письма Панкрушева [ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 341; ОР РГБ. Ф. 708. Д. 7. 11] и ответные Брюсова [ОР РГБ. Ф. 708. Д. 5. 14, 5. 24] свидетельствуют о том, как постепенно взаимоотношения учителя и ученика переходят в другую плоскость — в общение между учеными, имеющими общие научные интересы и делающими одно общее дело. Александр Яковлевич радуется профессиональному росту Панкрушева, но в письмах немало и критических замечаний на его статьи и отчеты: Брюсов добивается, чтобы работы ученика были «без сучка и задоринки».

Уважительное отношение к научному наследию учителя проходит через все письма Григория Александровича и его труды. В историографическом обзоре к книге «Мезолит и неолит Карелии» [Панкрушев 1978: 6–10] дана всесторонняя оценка вклада Брюсова в археологическое изучение края, при этом отмечены расхождения ученых по ряду вопросов (о заселении Карелии в неолите из Волго-Окского междуречья, о первенствующем значении рыболовства и др.).

Брюсов 1964 — Брюсов А. Я. От редактора // Панкрушев Г. А. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. Л., 1964. С. 3.

Панкрушев 1955 — Панкрушев Г. А. Локальные варианты Карельской археологической культуры периода неолита и раннего металла и их отношение к этническим общностям: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. 16 с.

Панкрушев 1958 — Панкрушев Г. А. Новые археологические данные по древнейшей истории Карелии // Вопросы истории Карелии. Петрозаводск, 1958 (Труды Карельского филиала АН СССР. Вып. 10). С. 3–13.

Панкрушев 1959 — Панкрушев Г. А. Датировка памятников Карельской археологической культуры // Вопросы истории Карелии. Петрозаводск, 1959 (Труды Карельского филиала АН СССР. Вып. 22). С. 52–86.

Панкрушев 1964 — Панкрушев Г. А. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. Л., 1964. 149 с.

Панкрушев 1978 — Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Т. 1: Мезолит. Л., 1978. 136 с.

С. В. Кузьминых работал по государственному заданию ИА РАН (№ 122011200264-9).

А. Я. Брюсов и его зарубежные корреспонденты (по материалам ОПИ ГИМ)

И. В. Белозёрова, С. В. Кузьминых*

Дореволюционная русская археология была тесно связана с европейской наукой. После 1917 г. советским и европейским ученым стоило немалых трудов сохранять сложившиеся связи. Они оставались еще довольно активными в 1920-е гг., но резко ослабли после 1929 г. — «года великого перелома» и репрессий предвоенного десятилетия.

Перемены наметились в 1945 г. по итогам Всесоюзного археологического совещания и мероприятий в честь празднования 220-летнего юбилея Академии наук. На совещании был принят пятилетний план исследований археологов СССР, включая широкий выход на международную арену и возобновление деятельности Русского археологического института в Константинополе [Итоги... 1945: 12, 13; Кузьминых, Серых 2021; Архив РАН. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 7–17]. Торжества в Отделении истории и философии и ИИМК АН СССР прошли с участием археологов Великобритании и США (Г. Чайлд, А. Поуп, Г. Филд и др.) [Кудрявцев и др. 2020: 133, 134]. Наряду с перепиской советских и английских ученых 1942 г. [Городцов и др. 1946; Миннз 1946] первые послевоенные контакты с западными коллегами давали надежду на совместные исследования, но с началом холодной войны они не получили продолжения. Регулярные контакты и совместные работы удалось наладить лишь с археологами из некоторых стран «народной демократии» [Кудрявцев и др. 2020].

Научные связи с учеными из-за рубежа активизировались в середине 1950-х гг.; первые признаки улучшения наметились еще в 1953 г. после кончины Сталина. Наряду с конференциями, музейными выставками, поездками по линии межкультурных связей важную роль в восстановлении научных коммуникаций сыграли личные контакты отечественных и европейских археологов. С советской стороны они осуществлялись прежде всего благодаря межакадемическому обмену и участию в научных форумах. С точки зрения масштаба контактов и связей их можно сравнить с тоненьким ручейком, который наберет силу лишь в наши дни в реалиях иного — информационного — века.

А. Я. Брюсов, не имея высоких академических званий, входил в достаточно узкий круг советских археологов, которые беспрепятственно выезжали за границу, в том числе в западные страны. В 1950-е гг. Александр Яковлевич, как свидетельствуют письма зарубежных коллег и копии его посланий, отчеты о командировках и дневниковые записи [ОПИ ГИМ. Ф. 545], по сути, стал полпредом советской археологии в европейских научных центрах. В архиве ученого сохранились материалы о поездках в ГДР, ФРГ, Данию, Швецию, Финляндию, Польшу, Австрию, Францию. Археологи этих стран — его основные корреспонденты; ему писали также коллеги из Болгарии, Чехословакии, Италии, Туниса, Норвегии, Мексики, США [Там же. Ед. хр. 346]. В заинтересованном обсуждении вопросов археологии неолита и эпохи раннего металла Западной, Северной и Восточной Европы участвовали Ф. Х. Фейльгенхауэр (Вена), А. Точик (Братислава), И. Вернер (Мюнхен), Г. Бернс, П. Гримм и

* Белозёрова И. В. — Государственный Исторический музей (irina.belozero@yandex.ru), Кузьминых С. В. — Институт археологии РАН (kuzminykhsv@yandex.ru); Москва, Россия.

© Белозёрова И. В., Кузьминых С. В., 2025

Рис. 1. Участники экспедиции 1956 г. на Модлоне; слева направо: М. Шишкина, М. Павлов, А. Я. Брюсов, Зайцев, К. Ф. Мейнандер, Б. Г. Тихонов, А. С. Пичугин (место хранения фотографии — Музейное ведомство Финляндии)

К. Отто (Берлин), А. Вараньяк (Париж), Х. Арбман (Лунд), К. Ф. Мейнандер (Хельсинки), Д. Кларк (Кембридж), М. Гимбутас (Гарвард).

Поездки Брюсова за рубеж были связаны с участием в международных конференциях и симпозиумах (ГДР, 1953; ФРГ, 1958; Франция, 1960). Часть их осуществлялась по линии культурных связей СССР с зарубежными странами (Дания, 1954; Финляндия, 1955; Польша, 1956; Австрия, 1957). Важную роль при подготовке свода каменных боевых топоров [Брюсов, Зимина 1966] сыграли командировки в Хельсинки в 1955, 1957 и 1959 гг. Две последние были осуществлены в рамках межакадемического обмена: они позволили обработать в Национальном музее уникальную коллекцию каменных сверленных топоров, собранную В. И. Заусайловым в основном в Казанской губернии, познакомиться с финскими музеями, а также обсудить с коллегами многие дискуссионные вопросы первобытной археологии Фенноскандии, Карелии и Русской равнины. У Брюсова сложились профессиональные и даже дружеские отношения с финскими археологами: его принимали у себя дома Э. Кивикоски и К. Ф. Мейнандер, А. Европеус делился своим опытом работы с восточноевропейскими сверленными топорами, с Мейнандером Брюсов совершил путешествие по Финляндии и Швеции и познакомился с древностями этих стран, а в 1956 г. ему, несмотря на бюрократические препоны, удалось пригласить финского коллегу на раскопки Модлоны (рис. 1).

Научные коммуникации поддерживались не только в ходе поездок: Александр Яковлевич получал немало приглашений к участию в сборниках. В частности, в 1955 г. Музей университета Кембриджа заказал ему статью в сборник в честь 65-летия и ухода с поста директора Института археологии Лондонского университета

профессора Г. Чайлда [ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 347], которого он имел честь принимать в Москве, в Историческом музее. А. А. Толстой, член совета по археологии Старого Света при Гарвардском университете, знакомит с программой издания справочника и предлагает участвовать в его подготовке. Многие письма в архиве Брюсова написаны редакторами европейских и американских археологических журналов и содержат предложения о сотрудничестве и книгообмене.

Среди его корреспондентов не только ученые, но и деятели культуры, музейные работники и даже студенты. С одним из них, Александром Хойслером (в будущем известным немецким доисториком), Брюсов познакомился на конференции по вопросам археологии, организованной АН ГДР в 1953 г. Активный диалог между ними продолжался до 1966 г. (40 писем). Помимо обмена информацией о новейших археологических открытиях в ГДР и СССР, естественно-научных методах исследований, подготовке кадров археологов, обсуждения перевода на немецкий язык книги советского ученого (Хойслер был ее переводчиком) [Brussov 1957] живо обсуждались проблемы изучения фатьяновской, среднеднепровской и в целом всей свиты культур боевых топоров. Полемика, прежде всего относительно происхождения и распространения индоевропейцев, выплескивалась за пределы переписки и перетекала на страницы журнала «Советская археология» [Брюсов 1965; Гейслер 1966]. Отметим, что в 1950–1960-е гг. Александр Яковлевич был одним из отечественных авторов, наиболее активно откликавшихся на труды западных коллег (см. в «Советской археологии» рецензии на труды М. Гимбутас, Д. Кларка, П. Бош-Гимпера, Ф. Хиббена и др.).

Развитие науки немыслимо без коммуникаций между учеными. Архивное наследие А. Я. Брюсова, особенно его переписка, отчеты о командировках и дневниковые записи, связанные с зарубежными поездками, приоткрывают детали контактов советских и европейских археологов в 1950–1960-е годы, осуществляемых вопреки «железному занавесу».

- Брюсов 1965 — Брюсов А. Я. Восточная Европа в III тысячелетии до н. э. (этногенетический очерк) // СА. 1965. № 2. С. 47–56.
- Брюсов, Зимина 1966 — Брюсов А. Я., Зимина М. П. Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части СССР. М., 1966 (САИ. Вып. В 4–4). 98 с.
- Гейслер 1966 — Гейслер А. Письмо в редакцию // СА. 1966. № 1. С. 325.
- Городцов и др. 1946 — Городцов В. А., Блаватский В. Д., Алнатов М. В. и др. Письмо археологов СССР археологам Англии // КСИИМК. 1946. Вып. XII. С. 165.
- Итоги... 1945 — Итоги и перспективы развития советской археологии (материалы для делегатов Всесоюзного Археологического совещания). М., 1945. 195 с.
- Кудрявцев и др. 2020 — Кудрявцев А. А., Володин С. А., Селезнева С. В. Международная деятельность Института истории материальной культуры АН СССР в послевоенный период (1945–1949 гг.) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3 т. Т. III. Самара, 2020. С. 133–135.
- Кузьминых, Серых 2021 — Кузьминых С. В., Серых Д. В. Всесоюзное археологическое совещание 1945 г. как ключевой фактор послевоенного развития советской археологии // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х — конец 1940-х годов). М., 2021. С. 36–37.
- Миннс 1946 — Миннс Э. Х. Ответ проф. Ellis H. Minns // КСИИМК. 1946. Вып. XII. С. 165.
- Brussov 1957 — Brussov A. Geschichte der neolithischen Stämme im europäischen Teil der UdSSR. Berlin, 1957. 327 S.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 25-18-00790 «Отечественная археология в системе международных научных коммуникаций между двумя мировыми войнами» в Институте археологии РАН.

А. Я. Брюсов, фатьяновская культура и советская археологическая мысль периода «оттепели»

Д. В. Блышко, Е. А. Кашина*

Напряженность отношений двух поколений археологов в 1960-е гг. была связана не только с расхождениями персональных исследовательских позиций, но и со сменой глобальных культурных парадигм. Это хорошо иллюстрируют дискуссии о миграциях бронзового века между А. Я. Брюсовым и Л. С. Клейном, а также Д. А. Крайновым и П. М. Кожиным. Различия в занимаемых должностях представителей разных поколений определяло и разные стратегии поведения в этих конфликтах.

В политическом воображении советской элиты 1950-х гг., к которой относились археологи старшего поколения, сочетались гиперреакция на идеологию германского империализма довоенного периода и необходимость формулировать ответ на новый вызов советскому проекту — глобальное доминирование США, которое на уровне представлений о прошлом выражалось в концепции единства становления мировой культуры вокруг достижений западной цивилизации.

В научном поиске это стимулировало ученых изучать примеры полицентричности развития мировой культуры и выбирать такие объекты исследования, которые позволили бы обратиться к истории центров независимых культурных импульсов, находящихся на территории СССР.

Так, А. Я. Брюсов, помещая автохтонный центр фатьяновской культуры в причерноморские степи, заменял образ культуры германских завоевателей,двигающихся на Восток, на содружество степных племен, продвигающихся на Запад в процессе формирования родственных «германо-балто-славян». Д. А. Крайнов также помещал прародину фатьяновской культуры в границы СССР, а развитие культур видел в этнических наслоениях как непременно результате движения населения, столкновений, ассимиляции, поглощения одних племен другими под действием природно-климатических факторов.

Поколение молодых исследователей формировало собственные представления уже в условиях «оттепели», которая охватывала не только советское, но и западное общество. Они выражались в размытии идеологических позиций капитализма и коммунизма и их конвергенции, что нивелировало значимость вопроса об источниках культурных импульсов как в массовой культуре, так и в историческом воображении.

Л. С. Клейн, например, рассматривал формирование катакомбной культуры как результат сложных миграций в пределах Европы, в ходе которых происходила конвергенция культур,менявшихся при взаимодействии с более развитыми соседями. П. М. Кожин в принципе отказывался от рассмотрения миграции в качестве причины и представлял развитие культур (и появление новых специфических самостоятельных культур) как результат внутренних процессов (внутренней эволюции), контактов, взаимодействий с соседними культурами и смешений.

*Блышко Д. В. — ООО «Аристо Северо-Запад», Петрозаводск, Россия (dblyshko@gmail.com); Кашина Е. А. — Государственный Исторический музей, Москва, Россия (eakashina@mail.ru).

© Блышко Д. В., Кашина Е. А., 2025

Разница занимаемых исследователями должностных позиций обуславливала их стратегии в ведении дискуссии по этим вопросам. Так, Л. С. Клейн, находясь вне прямого административного влияния группы сторонников автохтонизма, мог относительно свободно публиковать свои работы и был заинтересован в развертывании дискуссии в печати, что уравнило бы его статус со статусом А. Я. Брюсова. А. Я. Брюсов, в силу своего положения, имел больше возможностей для публикации своих работ и участвовал в формировании научной повестки через административную деятельность. Сформировавшиеся социальные сети взаимного признания авторитетов снимали для него необходимость отвечать на интеллектуальные провокации извне. Положение П. М. Кожина отличалось тем, что он находился в прямом подчинении у своих оппонентов, что повлияло на выбор конкретных форм интеллектуального противостояния: через процедуру защиты диссертации и систему трудоустройства.

Несмотря на уникальность интеллектуальной траектории каждого исследователя, их выборы не были свободны от воздействия современной им культуры, точно так же, как истории отдельных дискуссий были во многом обусловлены структурой научного сообщества.

А. А. Выборнов, Н. С. Дога, М. А. Кулькова, Э. М. Лактаева*

Одними из многочисленных положений, которые разрабатывал А. Я. Брюсов, явились механизм и векторы распространения достижений в период неолита. Исследователь предполагал попадание из южных регионов в северные области неолитических новаций в качестве импортов. Солидаризируясь с позицией О. Монтелиуса, он допускал достаточно короткое время для этого. Причем А. Я. Брюсов считал, что абсолютная датировка неолитических памятников возможна преимущественно по археологическим, а не естественно-научным данным. А затем, опираясь на труды Л. Моргана, характеризовал процесс пространственного освоения новых территорий пришлыми племенами. Основопологающим был поток с юга на север [Брюсов 1952: 7–18]. Следует отметить, что в качестве полигона А. Я. Брюсов рассматривал комплексы северных территорий. В свете данного положения можно проанализировать три примера из неолитических древностей южных регионов.

В развитом неолите Северного Прикаспия превалирует плоскодонная посуда из ила с прочерчено-накольчатой орнаментацией. При пространственно-временном анализе распределения сосудов в жилищах было установлено преобладание на придонной поверхности неорнаментированной керамики с различными формами венчиков, что подтверждает их наиболее ранний возраст [Выборнов и др. 2022]. Аналогичная картина представлена и в материалах раннего неолита Приазовья [Котова 2002]. Большой интерес вызывает сосуд на стоянке Каир-Шак III с меандровидным узором, изготовленный по иному рецепту, чем все остальные. Композиция находит аналогию в посуде сурской культуры. Это подтверждает импортный характер каиршакского экземпляра. Обратное движение маловероятно: часть приазовских сосудов, включая сосуд с меандром, сделана из камня, а это более древняя технология. На первый взгляд этому противоречит различие в форме днищ: североприкаспийские — плоские, а сурские — остродонные. Но здесь следует напомнить, что в самых ранних материалах (Кугат IV, Кулагайси, Ту-бузгу-худук I) присутствует аналогичная форма днищ. Подтверждением такого пространственного распространения служат и даты как для этих комплексов, так и для приазовских: 7200–7000 BP [Выборнов и др. 2021]. Таким образом, первичное попадание в виде импорта, а затем местная адаптация шли не с юга на север, а с запада на восток. Это вовсе не означает исключение южного импульса, в результате которого появляется не только плоскодонность, но и ряд ямок под венчиком, который присущ и северокавказским (стоянка Цми), и ранним джангарским сосудам. Совпадение их возраста подтверждается и радиоуглеродными датами.

Вторым примером могут служить материалы прикаспийской культуры, в орнаментации которой появляется гребенчатый штамп. Он есть и на сосудах нижнедонского типа еще на безворотничковой фазе развития [Скоробогатов и др. 2024]. Аналогичная керамика присутствует и в Северном Прикаспии, что также подтверждает

*Выборнов А. А., Дога Н. С., Лактаева Э. М. — Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия (vybornov_kin@mail.ru, natalidoga@yandex.ru, laktaeva2000@mail.ru); Кулькова М. А. — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия (kulkova@mail.ru).

© Выборнов А. А., Дога Н. С., Кулькова М. А., Лактаева Э. М., 2025

широтное распространение новаций. Здесь она датируется 6100 ВР. Но и в данном случае не следует исключать первоначального импульса с Северного Кавказа: гребенчатая техника фиксируется около 6000 ВР [Голованова и др. 2023]. Но следует учитывать, что это пока первый памятник с подобной керамикой в данном регионе.

Еще один пример связан с каменными булавами, обнаруженными в неолитических памятниках. Первоначально они появляются в комплексах Крыма, Северного Прикаспия и степного Поволжья. В двух последних эти артефакты датируются 6600 ВР. Затем они распространяются в Днепро-Донецком регионе и только потом фиксируются в лесостепном Поволжье. Но трактовать их следует не как импорты, а как дальнейшее развитие, так как и азово-днепровские, и самарские датируются по радиоуглероду значительно позднее южных.

Таким образом, пространственный анализ показывает, что положение А. Я. Брюсова, при некоторых уточнениях, подтверждается и для культур юга. После первоначального южного импульса фиксируется широтное распространение, и только затем инновации проникают севернее. Но конкретизировать этот процесс без результатов естественных наук не представляется возможным.

Брюсов — Брюсов А. Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952. 263 с.

Выборнов и др. 2021 — Выборнов А. А., Дога Н. С., Кулькова М. А. Природно-климатические кризисы как фактор культурной и хозяйственной изменчивости в неолите — энеолите Нижнего Поволжья // Уральский исторический вестник. 2021. № 3 (72). С. 15–25.

Выборнов и др. 2022 — Выборнов А. А., Васильева И. Н., Лактаева Э. М., Фролов И. К. Керамика из жилищ неолитической стоянки Каиршак III в Северном Прикаспии // Самарский научный вестник. 2022. № 2. С. 145–163.

Голованова и др. 2023 — Голованова Л. В., Дороничев В. Б., Резепкин А. Д., Дороничева Е. Б., Паламарчук Е. С. От эппалеолита до средневековья. Предварительные результаты изучения «Навеса у Алебастрового завода» в Приэльбрусье // Поволжская археология. 2023. № 3. С. 46–69.

Котова 2024 — Котова Н. С. Неолитизация Украины. Луганск, 2002. 267 с.

Скоробогатов и др. 2024 — Скоробогатов А. М., Долбунова Е. В., Мазуркевич А. Н., Кулькова М. А. Мариупольская керамическая традиция на Нижнем Дону: истоки, памятники, хронология // Каменный век Волго-Камья и сопредельных территорий. Самара, 2024. С. 149–153.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 24-28-00103.

Проблематика волосовской культуры в работах А. Я. Брюсова: современный взгляд

О. В. Андреева*

В работах А. Я. Брюсова волосовская культура рассматривается с точки зрения происхождения и развития, ее связи с другими культурами того времени, а также особенностей материальной культуры и искусства.

Бытование волосовской культуры А. Я. Брюсовым было определено в границах течения р. Оки, нижнего течения р. Клязьмы с возможностью распространения на север. На современном этапе изучения к территориям, занятым волосовской культурно-исторической общностью, относят страны Балтии, Центральную Россию, лесное Среднее Поволжье. Расширение географии связано с открытием и исследованием памятников во второй половине XX в.

Исследователь придерживался теории автохтонности и считал, что волосовская культура возникла на основе местных мезолитических традиций и постепенно развивалась, включая в себя элементы соседних культур. За последние 50 лет ряд крупных ученых также обращался к проблеме происхождения волосовской культуры. Д. А. Крайнов, Е. Л. Костылёва и А. В. Уткин писали о прибалтийском происхождении волосовцев, основываясь на антропологии, традициях погребения, янтарных украшениях в некрополях. В. В. Сидоров и А. В. Энгватова связывают происхождение волосовской культуры с носителями валдайской культуры. О. Н. Бадер и А. Х. Халиков предполагали, что истоки волосовского населения следует искать в миграции из Урало-Камского региона. Многие соглашались с А. Я. Брюсовым в том, что истоки волосовской культуры находятся в Волго-Окском междуречье, но при этом выделяли локальные варианты культуры: В. П. Третьяков писал о сурско-мокшанском варианте; В. В. Никитин обосновывает выделение средневолжского варианта, формирование которого происходит с примесью волго-камской культурной традиции.

По мнению А. Я. Брюсова, время существования волосовской культуры относится к неолиту и определяется концом — третьей четвертью II тыс. до н. э. Вывод основывается на сравнении датирующих предметов: каменных шлифованных валикообразных топоров, шлифованных черешковых каменных топоров, гладкостенных плоскодонных сосудов баночного типа. В конце XX — начале XXI в. развивается метод абсолютной хронологии, в связи с этим периодизация многих археологических культур пересматривается. В разных лабораториях по волосовским материалам (керамике, кости, нагару) была получена внушительная серия дат. В современной науке волосовскую культуру относят к эпохе энеолита и определяют время функционирования следующими интервалами: первая — четвертая четверти III тыс. до н. э. — верхневолжские материалы; начало — третья четверть III тыс. до н. э. — средневолжские памятники. Полученные даты позволяют нам удревить волосовское население, при этом тезис А. Я. Брюсова о длительном времени существования культуры и возможности разделения ее на периоды подтверждается.

*Андреева О. В. — Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия (olgayer@mail.ru).

© Андреева О. В., 2025

К типичным чертам волосовской культуры ученый относит насыщенность культурного слоя, что, по его мнению, характеризует оседлость и плотность населения, а также занятие примитивным земледелием. Стоит отметить, что в работах многих исследователей того времени одной из парадигм было определение производящего хозяйства в культурах не только эпохи энеолита, но и более ранних, вплоть до бескерамических, неолитических фаз. Однако скрупулезный анализ источниковой базы и критический подход к ней на современном этапе изучения волосовской проблематики не позволяют дать положительный ответ относительно наличия земледелия или скотоводства у данных племен.

Некоторые изменения претерпела и интерпретация технологии изготовления волосовской посуды. С помощью технико-технологического анализа во второй половине XX — начале XXI в. установлено, что примесь, считавшаяся ранее растительной, является пухом водоплавающих птиц. При этом подтверждается наличие отмечавшейся А. Я. Брюсовым примеси дробленой раковины в формовочной массе.

Таким образом, представления, существовавшие о волосовской культуре в середине XX в., за прошедшие десятилетия претерпели незначительные корректировки при сохранении ключевых положений.

Исследование выполнено по проекту РНФ № 23-78-10088.

Проблема неолитизации среднего течения Северского Донца в свете исследований А. Я. Брюсова: ретроспективный взгляд и современное состояние исследований

Н. В. Манько*

В эпоху позднего каменного века на территории Днепро-Донского междуречья происходит активный процесс становления, развития и сосуществования целого ряда неолитических культур, каждая из которых обладала своим набором специфических черт и особенностей. Закономерным итогом их постоянного взаимодействия стало взаимопроникновение различных технологических идей и новаций, культурных традиций и даже, вполне вероятно, некоторых принципов организации общества. Изучению подобных процессов первобытной истории во многом и были посвящены отдельные страницы научной биографии А. Я. Брюсова.

Одним из регионов, на который обратил внимание исследователь, является долину среднего течения Северского Донца. Уже в середине 1920-х гг. изюмским краеведом Н. В. Сибилевым здесь был открыт ряд неолитических памятников, материалы которых в начале 1950-х гг. позволили А. Я. Брюсову выделить отдельную донецкую культуру, охватывавшую территорию всего Днепро-Донского междуречья и, по его мнению, имевшую местное мезолитическое происхождение [Брюсов 1952].

В дальнейшем, уже на основе его идей, была выделена единая днепро-донецкая культура, хронологически и территориально определенная в исследованиях Д. Я. Телегина [1968] и В. Н. Даниленко [1969], локальным вариантом которой продолжала оставаться донецкая культура. Основываясь на многочисленных керамических комплексах, Д. Я. Телегин впоследствии выделяет днепро-донецкую этнокультурную общность [Телегин, Титова 1998]. В ее генезисе исследователями отмечается влияние местной мезолитической традиции и технокомплекса прибалтийско-маглемозских памятников.

Открытие большого числа новых памятников каменного века на территории Донбасса в 1980–1990-е гг. позволило поставить отдельный вопрос о происхождении донецкой культуры. Среди ее культурных признаков исследователями отмечаются малое количество и разнотипность керамики, а также устойчивое преобладание мезолитической традиции в местном технокомплексе. Наиболее сильная взаимосвязь прослеживается с кукрецким и зимовниковским мезолитическими комплексами, а также выделяются отдельные элементы, присущие яниславицкой и матвеевокурганской культурам и памятникам типа Миньевский Яр [Горелик 1997; Котова 2002; Манько 2006].

В целом же мы видим, что первоначальная идея А. Я. Брюсова о донецкой культуре получила свое закономерное развитие в работах последующих поколений археологов, где она рассматривается как комплексная культурно-историческая общность, однако ряд поставленных им вопросов о ее возникновении и развитии по-прежнему далек от своего разрешения. Отметим также, что в последнее десятилетие в отечественном неолитоведении все чаще поднимаются вопросы касательно

* Манько Н. В. — Донецкий государственный университет, г. Донецк, Россия (nikita_manko98@mail.ru).

© Манько Н. В., 2025

необходимости пересмотра понятия «неолит» как отдельной археологической эпохи и разработки более четкого механизма выделения археологических культур, что возможно, в том числе, при изучении донецкой культуры [Манько 2010; Горелик и др. 2015].

Брюсов 1952 — Брюсов А. Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952. 263 с.

Горелик 1997 — Горелик А. Ф. Сложение донецкой культуры и некоторые методологические проблемы «неолитизации» мезолитических культур // Древности Подонцовья. Луганск, 1997. С. 32–37.

Горелик и др. 2015 — Горелик А. Ф., Цыбрий А. В., Цыбрий В. В. «Неолитизация» в северном Понто-Каспийском регионе: многообразие процесса без единства его сущности? // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. СПб., 2015. С. 214–217.

Даниленко 1969 — Даниленко В. Н. Неолит Украины. Главы древней истории Юго-Восточной Европы. Киев, 1969. 259 с.

Котова 2002 — Котова Н. С. Неолитизация Украины. Луганск, 2002. 267 с.

Манько 2006 — Манько В. О. Неоліт Південно-Східної України. Київ, 2006 (Кам'яна доба України. Вип. 9). 280 с.

Манько 2010 — Манько В. О. Проблеми вивчення неоліту України // Кам'яна доба України. Київ, 2010. Вип. 13. С. 229–253.

Телегін 1968 — Телегін Д. Я. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968. 259 с.

Телегин, Титова 1998 — Телегин Д. Я., Титова Е. Н. Поселения Днепро-Донецкой этнокультурной общности эпоха неолита: свод археологических источников. Киев, 1998. 142 с.

Древняя история Сестрорецкого Разлива и его окрестностей. Аспекты и история изучения

Н. А. Цветкова, С. Л. Дорожковский*

Археологическое изучение Карелии и сопредельных ей территорий связано с именами таких выдающихся исследователей, как А. Я. Брюсов, Г. А. Панкрушев, С. С. Гамченко, Б. Ф. Земляков, М. Я. Рудинский, Г. П. Сосновский и др. Благодаря их трудам получены необычайно ценные сведения о древнейших памятниках этой местности, на основе которых появилась возможность реконструировать историю края.

Озеро Сестрорецкий Разлив расположено недалеко от южных границ Карелии. История изучения древностей района около этого водоема, искусственно созданного в 1721 г. для обеспечения работы оборудования Сестрорецкого оружейного завода на р. Сестре, насчитывает 120 лет. Первые находки орудий древнего человека были сделаны Г. А. Штакельбергом в 1905 г. у станции Разлив [Гурина 1961]. Хронология изучения памятников археологии каменного века и периода раннего металла подробно изложена в обобщающих работах Н. Н. Гуриной [1961], В. И. Тимофеева [1993], В. А. Лапшина [1995], Д. В. Герасимова [2003; 2006], С. Н. Лисицына [2006], Т. М. Гусенцовой [2024], П. Е. Сорокина [2024].

В истории изучения этой территории можно выделить три этапа.

Первый — с 1905 по 1934 г. — время особо активных научных изысканий и археологических наблюдений. В этот период помимо археологов-профессионалов в исследовании региона деятельное участие принимали специалисты смежных дисциплин, краеведы и собиратели-любители, заинтересованные в изучении древней истории региона. На территории окрестностей Сестрорецкого Разлива исследования проводили Сестрорецкая и Лахтинская экскурсионные станции, а также краеведческий кружок по изучению Лесного, где каждый желающий мог принять участие в археологических изысканиях. При них были организованы музеи, археологические коллекции из фондов которых были впоследствии переданы на хранение в Эрмитаж и Кунсткамеру.

Наиболее интенсивно исследованием древнего прошлого Сестрорецкого Разлива в те годы занимались Б. Ф. Земляков, В. М. Соколов, А. П. Штакельберг, П. В. Виттенбург, А. И. Суомолайнен, М. Я. Рудинский, А. А. Спицын, П. П. Ефименко, И. И. Краснов, Л. А. Динцес.

Второй этап — 1950–1970-е гг. В это время (1956–1959) студенты Ленинградского университета под руководством Н. Н. Гуриной обследовали территории в районе Глиняного ручья, а в 1958–1959 гг. ими была вновь обследована территория стоянки Глиняный Ручей. В 1970-е гг. археологические изыскания на территории около Сестрорецкого Разлива проводили школьники краеведческого кружка под руководством В. М. Соколова.

Третий этап — с 1990-х гг. по наши дни. Благодаря работам В. И. Тимофеева, П. Е. Сорокина был осуществлен мониторинг памятников археологии, известных на этой территории. В 2012 г. С. Н. Лисицын и Т. М. Гусенцова выявили новую стоянку Сосновая Гора 1, исследования которой были продолжены Т. М. Гусенцовой в 2013 г.

*Цветкова Н. А., Дорожковский С. Л. — Историко-культурный музейный комплекс в Разливе, Санкт-Петербург, Россия (n-tsvetkova@yandex.ru, stanislawdorozkowski@ya.ru).

© Цветкова Н. А., Дорожковский С. Л., 2025

На сегодня на территории вокруг Сестрорецкого Разлива известны 16 памятников археологии, датируемых неолитом — железным веком (концом VI — III тыс. до н. э.). Хотя вполне логично предположить, что и в мезолитическое время эта территория также была обитаема.

Считается, что систематическое изучение археологических древностей Сестрорецкого Разлива было заложено С. С. Гамченко. Им были исследованы в 1906–1908 гг. насыпи, по его представлениям являвшиеся курганными, большинство из которых оказались углежогными кучами. Были изучены 120 насыпей, и составлен детальный план их расположения [Гамченко 1909: 4–43]. С 1906 по 1912 г. С. С. Гамченко также занимался археологическими исследованиями окрестностей Сестрорецка (бассейны нижнего течения рек Сестры и Черной). Насыпи такого же характера были выявлены в 1995 г. и датированы XVIII–XIX вв.: «Некоторые документы этого времени подтверждают высказанное ранее предположение о назначении этих насыпей как углежогных» [Сорокин 2024: 33].

Однако история изучения допетровских древностей на территории Сестрорецкого Разлива и его окрестностей связана прежде всего с геологическими изысканиями. Так, Б. Ф. Земляковым была разработана хронологическая периодизация здешних стоянок на основании периодизации типов ямочно-гребенчатой керамики по Ю. Айлио.

Охотники, рыболовы и собиратели, обитавшие в этой местности в древности, неоднократно посещали территорию Сестрорецкого Разлива и его окрестностей, поскольку она как была, так и остается богатой природными ресурсами. Поэтому изучение древностей Сестрорецкого Разлива по-прежнему актуально и перспективно с учетом возможностей технологий XXI в.

Гамченко 1909 — Гамченко С. С. Раскопки на побережье Финского залива // Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества, 1909. 134 с.

Герасимов 2003 — Герасимов Д. В. Периодизация и хронология неолитических памятников юга Карельского перешейка // Проблемы балтийской археологии. Калининград, 2003. С. 30–37.

Герасимов 2006 — Герасимов Д. В. Каменный век Карельского перешейка в археологическом собрании МАЭ РАН // Свод археологических источников Кунсткамеры. СПб., 2006. С. 109–188.

Гурина 1961 — Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. М.; Л., 1961 (МИА. № 87). 588 с.

Гусенцова 2024 — Гусенцова Т. М. Неолит озера Сестрорецкий Разлив: история и новые открытия // Разливские чтения 2023. Неолит Сестрорецка и окрестностей. Сб. ст. по итогам III науч. ист.-культ. конф. (27 октября 2023 г., СПб.). СПб., 2024. С. 7–21.

Лапшин 1995 — Лапшин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2: Восточные и северные районы. СПб., 1995. 234 с.

Лисицын 2006 — Лисицын С. Н. Доисторические поселения на побережье Литоринового моря в восточной части Финского залива. Опыт геоморфологической периодизации // Первобытная и средневековая культура Европейского Севера: проблема изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006. С. 112–121.

Сорокин 2024 — Сорокин П. Е. О сохранении и музеефикации археологических объектов Сестрорецкого разлива // Разливские чтения 2023. Неолит Сестрорецка и окрестностей. Сб. ст. по итогам III науч. ист.-культ. конф. (27 октября 2023 г., СПб.). СПб., 2024. С. 22–38.

Тимофеев 1993 — Тимофеев В. И. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе балтийских культур каменного века // Древности Северо-Запада. СПб., 1993. С. 8–34.

Часть II

Планиграфический анализ структуры поселений и стоянок позднего неолита

Сочетание каменных и костяных конструкций разных типов в памятниках Крайнего Северо-Востока Азии

Г. К. Данилов*

Тундровая и лесотундровая зоны Крайнего Северо-Востока Азии на протяжении тысячелетий представляли собой кросскультурное пространство берингийской суши. В результате на этой территории сохранилось огромное количество разновременных этноархеологических объектов в виде конструкций из камня или кости. Археологические памятники, включающие подобные сложения, получили широкое распространение во всей циркумполярной зоне Евразии и Северной Америки. Конструкции приурочены к различным формам рельефа и могли быть элементами хозяйственно-бытового и сакрального ландшафта.

На территории Северо-Западной и Центральной Чукотки сложения из камня и кости в основном сгруппированы в комплексы объектов. Количество выкладок и сложений в группах варьирует от 2–3 до 50 и более.

Крупные комплексы обычно включают в себя различные по морфологии и функции конструкции из камня и кости (в том числе из сочетаний этих материалов). Это обусловлено привлекательностью определенных участков ландшафта для разных групп населения, обитавших на этой территории в разное время. На достаточно компактном пространстве могут быть представлены сооружения, весьма различающиеся по возрасту. Это обеспечивает смешение в одном месте объектов ритуального, погребального и хозяйственно-бытового назначения. Участки сосредоточения объектов могли использоваться как временное стойбище, место охоты, рыбной ловли или хранения добычи.

К ритуальным конструкциям относятся каменные выкладки разных форм, иногда с помещенными под камни рогами или битой костью северного оленя, а также парные рога оленя, сложенные в кучу особым образом. Погребальные объекты включают в себя овальные и полукруглые могильные обкладки. Следы временных лагерей или точек наблюдения выражены в виде каменных кольцевых жилищных выкладок разных диаметров или пунктов с находками разновременных каменных артефактов. Места промысла выделяются по читаемым элементам ландшафта (перевальная седловина, удобное место для покоя на воде, зимовальная яма в русле реки и т. д.) и разными типами временных продовольственно-хозяйственных хранилищ из камня в сочетании с ритуальными объектами.

Различные по морфологии и функции объекты внутри комплексов обычно представлены отдельными компактными группами и образуют кластеры, зачастую выделяющиеся не только планиграфически, но и расположением на подчеркнuto разных гипсометрических уровнях. Дистанции между такими группами варьируют от одного до нескольких десятков метров. Однако длительное использование этого же участка предполагает перекрытие зон различных по возрасту и функции объектов, что подтверждается как полевыми наблюдениями, так и результатами археологических раскопок.

*Данилов Г. К. — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия (gleb.danilov.spb@gmail.com).

© Данилов Г. К., 2025

Полученные материалы наглядно демонстрируют схожесть векторов освоения внепоселенческого пространства разными этническими группами в позднем каменном веке Чукотки и этнографической современности. Типологическая близость ряда конструкций допускает возможность преемственности и трансформации традиций и обрядов внутри этноархеологического ландшафта.

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Культурное и сакральное пространство крайнего северо-востока Азии: каменные и костяные конструкции позднего голоцена Чукотки» (№ 25-28-01122).

Опыт анализа планиграфии стоянок верхнего палеолита по результатам охранно-спасательных раскопок памятников Афонтовой горы

И. И. Разгильдеева*

Охранно-спасательные раскопки 2010–2025 гг. памятников Афонтовой горы г. Красноярска с применением трехмерной фиксации всех находок и аналитических образцов в единой Балтийской системе высот обеспечили возможности для изучения пространственной организации палеолитических объектов и структур в контексте участков вскрытия 5,5–14,5 и более тыс. кв. м. В докладе представлены результаты планиграфического анализа культурных горизонтов (к. г.) возрастом в диапазоне AMS ^{14}C -дат 16–12 тыс. некал. л. н. стоянок Афонтова Гора II, IV, Крутая, занимающих разные гипсометрические уровни юго-восточного склона Афонтовой горы. Выявленные в отложениях II надпойменной террасы р. Енисей и облегающей покровной толще площадки обитания были приурочены к пологим поверхностям по бортам и межсклоновым участкам древних эрозионных форм палеорельефа, имеющим вид логов или распадков. Стратиграфическая позиция и планиграфия остатков свидетельствуют об их нахождении *in situ* при сохранении объектов и структур, перспективных для реконструкции деятельности ситуаций и систем адаптации древних коллективов, иных социокультурных построений.

Значимыми элементами в структуре пространства культурных горизонтов признавались участки с признаками термического воздействия (углистые и золисто-сажистые пятна, кострища, очаги однотипного и смешанного состава скопления костных остатков, продуктов камнеобработки и орудийных форм). Археологические материалы характеризуют разделку промысловой добычи, потребление пищевых ресурсов, обработку каменного сырья, изготовление и реутилизацию орудий.

Комбинации связей между находками и планиграфическими элементами установили общность поверхностей обитания, отнесенных при раскопках стоянки Афонтова Гора II к разным условным уровням. Результаты согласуются с данными геоморфологов о серии оползневых событий, видоизменивших формы рельефа в интервале 13–11 тыс. некал. л. н., что привело к смене приоритетов при выборе мест жизнедеятельности в пользу участков поверхности в нижней части склона.

На западном участке стоянки Афонтова Гора II планиграфический анализ выявил пять площадок обитания в культурном горизонте 2.1 с признаками охотничьих промысловых лагерей с сезонной приуроченностью конец лета — осень. Зафиксирован пример палимпсеста разновременных эпизодов обитания в горизонтальном срезе культурного горизонта 3 стоянки Афонтова Гора II второй половины лета — первой половины осени, в вертикальном — для культурного горизонта 2 стоянки Крутая с сезонной приуроченностью к осенне-зимнему и весенне-летнему периодам [Артемьев и др. 2019].

*Разгильдеева И. И. — Забайкальский государственный университет, Забайкальский научный центр Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Чита, Россия (labpaleo@yandex.ru).

© Разгильдеева И. И., 2025

В пространстве палеолитического слоя стоянки Афонтова Гора IV изучено десять локаций, отражающих последовательность освоения территории разными коллективами. Скопления артефактов и костных материалов маркируют пространство площадок обитания, характеризуют зоны хозяйственного назначения, места обработки камня и кости. Ремонтаж и анализ групп сырьевых единиц установили выполнение актов деятельности при пространственном смещении рабочих зон. Впервые для стоянок Афонтовой горы были выделены остатки жилища [Разгильдеева и др. 2022], идентифицированы участки функционирования лагерей относительно длительного периода и кратковременных эпизодов промысловой деятельности — охоты на зайцев и птиц. Планиграфия комплекса культурного горизонта 4 стоянки Афонтова Гора II — пример локации остатков кратковременной охотничьей стоянки при участии от трех до шести человек с размещением возле костра открытого типа [Акимова и др. 2021б: 78–80, рис. 57].

По результатам охранно-спасательных работ Афонтова гора перестала быть «монокультным „афонтовским“ комплексом». Установлено, что ее территорию в близких хронологических интервалах осваивали носители традиций и афонтовской, и кокоревской культуры [Абрамова 1979; Акимова и др. 2021б: 104, 105]. При этом комплексы Афонтовой Горы IV, датируемые возрастом 16–15 тыс. некал. л. н., ставят вопрос об обитателях с более ранними технологическими традициями.

Абрамова 1979 — Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Новосибирск, 1979. Афонтовская культура. 157 с. Кокоревская культура. 200 с.

Акимова и др. 2021а — Акимова Е. В., Новосельцева В. М., Стасюк И. В. Кокоревские стоянки Афонтовой горы // Записки ИИМК. 2021. № 24. С. 104–119.

Акимова и др. 2021б — Акимова Е. В., Анойкин А. В., Васильев С. К. и др. Позднепалеолитическая стоянка Афонтова Гора II: итоги мультидисциплинарных исследований 2014 года. Новосибирск, 2021. 258 с.

Артемьев и др. 2019 — Артемьев Е. В., Разгильдеева И. И., Прилепская Н. Е. Стоянка Крутая — новый объект в археологическом комплексе Афонтовой горы: предварительные результаты исследований 2017 года // Преодоление времени и пространства: статьи по актуальным проблемам охранно-спасательных работ на памятниках археологии Средней Сибири. Иркутск, 2019. С. 34–55.

Разгильдеева и др. 2022 — Разгильдеева И. И., Акимова Е. В., Барков А. В., Клементьев А. М., Новосельцева В. М. Позднепалеолитический жилищно-хозяйственный комплекс стоянки Афонтова Гора IV (Овражная): результаты исследований 2020–2021 гг. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50, № 4. С. 27–38.

Мергель 6 — опорный комплекс раннего неолита в Нижнем Приишимье (Западная Сибирь): структура поселения и анализ распространения керамических групп посуды по методу связей

Д. Н. Еньшин*

Поселение Мергель 6 расположено в северной лесостепной зоне в долине р. Ишим на мысовидном выступе высокой озерной поймы, образованном озером Мергель и вытекающей из него протокой Мергелькой. На сегодняшний день выявлено 13 сооружений неолитического времени, разделенных на три типа [Еньшин 2014]. Тип I — легкие постройки хозяйственного назначения площадью 9–15 кв. м с углубленной на 0,05–0,15 м в материк частью (шесть построек). Тип II — жилища с котлованами подквадратной формы, площадью около 50 кв. м (пять построек). Углублены котлованы таких сооружений на 0,25–0,50 м. Тип III — жилища с котлованами подквадратной формы, площадью около 100 кв. м и углубленной на 0,5–0,8 м частью (две постройки).

Неолитическая керамическая коллекция насчитывает 520 емкостей, представленных как развалами и скоплениями, так и отдельными венчиками.

В рамках двух линий развития гончарных традиций (1-я — плоскодонные сосуды горшечной и баночной формы, с валиками на внешней поверхности и выраженным сложным геометризмом в орнаментации; 2-я — округлодонные емкости баночной формы с подтреугольными наплывами с внутренней стороны и линейно-волнистым орнаментом) выделено четыре группы керамики, три из которых обладают признаками известных в лесостепном Зауралье культур и типов керамики — кошкинской раннего неолита, «классической» боборыкинской позднего, валиковой, а четвертая демонстрирует смешение традиций [Еньшин и др. 2024].

Исследование крупных поселений с многокомпонентным керамическим комплексом закономерно ставит вопрос об одновременности жилищ и сосудов внутри них. Выделяется несколько уровней решения этого вопроса, большинство их лежит в плоскости пространственного анализа археологического объекта и определения степени сохранности культурного слоя.

Культурные отложения поселения сложены преимущественно «тяжелыми» суглинками, что способствовало сохранности артефактов и контуров сооружений. Неолитический слой наиболее мощный (0,4–1,5 м) и лишь незначительно (до 0,3–0,4 м на отдельных участках) потревожен в последующие эпохи.

Планиграфический анализ сооружений неолита не установил фактов их наложения. Сходство до идентичности построек внутри выделенных типов представляется косвенным свидетельством их хронологического единства. В свою очередь анализ всей исследованной части поселения позволил выявить признаки его пространственной организации в древности — планировки, приближенной к кругу и вписанной в естественную конфигурацию мыса. Вдоль береговой линии протоки были расположены легкие хозяйственные постройки (тип I), далее — средние

*Еньшин Д. Н. — Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН, г. Тюмень, Россия (Dimetrius666_72@mail.ru).

© Еньшин Д. Н., 2025

жилища (тип II), выстроенные по дуге (кругу?) вокруг двух самых крупных сооружений (тип III). Наличие структуры поселения также является косвенным подтверждением одновременности ее составляющих.

65 % коллекции сосудов получено из заполнения котлованов сооружений (полузакрытых комплексов). Анализ распространения емкостей по группам показал нахождение изделий всех четырех на одних и тех же объектах, преимущественно в придонной части или на самом дне. Количественный подсчет сосудов по жилищам (учитывались объекты II и III типов) выявил общую тенденцию — число емкостей на котлован — 40–60 ед. (чаще 50–60 ед.). Отмечается и устойчивость доли сосудов в группах.

Кроме того, анализ изделий по жилищам выявил такую особенность залегания материала, как нахождение фрагментов одного сосуда в разных котлованах, что позволило применить еще один элемент пространственного анализа — метод «связей» или «связей ремонтажа» [Сериков 1983; Рыжкова 1993; Ларионова 2019]. По результатам его применения было установлено, что сооружения II и III типа объединены преимущественно сложным видом связей (объединено более двух пространственных участков — например, три и более жилища, два жилища и межжилищное пространство и т. д.). При этом связи прослежены по керамике всех групп сосудов, в том числе «подклеивающегося» характера между разными жилищами. Многочисленные факты наличия сложного типа связей между постройками являются свидетельством в пользу их одновременности и, соответственно, одновременности выявленных в них керамических комплексов. Данный тезис подтверждается результатами радиоуглеродного и AMS-датирования [Еньшин, Скочина 2023], в том числе керамики разных групп, что позволяет относить весь неолитический комплекс поселения Мергень 6 к раннему неолиту (последней четверти — концу VII тыс. до н. э.).

Еньшин 2014 — *Еньшин Д. Н.* Неолитические жилища поселений озера Мергень // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 14–23.

Еньшин, Скочина, 2023 — *Еньшин Д. Н., Скочина С. Н.* Хронология неолита Нижнего Приишимья (по данным Мергенского АМР) // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 46–54.

Еньшин и др. 2024 — *Еньшин Д. Н., Скочина С. Н., Илюшина В. В.* Ранний неолит Нижнего Приишимья в контексте проблематики неолитизации горно-лесной и лесостепной зон Зауралья и Западной Сибири // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 21–33.

Ларионова 2019 — *Ларионова А. В.* Планиграфический анализ среднепалеолитической стоянки Кетросы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2019.

Рыжкова 1993 — *Рыжкова О. В.* Использование метода связей для социальных реконструкций (по материалам поселения Ташково II) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993. Вып. 21. С. 170–180.

Сериков 1983 — *Сериков Ю. Б.* Использование метода «связей» на мезолитической стоянке Выйка II (Среднее Зауралье) // СА. 1983. № 1. С. 121–129.

Структура исследованной части пространства культового памятника Усть-Вагильский холм, лесное Зауралье

С. Н. Панина*

Процесс сакрализации природного ландшафта на культовом памятнике на территории лесного Зауралья происходил двумя путями. Чаще всего он был связан с особенностями природных форм: скалой, входом в пещеру, гротом, гранитным останцем причудливого вида, мысами, островами. Значительно реже сакральный ландшафт имеет искусственное, рукотворное происхождение. Культовых памятников второго типа в лесном Зауралье намного меньше. В научной литературе они известны как «холмы».

Процесс создания рукотворного сакрального пространства (иеротопия) имеет несколько стадий. Отправной точкой должно стать событие, важность которого для человеческого коллектива велика. Событие выражено в обряде, материальные остатки которого фиксирует археолог в процессе раскопок. Со временем, при повторении обряда, закрепляется традиция. Сакральное пространство при этом может расширяться, видоизменяться, его структура получает различную степень сакральности, возникает иерархия культового пространства.

Рассмотрим иеротопию раскопанной северо-восточной части Усть-Вагильского холма. Предположим, что в основе создания насыпного Усть-Вагильского холма должно лежать какое-то важное событие, выраженное в обрядовых действиях (обрядов захоронения, жертвоприношения, воспроизводства душ умерших людей и/или животных). Косвенным доказательством этого тезиса служит топографическое местоположения самого холма. Он находится на левом берегу р. Тавды в месте впадения в нее притока Вагиль. Левый берег Тавды — самый низкий. В половодье вода подступала к холму, и слои памятника подтапливались еще в древности.

На границе с материком, на глубине 4,67 м, обнаружено два скопления костей животных вместе с фрагментами черепов людей (теменных, затылочных и височных костей). При исследовании этих скоплений зафиксировано использование изделий из необожженной белой глины (жгутов и сфероидов), которые присутствовали в слое, обрамляли каменное орудие, заполняли расколотые трубчатые кости и фрагмент черепа человека. Возможно, это материальные остатки обряда возращения человека и животных, который проводился на сакральном пространстве в эпоху раннего неолита.

Горизонтальная структура сакрального пространства памятника должна иметь границы, отделяющие его от профанного. На Усть-Вагильском холме такой границей является ровик, дугой отделяющий поверхность, на которой находились оба скопления костей, от центральной части холма. Ровик обрамлен с внешней стороны рядом сгоревших кольев, некоторые из них находились в наклонном положении. Заполнение ровика — прокалы, уголь, сгоревшие плашки.

На Усть-Вагильском холме в процессе раскопок появилась возможность определить и вертикальную границу сакрального пространства раннего неолита. После

*Панина С. Н. — Свердловский областной краеведческий музей им. О. Е. Клера, Екатеринбург, Россия (snpanina@yandex.ru).

© Панина С. Н., 2025

проведения обряда скопления костей были перекрыты слоем земли в виде конического холмика и обложены сверху берестой. Слой бересты — это верхняя граница сакрального пространства эпохи раннего неолита. В последующие эпохи (холм посещался активно в позднем неолите, энеолите, позднем бронзовом веке, эпизодически в раннем железном веке, VI–IX, X–XIII вв.). Обряды, совершавшиеся на холме, сопровождалась огнем (мощные прокалы) и обязательно перекрывались слоем земли и берестой сверху. Таким образом, можно попытаться восстановить вертикальную структуру иеротопии холма.

В процессе существования памятника сакральное пространство изменялось и усложнялось. Появились дополнительные зоны, иерархия сакрального пространства. Так, у подошвы Усть-Вагильского холма с юго-восточной стороны было исследовано погребение в «футляре из охры» с овальными шиферными подвесками, семенами воробейника и сланцевыми шлифованными наконечниками стрел с выемкой, намеренно обломанными и покрытыми охрой. Места погребений (тафальные ландшафты) относятся к числу традиционных сакральных ландшафтов.

Усть-Вагильский холм возник как локальное святилище в эпоху раннего неолита, но с течением времени приобрел универсальную значимость для носителей разных культур эпохи Средневековья.

Планиграфия керамических комплексов на поселениях позднего неолита Барабы в контексте проблем культурно-хронологической дифференциации

А. Ю. Юракова*

Период позднего неолита в Барабинской лесостепи (V — начало IV тыс. до н. э.) связан с обществами артынской культуры [Бобров 2008]. Предположительно, к этому же времени относится часть комплексов гребенчато-ямочной общности [Юракова 2017; 2023]. Исследование относительной хронологии и культурно-исторической взаимосвязи традиций осложнено дефицитом абсолютных датировок для комплексов с «гребенчато-ямочной» посудой. Сравнительный морфологический анализ показывает устойчивые различия керамических типов при наличии общих мотивов орнамента (пояса ямок) и форм сосудов. Технология изготовления керамики обоих типов имеет близкое сходство в традициях отбора исходного сырья и составления формовочных масс.

Полученные ранее сведения о морфологии и технологических особенностях сопоставляются в докладе с данными планиграфического анализа. Основным источником исследования стали результаты раскопок поселения Автодром-2, проводившихся Кузбасской археологической экспедицией под руководством д-ра ист. наук В. В. Боброва в 2003–2014 гг. Присутствие на поселении керамики обоих типов дает возможность подойти к проблеме их дифференциации через изучение археологического контекста.

Планиграфический анализ показывает распределение керамики артынской культуры по всей северо-восточной части поселения как в межжилищном пространстве, так и в заполнении жилищ. В девяти из 10 изученных на северо-востоке жилищ развалы артынских сосудов залегали на уровне пола. Три скопления *in situ* зафиксированы на участке между жилищами 5 и 18, еще одно — к востоку от сооружения 54. Керамика «гребенчато-ямочного» облика концентрируется на восточном участке изученной площади, залегая, в том числе, в скоплениях *in situ* близ артынских жилищ. Имеются случаи залегания фрагментов сосудов двух типов в развалах за пределами жилищ.

Сопоставление планиграфических данных с поселения Автодром-2 с локализацией и морфологией керамических комплексов, в том числе «смешанных», на других памятниках Среднего Прииртышья и Барабы может свидетельствовать о частичной синхронности двух традиций, при этом каждая из них сохраняет черты устойчивого своеобразия.

Бобров 2008 — Бобров В. В. К проблеме культурной принадлежности поздненеолитического комплекса поселения Автодром-2 // Окно в неведомый мир. Новосибирск, 2008. С. 110–113.

Юракова 2017 — Юракова А. Ю. Неолит Барабинской лесостепи и южно-таежного Прииртышья: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2017. 381 с.

*Юракова А. Ю. — Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения РАН, г. Кемерово, Россия (yurakova_al@mail.ru).

© Юракова А. Ю., 2025

Юракова 2023 — Юракова А. Ю. Техничко-технологические особенности керамики «гребенчато-ямочной общности» позднего неолита — раннего металла в Барабинской лесостепи: поиск маркеров хронологической дифференциации // Маргулановские чтения — 2023: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 30–31 марта 2023 г.). В 2 т. Т. 2. Алматы, 2023. С. 131–137.

Исследование выполнено в рамках Госзадания ФИЦ УУХ СО РАН «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири» (FWEZ-2024-0021).

Е. В. Гладышева, Е. С. Яковлева*

Археологическими разведками 2023 г. в Курганской области было обследовано поселение Ташково I. Материалы, полученные в ходе работ, хронологически неоднородны, представлены фрагментами керамики раннего, позднего неолита и энеолита (керамика часто фрагментирована, что затрудняет точную атрибуцию).

Керамическая коллекция памятника, включающая порядка 30 фрагментов керамических сосудов и грузил, была изучена при помощи методики технико-технологического анализа А. А. Бобринского. Типологически в коллекции были встречены сосуды козловского, полуденского, боборыкинского, кошкинского, козловского-полуденского, а также липчинского и шапульского типов. Среди всех групп проявляется тенденция к выбору в качестве исходного пластичного сырья илистых глин (в сырье фиксируются единичные отпечатки детритной водной растительности, очень редко — обломки и отпечатки раковин, отпечатки рыбьей чешуи, кроме того, встречаются нерастворившиеся глиняные комочки, мелкие включения бурого железняка и известняка). Использувавшееся сырье отбиралось во влажном состоянии.

При изготовлении сосудов козловского типа зафиксировано использование преимущественно средне- и сильнозапесоченного исходного пластичного сырья. В двух образцах обнаружены естественные включения талька размерами от пылевидного до 0,05 мм. Искусственные примеси представлены органическим раствором, шамотом либо тальком.

Керамика кошкинского типа изготавливалась как из слабо-, так и из средне- и сильнозапесоченного сырья. В одном образце зафиксированы естественные включения талька размерами от пылевидного до 0,02 мм. В качестве искусственных примесей использовались органический раствор, шамот, тальк. Один сосуд изготовлен из смеси двух глин, различных по степени ожелезненности.

Боборыкинский тип представлен керамикой из среднезапесоченного исходного пластичного сырья. В одном образце зафиксированы естественные включения талька. В качестве искусственных примесей использовались органический раствор и шамот.

Для полуденского типа установлено использование слабозапесоченного незапесоченного сырья. В качестве искусственных примесей использовались органический раствор, шамот, тальк.

В изученном керамическом комплексе среди рецептов формовочных масс выделяются три основные группы: 1) исходное пластичное сырье (ИПС) без примесей либо с примесью органического раствора, встречаемое в керамике козловского, кошкинского и полуденского типов, что может свидетельствовать об использовании илистых глин в качестве моносырья либо основного сырья и характеризовать наиболее ранние стадии гончарства; 2) ИПС с искусственной примесью талька в концентрации 1 : 6–7, в этой группе илистые глины также выполняют функцию основного сырья, а тальк свидетельствует о контактах с горно-лесной зоной Урала;

* Гладышева Е. В. — ООО «Центр историко-культурных исследований „Астра“» (catherinegladysheva@yandex.ru), Яковлева Е. С. — ООО «Центр историко-культурных исследований „Астра“» (lugsamildanah@yandex.ru); г. Челябинск, Россия.

© Гладышева Е. В., Яковлева Е. С., 2025

3) ИПС с примесью шамота в концентрации 1 : 4–10, что является распространенным рецептом формовочных масс для территории Западной Сибири.

Таким образом, керамика из разведочных материалов на поселении Ташково I демонстрирует, что в качестве основного сырья использовались преимущественно средне- и сильнозапесоченные илистые глины, рецепты формовочных масс разнообразны и не имеют четкой привязки к археологическим культурам, а используемые примеси демонстрируют связи между населением горнолесной и лесостепной зон Южного Урала и территориями Западной Сибири.

Васильева И. Н., Мосин В. С. Керамика раннего неолита лесостепного Зауралья: своеобразие технологии и хронологии // Древняя керамика Евразии: от сосуда к культуре. СПб., 2024. С. 112.

Яковлева Е. С., Рахимжанова С. Ж., Лачкова М. К. Неолитическая керамика лесостепного Притоболья: некоторые технологические аспекты в историко-культурном контексте // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований». Алматы, 2020. С. 10–14.

Методика исследования углубленных построек в северных песчаных подзолах

Л. Л. Косинская*

Рассматривается становление методики раскопок неолитических углубленных построек на севере Западной Сибири на примере опыта Уральской археологической школы, основанной В. Ф. Генингом — учеником О. Н. Бадера. Эта методика формировалась с начала стационарных полевых исследований (в 1970-е гг.) Уральской археологической экспедиции в Сургутском Приобье и Кондинской низменности. Ее основы были заложены работами Камской и Воткинской экспедиций в Прикамье и описаны О. Н. Бадером [Бадер 1961: 16–21]. Суть методики — раскопки жилищных впадин и межжилищного пространства широкой площадью, условными горизонтами, с фиксацией зачистки горизонтов и местоположения находок, а также разрезов.

Особенности применения этой методики в 1980–1990 гг. в Приобье были обусловлены отчасти хоздоговорным характером работ, диктовавшим сжатые сроки раскопок, отчасти уровнем развития базовой методики. В частности, степень детализации стратиграфии и планиграфии была ограничена, фиксация зачисток горизонтов осуществлялась выборочно, индивидуальная паспортизация находок касалась только скоплений и штучных артефактов.

Вместе с тем полевая методика развивалась и модифицировалась в связи с необходимостью ее адаптации к почвенным условиям песчаных подзолов и пониманию культурного слоя как антропогенной составляющей рыхлых отложений природного происхождения. Кроме того, развитие теории культурного слоя привело к рассмотрению археологизированных остатков углубленных построек как системных объектов с соответствующей структурой составляющих их элементов. Это потребовало более детальной фиксации заполнения котлованов и окружающего их пространства, первичной интерпретации цветowych пятен, углистых и прочих скоплений непосредственно в процессе раскопок. То же касалось и стратиграфии. Следовательно, на планах и разрезах фиксировались уже не только элементы, понимаемые как антропогенные объекты, но и полная картина, наблюдаемая при зачистках горизонтов и стенок раскопа. Также произошел переход к индивидуальной фиксации всех без исключения находок. Это, в свою очередь, обеспечило обоснованное выделение первичного заполнения построек и жилищного комплекса артефактов, относящихся к периоду их функционирования (выборка по полу), а также полноценный пространственный анализ жилищного пространства и выявление его функциональной структуры.

Описанное переосмысление наблюдаемого в ходе раскопок и возможностей последующей интерпретации источника происходило параллельно с модернизацией экспедиционного технического оснащения. Переход на современную систему трехмерной фиксации с использованием электронных тахеометров и ортогональной фотограмметрии, а также разнообразного программного обеспечения облегчил и ускорил последующий анализ полевых материалов и расширил возможности реконструкции исследованных структурных объектов культурного слоя.

Бадер 1961 — Бадер О. Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. М., 1961 (МИА СССР. № 99). 198 с.

* Косинская Л. Л. — Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия (kosinskaya4949@mail.ru).

© Косинская Л. Л., 2025

Некоторые особенности планиграфии на памятниках раннего неолита Марийского Поволжья

А. С. Кудашов*

На стоянках лесного Среднего Поволжья одним из вариантов для анализа может стать планиграфическое распределение находок и контуров построек в связи с контекстом залегания.

На стоянке Сокольный VII наблюдается концентрация находок в восточной и северо-восточной частях раскопа. На этой стоянке-мастерской (около 95 % находок составляют отщепы и чешуйки) обнаружено незначительное количество керамики (13 сосудов), однако вся она ранненеолитическая (неорнаментированная и накольчатая). Найден сосуд, фрагменты которого располагались в радиусе 4 м. В северном квадрате 7 выявлено скопление кремня. В пределах читаемой впадины зафиксированы единичные находки, что объясняется ее принадлежностью к окопу XX в., не связанному с эпохой позднего каменного века.

Основная масса артефактов стоянки Сокольный XII располагалась в северо-восточных и юго-восточных квадратах, а также в центральной части впадины. Неорнаментированная посуда в основном приурочена к кв. 38–40 и 48 на юго-востоке. Замечено скопление фрагментов без орнамента и в центральной части, в кв. 19–21 с некоторым тяготением к восточным кв. 81–83 и юго-восточным кв. 70–72. Важен тот факт, что основное скопление накольчатой керамики фиксируется в северо-восточных кв. 6–8 и западных и северо-западных кв. 9, 10, 12–20, 57–59, 82, 83, 85, 86. Частично реконструированный сосуд склеен из фрагментов, которые в раскопе находились в радиусе 6 м. На 6 м друг от друга отстояли и два фрагмента ямочно-гребенчатой керамики. Однако это единичный случай, а основная масса подобного рода посуды компактно найдена в центральной части раскопа в кв. 13, 21, 29 и в северо-восточном углу раскопа.

На стоянке Сокольный XII найден сосуд елшанского типа. Его фрагменты собраны в юго-восточной части раскопа, кв. 39 и 48, а также на соседних кв. 49, 55, 61, 73, 74. Существует определенная закономерность планиграфического расположения групп керамики, где первая (без орнамента) группа располагается в юго-восточной (там же, где и был найден елшанский сосуд) и центральной, вторая (с наколами) — в северо-восточной, западной и северо-западной, а третья (ямочно-гребенчатая и камская керамика) в центральной и северо-восточной частях раскопа.

На стоянке Сокольный XVII отмечена концентрация находок в центральных и иногда юго-восточных квадратах. Замечено относительно равномерное распределение неорнаментированной и накольчатой керамики. Имеется тенденция к уменьшению числа находок к югу, к краю склона. Впрочем, такая же картина и на Сокольном XII. Всего девять фрагментов (около 4 % керамики) относятся к ямочно-гребенчатой керамике и камской культуре. Их нахождение приурочено в основном к северным кв. 9 и 13. Отметим частично реконструированный сосуд, черепки которого располагались на расстоянии 6 м друг от друга.

* Кудашов А. С. — Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия (aleksandr.kudashov@gmail.com).

© Кудашов А. С., 2025

На вышеуказанных памятниках в районе пос. Сокольный отсутствуют конструктивные элементы, относящиеся к каменному веку (очаги, столбовые и хозяйственные ямы).

На поселениях Дубовское III, Отарское VI, Сутырское V отмечается большое количество находок (в том числе различных групп керамики) как в пределах жилища, так и в межжилищном пространстве, в ямах или около них. Множество ям различного назначения, а также развитая система построек с переходами, нишами, укреплениями, читаемыми при вскрытии площадей, могут свидетельствовать об их долговременном характере. Имеется некоторая планиграфическая особенность Дубовского VIII, где практически все находки располагались внутри жилищ 1–6 или вплотную к читаемой конструкции. Это может быть связано с четко фиксируемой обжитой площадкой землянок. На других поселениях допускаются нечитаемые наземные конструкции, а также активная перестройка жилищ. При этом в обнаруженной системе построек прослеживается закономерность: чем дальше от края склона постройка, тем более поздней материал в ней. Это подтверждается и расположением северо-восточнее группы построек культуры ямочно-гребенчатой керамики (9–11).

Применение ГИС-технологий для анализа распространения находок в раскопе (на примере стоянки Лужки II)

А. В. Сомов*

В настоящее время можно отметить широкое распространение ГИС-технологий в археологии [Афанасьев 2004]. Эти технологии в основном находят широкое применение в моделировании и анализе пространственных характеристик археологических памятников, начиная с работы с картами и спутниковыми снимками и заканчивая созданием детализированных 3D-моделей территорий. Нами же новые технологии были применены для анализа выявленных артефактов на неолитической стоянке Лужки II [Сомов и др. 2022]. На ней обнаружен выразительный керамический комплекс, который объединяет разные морфологические группы, а также кремневый инвентарь мезолитического и неолитического времени, ввиду чего для более глубокого понимания характера залегания находок и возможного определения их разграничения был применен метод 3D-моделирования. В качестве инструмента использовалась находящаяся в свободном доступе геоинформационная система QGIS (<https://www.qgis.org/>), которая позволила эффективно обработать и интерпретировать полученные данные.

В ходе раскопок применялся метод трехмерной фиксации с использованием нивелира. В начале были созданы Shape-файлы точек для всех выявленных находок на основе сводных пластовых планов раскопа. В процессе артефакты были разделены на группы, и каждой точке были присвоены нивелировочные высоты, переведенные в Балтийскую систему (рис. 1, 1). Далее для понимания залегания находок в культурном слое были построены границы стратиграфических горизонтов. Используя их нивелировочные отметки (бровки и стенки раскопа), аналогичным образом были созданы точки для каждой границы. Полученные данные были преобразованы в цифровую модель рельефа (DEM) с помощью встроенного инструмента анализа «Интерполяция TIN» и приложения SAGA-GIS (рис. 1, 2). Все это позволило детально интерпретировать распределение артефактов и стратиграфические характеристики культурного слоя.

Дальнейшая работа осуществлялась в модуле Qgis2threejs. Для более комфортной работы и последующего анализа высота была преобразована в масштаб 5 : 1 (Z exaggeration — 5). Затем в данном модуле были стилистически обработаны все слои из основного окна QGIS: точки находок разных групп и границы стратиграфических слоев. После чего можно было проводить анализ распределения разных групп находок в культурном слое посредством включения или отключения тех или иных слоев (рис. 1, 3). Также модуль позволяет провести анализ на отдельных участках раскопа (рис. 1, 4). Примеры полученных моделей доступны по ссылке <https://www.clck.ru/3FicA> с возможностью открытия файлов стандартными средствами 3D-просмотра Windows.

В результате удалось проанализировать характер залегания археологических артефактов на стоянке Лужки II. Было установлено, что на данном памятнике

* Сомов А. В. — Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия (somov.anatoly@gmail.com).

© Сомов А. В., 2025

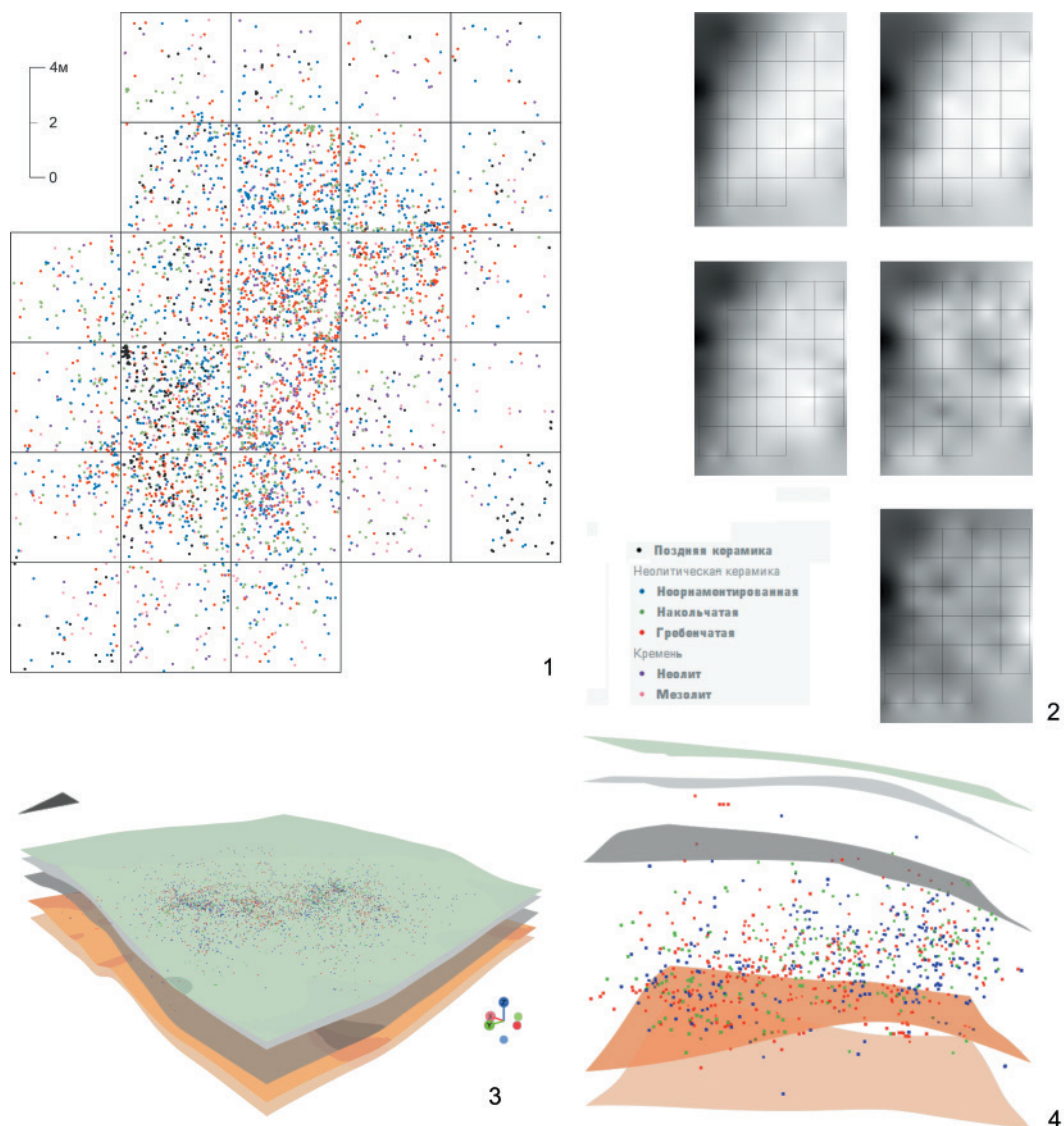

Рис. 1. Метод 3D-моделирования в QGIS: 1 — находки в окне QGIS, 2 — границы стратиграфических слоев в DEM, 3 — 3D-модель в модуле Qgis2threejs, 4 — 3D-модель на отдельном участке раскопа

разные морфологические группы керамики и каменный инвентарь мезолита и неолита залегают совместно, не образуя каких-либо участков концентрации. Однако сложность их разграничения можно связать прежде всего с особенностью образования культурных слоев на стоянках лесостепной зоны Среднего Поволжья. Тем не менее представленный метод может показать высокую эффективность на более стратифицированных памятниках. Стоит отметить и перспективность его использования. При внедрении алгоритмов автоматического вычисления в геоинформационных системах это может привести к широкому применению представленного метода в археологических исследованиях.

- Афанасьев 2004 — *Афанасьев Е. Г.* Основные направления ГИС и ДЗ-технологий в археологии // Круглый стол «Геоинформационные технологии в археологических исследованиях» (Москва, 2 апреля 2003 г.): Сборник докладов. М., 2004. [Электронный ресурс] // URL: <https://archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-1/index.html>
- Сомов и др. 2022 — *Сомов А. В., Андреев К. М., Рослякова Н. В.* Неолитическая стоянка Лужки II в лесостепном Поволжье (первые результаты исследований) // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 4. С. 166–182.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-78-10088.

Проблема планиграфического соотношения типологических групп ранненеолитической посуды на стоянках лесного Среднего Поволжья

К. М. Андреев*

Ранний неолит лесного Среднего Поволжья представлен памятниками, на которых выявлена посуда, украшенная наколами, или без орнамента (как правило, лишь со сквозными проколами под срезом венчика), гораздо реже встречаются фрагменты с прочерками или ногтевидными насечками. Наиболее репрезентативные коллекции получены на стоянках Дубовская III, Отарская VI, Сутырская V и ряде других. Среди специалистов получили распространение две точки зрения на данные типологические группы посуды. Основной исследователь раннего неолита региона В. В. Никитин не видел оснований для культурно-хронологического разделения данных групп и предполагал их синхронное развитие в рамках «дубовско-отарской культуры». А. А. Выборнов и А. С. Кудашов, главным образом на основании радиоуглеродных датировок органики из керамического теста, допускают возможность хронологического приоритета посуды без орнамента.

Условия расположения опорных памятников раннего неолита лесного Среднего Поволжья в песках боровых террас не позволяют оперировать данными стратиграфии для ответа на обозначенный в названии работы вопрос, уровни залегания фрагментов примерно одинаковы. При этом они исследованы широкими площадями, в том числе обнаружено значительное количество жилищных котлованов, что дает возможность проанализировать планиграфическое расположение разных типологических групп посуды. Согласно сведениям, приведенным В. В. Никитиным для стоянок Отарская VI и Дубовская III, в межжилищном пространстве представлены отдельные фрагменты, реже — развалы сосудов, как с накольчатым орнаментом, так и без него. Аналогичная картина наблюдается и в котлованах жилищ, интерпретируемых в качестве полуземлянок. Если допустить их неоднократное использование, то заключительный эпизод эксплуатации будут маркировать развалы сосудов. Таковые обнаружены не во всех постройках, но там, где они присутствуют не единично (чтобы исключить фактор случайности), обнаружены емкости обеих типологических групп.

Отметим, что по морфологическим признакам посуда раннего неолита лесного Среднего Поволжья с орнаментом и без такового близка. Абсолютное большинство сосудов имеет горшковидную или баночную форму с плоским или плосковогнутым дном, аналогичны профилировки венчиков и их срезов, а также специфический прием оформления верхних частей — нанесение сквозных проколов, реже ямок, под торцом. Согласно данным И. Н. Васильевой, технология изготовления посуды обеих типологических групп также практически идентична, отдельные различия могут быть обусловлены репрезентативностью анализируемых выборок.

Единичные радиоуглеродные даты, полученные по органике из керамического теста фрагментов без орнамента, занимающие более раннюю позицию, на наш

* Андреев К. М. — Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия (konstantin_andreev_88@mail.ru).

© Андреев К. М., 2025

взгляд, не являются надежным подтверждением их хронологического приоритета. Во-первых, необходима серия подобных значений, чтобы рассматривать данное утверждение в качестве верного; как показывают уже достаточно многочисленные примеры, двух-трех, а иногда и более для этого недостаточно (см. Каиршак III и др.). Стоит заметить, что по неорнаментированным фрагментам получены и весьма поздние датировки, например, по стоянке Отарская VI. Во-вторых, отсутствие орнамента на датировемых черепках отнюдь не гарантирует, что его не было на сосуде в целом, так как периодически наколы наносились не на всю поверхность емкости (см. Дубовская III (жил. 13) или Отарская VI (жил. 2)). При введении радиоуглеродных дат в научный оборот авторами, к сожалению, не было уточнено, на каком участке раскопа они получены и относятся ли к конкретному развалу или происходят от разрозненных фрагментов. В-третьих, единственное определение по пищевому нагару нуждается в дополнительной верификации, так как имеются многочисленные факты удревнения датировок по нему.

Таким образом, на сегодняшний день для раннего неолита лесного Среднего Поволжья нет надежных подтверждений обособленного существования разных типологических групп посуды, и их корректнее рассматривать в рамках одного комплекса.

Исследование выполнено по проекту РНФ № 23-78-10088.

Керамика из жилищных котлованов Гундоровского поселения: вопросы планиграфии и типологии

А. И. Королёв, Н. В. Лебедева (Овчинникова), А. А. Шалапинин*

Гундоровское поселение расположено на правом берегу р. Сок, левом притоке р. Волги в Красноярском районе Самарской области. Поселение было раскопано под руководством И. Б. Васильева и Н. В. Овчинниковой [Овчинникова 1991; История... 2000]. К энеолиту относятся комплексы самарской и хвалынской культур, керамика волосовского типа и керамика с «внутренним ребром». Памятник является опорным для изучения энеолита лесостепного Поволжья: здесь было выявлено пять соединенных переходами жилищных котлованов с керамикой, каменным и костяным инвентарем. Материалы из котлованов 1–4 были отнесены к волосовской, а пятого — к самарской культурам.

Задача исследования заключается в проверке гипотезы о разнотипной принадлежности жилищ 1–4 и 5 на основе изучения типологических особенностей керамики и ее локализации в пределах раскопа. Часть сосудов имеет признаки керамики самарской культуры: воротнички, орнаментацию в виде полос «шагающей гребенки», горизонтальные ряды оттисков гребенчатого штампа. Под воротничком встречается поясok ямчатых вдавлений. Вторая группа содержит признаки, типичные для средневожской волосовской посуды: утолщения; закраины (карнизы) на венчиках; Г- и Т-образные венчики; округлые днища; орнаментацию с преобладанием гребенчатых штампов с прямо и косо нарезанными зубцами от маленьких до очень крупных размеров; редкие ямчатые вдавления; оттиски веревочки, рамчатого штампа; прочерченные линии. Орнаментальные мотивы также распространены на посуде волосовской культуры Средней Волги [Овчинникова 1991: 92]. Внешние утолщения на венчиках часто квадратные в поперечном сечении и напоминают воротнички.

Однако характерных признаков, четко разграничивающих керамику этих групп, нет. Скорее, ей присуще сочетание приведенных выше черт. Она в целом толстостенная, изготовлена с примесью раковины и органики (на расслоившихся фрагментах видны отпечатки пуха птиц), орнаментирована в основном гребенчатыми штампами. Один из распространенных мотивов — «шагающая гребенка», выполненный в том числе крупными штампами, характерен не только для воротничковых венчиков, но и для безворотничковых прямых и профилированных, Т- и Г-образных. Такая керамика залегала в заполнении жилищ 1–5, около жилищ и на значительном удалении от них.

Результаты анализа морфологических признаков посуды обеих групп дают основания для вывода о своеобразии данного комплекса, определяемого сложным сочетанием признаков керамики самарской и волосовской культур. Данные радиоуглеродного анализа, выполненного по образцам керамики, определяют ее возраст в интервале 5826–5035 л. н., что выходит за нижние рамки датировки волосовской культуры лесного Среднего Поволжья. Сходный каменный и костяной инвентарь

* Королёв А. И., Шалапинин А. А. — Самарский государственный социально-педагогический университет (arkorolev@gmail.com, anton-shalapinin@ro.ru), Лебедева (Овчинникова) Н. В. — ООО НПФ «АрхГео» (antikvika@yandex.ru); г. Самара, Россия.

© Королёв А. И., Лебедева (Овчинникова) Н. В., Шалапинин А. А., 2025

из жилищ 1–5 подкрепляет основания для интерпретации комплексов как гомогенных, но для решения этого вопроса необходимо исследование керамики методом технико-технологического анализа и получение дат по образцам кости из котлованов жилищ.

История... 2000 — *Васильев И. Б., Выборнова А. А., Кузнецова Л. В. и др.* История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000. 311 с.

Овчинникова 1991 — *Овчинникова Н. В.* Керамика волосовского типа с Гундоровского поселения // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы Европейской части России. Йошкар-Ола, 1991 (Археология и этнография Марийского края. Вып. 19). С. 89–98.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Энеолит лесостепного Поволжья: традиции и инновации» (РНФ №24-28-01638).

О. В. Вороненко, П. Н. Ятин*

Стоянка каменного века Нижняя Олба 1А (рис. 1) находится в 1,7 км юго-восточнее д. Нижняя Олба Жлобинского района Гомельской области Республики Беларусь, в урочище Лукошеница. Памятник расположен на эоловом бугре, находящемся непосредственно в пойме, недалеко от слияния Березины с Днепром. Высота над поймой колеблется в пределах 1,5–5,5 м. Расстояние от старицы Березины составляет 0,15 км, от правого берега Днепра — 0,9 км. Размеры бугра с севера на юг 300 м, с запада на восток — до 130 м, площадь более 2,5 га. Территория стоянки представляет собой небольшой мыс (30 × 30 м), врезающийся в пойму в северо-западной части бугра.

В 2018 и 2019 гг. авторами на территории стоянки был заложен раскоп площадью 64 кв. м (8 × 8 м), ориентированный по оси северо-восток–юго-запад.

Стратиграфия стенок раскопа выглядела следующим образом: 1) дерн, мощностью до 0,15 м; 2) темно-серый гумусированный песок, мощностью 0,20–0,35–0,40 м; 3) на глубине 0,35–0,40 м в северной части раскопа зафиксирована тонкая прослойка аллювия светло-серого цвета (до 0,05 м); 4) иллювиальный почвенный горизонт — разнотекстурированный и мелкозернистый песок желтовато-рыжевато-коричневого оттенка, мощностью от 0,40 м до 0,55–0,60 м, с плавным переходом в подстилающий его материковый песок; 5) материковый уровень представлен мелкозернистым плотным песком светло-желтого цвета, начинавшийся с уровня 0,55–0,60 м.

Общее количество находок из раскопа составило 1226 экз., из которых 409 экз. — кремневые изделия, 817 экз. — фрагменты лепных горшков.

По данным планиграфии артефакты на стоянке залегали в слое гумусированного песка и в верхнем слое иллювиального почвенного горизонта на глубине 0,15 до 0,56 м.

Изделия из кремня распределялись равномерно, не образуя заметных концентраций, за исключением одного участка раскопа 2019 г., где с глубины 0,4 м в южных квадратах фиксировались исключительно кремневые артефакты мезолитического облика.

Обломки лепной керамики распределялись неравномерно, образуя пять больших скоплений, в которых зафиксированы развалы как минимум семи неолитических горшков.

С глубины 0,18 м в западной части раскопа был зафиксирован объект овальной формы, конусовидный в профиле, немного вытянутый с запада на восток, площадью не более 4 кв. м. Заполнение — темный и темно-серый песок, включающий угольки. До глубины 0,6 м по всей площади встречались кремневые артефакты и обломки неолитических лепных сосудов, ниже 0,6 м находки перестали фиксироваться. Глубина объекта составила 1,1 м. Восточнее обнаружено пять темных округлых пятен диаметром до 0,25 м (следы столбовых ям), которые вытянуты вдоль объекта на расстоянии 0,5–0,6 м одна от другой. Таким образом, в пределах раскопа были зафиксированы остатки неолитической полуземлянки овальной формы с крышей и очагом внутри.

* Вороненко О. В., Ятин П. Н. — Институт истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь (voronenko111@yandex.ru, snorknoob@yandex.by).

© Вороненко О. В., Ятин П. Н., 2025

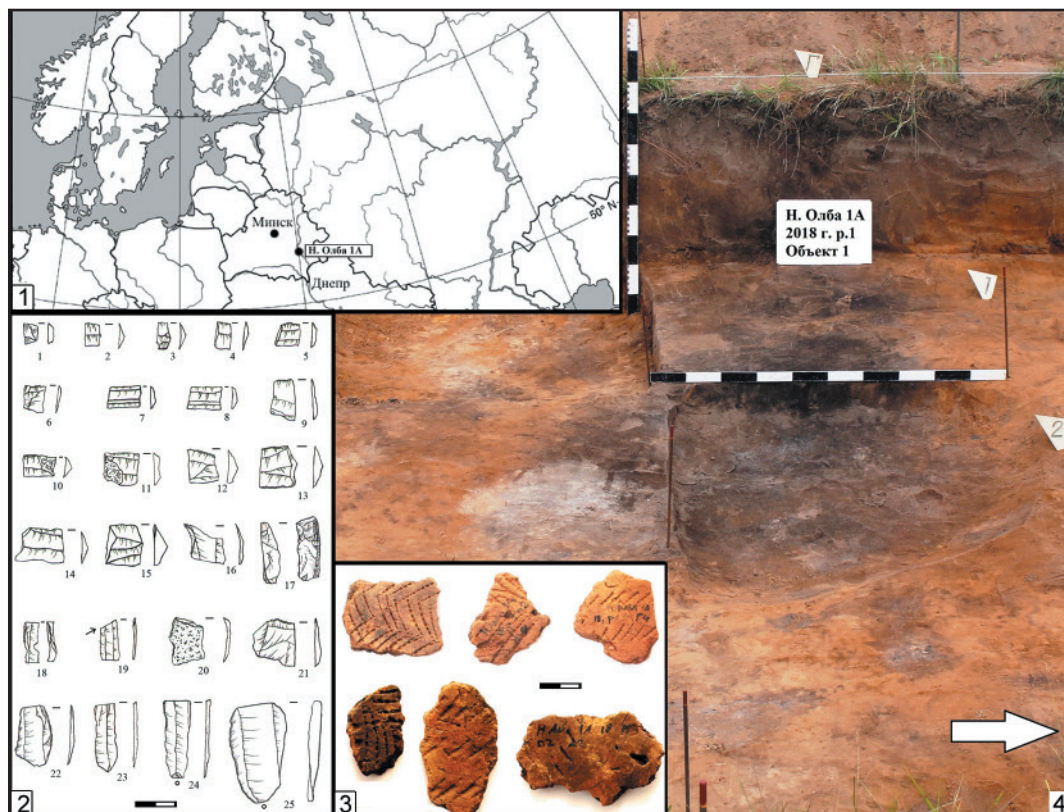

Рис. 1. Поселение Нижняя Олба 1А (Жлобинский район Гомельской области, Республика Беларусь): 1 — локализация памятника; 2 — кремневый инвентарь; 3 — керамика; 4 — фото объекта в раскопе 1 2018 г.

Самыми ранними на стоянке являются мезолитические кремневые материалы кундской культуры, которые залегали на глубине 0,40–0,56 м в южной части раскопа.

Более 98 % керамических материалов относятся к 3-му и 4-му этапам восточно-полесского варианта днепро-донецкой культуры, которые в Верхнем Поднепровье соотносят с последней четвертью III тыс. — началом II тыс. до н. э. [Язэпенка 2014: 38].

К раннему этапу бронзового века относятся 12 фрагментов. На глубине 0,15 м в северо-западном углу раскопа был зафиксирован лепной сосуд баночной формы, датированный третьей четвертью I тыс. н. э.

Таким образом, в сочетании с данными стратиграфии и результатами типолого-морфологического анализа материала планиграфический анализ позволил установить четыре последовательных этапа заселения исследуемого участка поселения Нижняя Олба 1А от раннего мезолита до третьей четверти I тыс. н. э.

Язэпенка 2014 — Язэпенка І. М. Паселішчы неаліту і ранняга перыяду эпохі бронзы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2014. 238 с.

Археологический комплекс на оз. Селява (Северная Беларусь): топография памятников эпохи неолита

А. Н. Вашанов, М. И. Ткачёва*

Археологический комплекс расположен на острове Выспа на оз. Селява в Крупском районе Минской области (Республика Беларусь). Остров общей площадью 110 га представляет собой вытянутую в широтном отношении возвышенность, локализованную в центральной части озера. До 1960-х гг. он соединялся с берегом узким перешейком, расположенным в его западной части. Однако после искусственного поднятия воды в результате строительства Лукомской ГРЭС стал полноценным островом.

В настоящее время на территории острова Выспа известно три археологических объекта. Поселения имеют достаточно широкую хронологию (от эпохи мезолита до позднего Средневековья) и приурочены к различным гипсометрическим уровням. Материалы эпохи неолита выявлены на двух памятниках — Клишино 1 и Клишино 3 «Нижняя терраса».

Исследования на территории археологического комплекса проводятся с 1999 г. В процессе изучения городища железного века и раннего Средневековья Клишино 1 В. И. Шадыро выявил ряд погребений, которые содержали археологический материал предположительно более ранних эпох [Шадыро 2004: 115–124]. Верификация и пересмотр атрибуции материалов коллекции впоследствии позволили связать часть их с культурой шнуровой керамики, относящейся к эпохе позднего неолита. Данное заключение было подтверждено результатами радиоуглеродного датирования и ДНК-анализа.

В 2022–2024 гг. на памятнике Клишино 3 «Нижняя терраса» были проведены археологические раскопки на площади 51 кв. м. Максимальная глубина залегания артефактов составила 0,4 м. Выявленные материалы представлены керамическими и кремневыми предметами. Кроме того, были зафиксированы отдельные находки, изготовленные из других пород камня. Следует отметить бусину из остатков стебля окаменевшей морской лилии (*Crinoidea*). Технология кремнеобработки базировалась на использовании местного кремневого сырья. Техника расщепления была ориентирована на эксплуатацию призматических нуклеусов для получения регулярных пластинчатых заготовок. В то же время в материалах памятника представлена биполярная техника расщепления. По специфике кремне- и камнеобработки, а также керамического производства памятник можно отнести к эпохе неолита и предварительно связать с представителями нарвской культуры. К сожалению, на сегодняшний день на поселении не выявлено артефактов из органических материалов, что не позволяет провести радиоуглеродное датирование и определить абсолютный возраст памятника.

Опираясь на датировки материалов из поселений нарвской культуры на территории Беларуси (Заценье, Осовец 4), памятник Клишино 3 «Нижняя Терраса» следует датировать в широких хронологических рамках середины VI — второй половины IV тыс. до н. э.

* Вашанов А. Н., Ткачёва М. И. — Институт истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь (vashanau@gmail.com, tkachova.maryia@gmail.com).

© Вашанов А. Н., Ткачёва М. И., 2025

В 2023 г. было проведено лазерное сканирование острова Выспа с использованием лазерного сканера DJI Zenmuse L1 на базе БПЛА DJI Matrice 300 RTK, позволившее уточнить топографию острова и проследить особенности системы расселения в эпоху раннего мезолита — позднего Средневековья [Сазонов и др. 2023: 145–154].

Выявлено, что памятники раннего неолита приурочены к самой низкой части острова и находятся на высоте 1,0–1,5 м от современного уровня воды. В 2024 г. на затопленном в настоящий момент участке Выспы были проведены подводные археологические исследования. В результате на расстоянии 10 м от современной береговой линии были обнаружены материалы нарвской культуры. Скорее всего, часть поселения неолитического периода была затоплена после искусственного подъема воды в озере в 1960-е гг. Кроме того, присутствие на острове погребения позднего неолита ставит вопрос о наличии поблизости и поселения этого периода. Колебания воды в озерной котловине на протяжении голоцена могли привести к тому, что поселения данного периода могут находиться на достаточно большом расстоянии от современной береговой линии на глубине до 3 м. Дальнейшие подводные археологические исследования позволят в будущем уточнить хронологию и топографию памятников эпохи неолита в исследуемом регионе.

Сазонов и др. 2023— Сазонов А. А., Курович П. С., Князев И. С., Вашанов А. Н. Моделирование рельефа по данным воздушного лазерного сканирования на примере острова Выспа // ГИС-технологии в науках о Земле. Материалы Республиканского науч.-практ. семинара студентов и молодых ученых (Минск, 15 ноября 2023 г.). Минск, 2023. С. 145–154. [Электронный ресурс] // URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/308732>

Шадыра 2004 — Шадыра В. І. Гарадзішча Клішына («Выспянская Гара») Крупскага раёна (Раскопкі 1999–2002 гг.) // Гістарычна-археалагічны збонік. Мінск, 2004. Вып. 14. С. 115–125.

Синтола: хроники озовой гряды от мезолита до эпохи бронзы через призму планиграфического и технологического анализов

Р. И. Муравьёв, М. А. Холкина, С. Д. Такташева, А. С. Тараканов*

На Карельском перешейке выявлен ряд стоянок и местонахождений эпохи камня, приуроченных к озовой гряде Синтоланхарью. Занимающая среди них центральное место стоянка Синтола, открытая С. Пяльси в 1944 г., представляет собой уникальный объект для изучения динамики древнего расселения и культурных изменений в мезолите, неолите и в эпоху раннего металла. Исследование базируется на материалах 2023–2024 гг., шурфами и раскопами изучено более 70 кв. м культурного слоя, выявлены гомогенные контексты [Холкина и др. 2024]. В отличие от ситуации на большинстве палимпсестных стоянок региона, благодаря планиграфии на склоне оза удалось проследить зоны разновременного обитания (рис. 1), археологически маркированные объектами (для позднего мезолита — очагами, зольниками; для неолита — очагами, «канавками», ямами), хроноиндикаторами в сланцевом инвентаре и типами керамики (сперрингс, кауниссаари, типичная гребенчато-ямочная, пористая, пёлая, сетчатая и др.).

Выводы на основе изучения керамики подтверждаются технологическим анализом каменной индустрии Синтолы: преимущественно кварцевой (88–97 % от всего камня в разных комплексах) с преобладанием биполярного (90–100 %) и наличием площадочного расщепления, а также сланцевой (не менее семи визуально различных видов сырья). Типологический анализ кварцевых индустрий малоэффективен из-за слабой представленности формальных орудий, исключением являются скребки и микроскребки (30 экз.). Результаты дополняет проведенный анализ фрагментации кварцевого дебитаж (fracture analysis) [Callahan et al. 1992; Tallavaara et al. 2010], что позволяет получить статистические данные для дальнейшего сравнения.

Доступные в древности выходы приемлемого по качеству моренного галечно-го сырья на западном склоне оза изучены как непосредственно вблизи стоянки, так и на расстоянии нескольких километров севернее: например, местонахождение Заостровское 1 (Ylärääsuo). Выявлен специфический местный вид рассланцованного галечного сырья зелено-красного цвета с вкраплением порфирикластов, практически не встречающийся на других стоянках Карельского перешейка, — милонит, подвергавшийся расщеплению по плоскостям спайности. Пик его утилизации в форме немодифицированных сколов без шлифовки и ретуширования прослежен в раннем неолите: 140 экз., 7 % всей коллекции каменного инвентаря ранне-неолитического комплекса.

Исследование стоянки Синтола демонстрирует эффективность комплексного подхода к изучению разновременных поселенческих комплексов и перспективность кварцевых индустрий для углубленного изучения. Сочетание методов позволяет реконструировать не только приемы расщепления, но и особенности организации жизненного пространства и хозяйственной деятельности.

* Муравьёв Р. И., Холкина М. А. — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (alcesalces243@gmail.com, tyttokulta@yandex.ru); Такташева С. Д. — Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Россия (sn.taktasheva@gmail.com); Тараканов А. С. — Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Россия (tarakanovartem@yandex.ru).

© Муравьёв Р. И., Холкина М. А., Такташева С. Д., Тараканов А. С., 2025

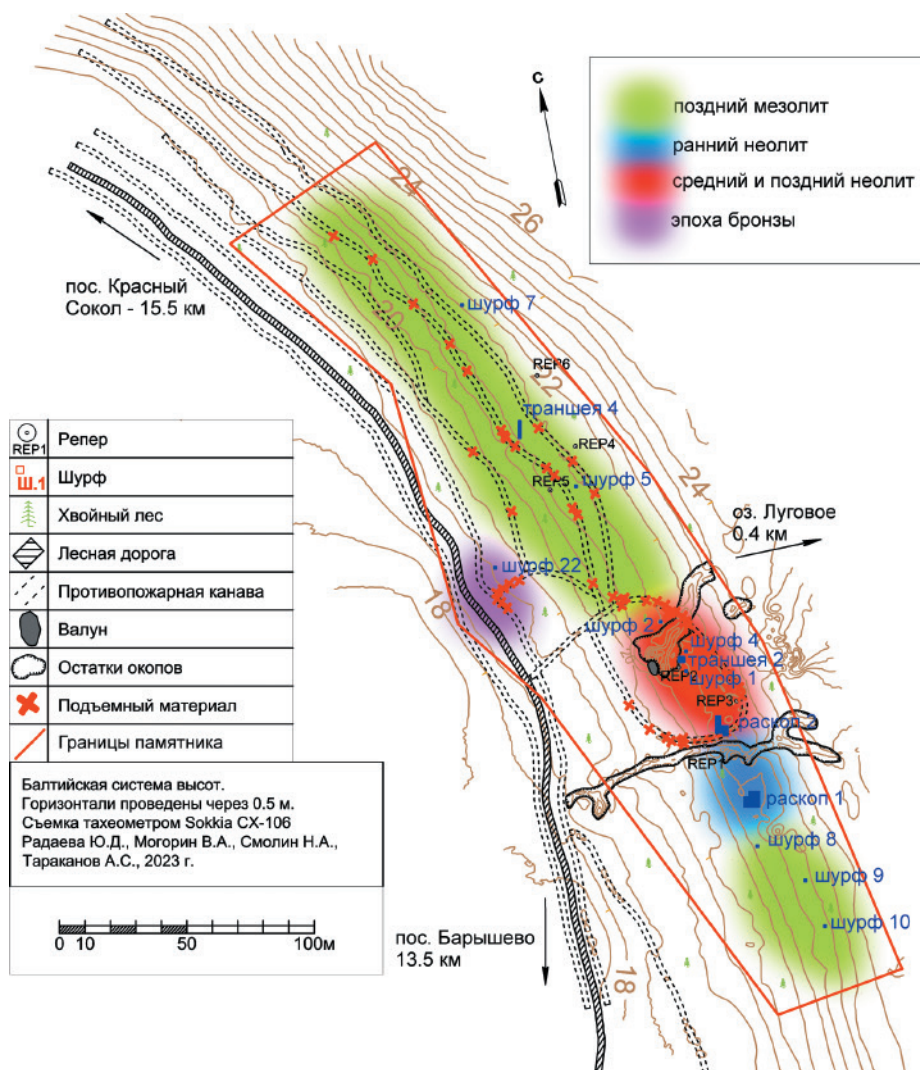

Рис. 1. Топоплан стоянки Синтола
с указанием планиграфически выделяемых разновременных зон обитания

- Холкина и др. 2024 — Холкина М. А., Муравьев Р. И., Радаева Ю. Д., Тараканов А. С. Ранняя асбестовая керамика на Карельском перешейке: изучение стоянки Синтола и новые данные // Асбест в культуре древнего человека: Сборник статей. Петрозаводск, 2024. С. 95–120.
- Callahan et al. 1992 — Callahan E., Forsberg L., Knutsson K., Lindgren C. Frakturbilder. Kulturhistoriska kommentarer till det säregna sönnerfallet vid bearbetning av kvarts // TOR. 1992. Vol. 24. P. 27–63.
- Tallavaara et al. 2010 — Tallavaara M., Manninen M. A., Hertell E., Rankama T. How flakes shatter: a critical evaluation of quartz fracture analysis // Journal of Archaeological Science. 2010. Vol. 37. P. 2442–2448.

Планиграфический анализ распределения керамики на поселении Берёзово 2

А. С. Тараканов, Д. В. Герасимов, М. А. Холкина*

Применение современной методики раскопок археологических памятников с детальной трехмерной фиксацией находок и выявляемых остатков жилищ, очагов, ям и иных антропогенных объектов позволяет анализировать их пространственное распределение и контекстные связи между ними. Пространственное изучение аппликативных связей, возникших при производстве и использовании каменных орудий и керамической посуды, является дополнительным источником информации, позволяющим устанавливать границы зон и объектов, обоснованно определять функциональное назначение памятников, изучать структуру поселений, хозяйственные зоны и связь с ними определенных типов артефактов.

Исследование проведено на материалах поселения-мастерской Берёзово 2, исследованного спасательными работами в 2018 г. на площади 1723 кв. м. Памятник расположен в Северо-Западном Приладожье на границе Приозерского района Ленинградской области и Республики Карелия. В настоящее время это единственный для региона случай, когда памятник каменного века полностью изучен раскопками. Мощность культурного слоя в среднем составляла 0,25–0,30 м. Выявлено 69 земляных структур разного возраста, прослежены остатки древнего жилища размерами 7,0 × 4,0 м и глубиной около 0,4 м.

Анализ пространственного распределения находок основан на использовании базы данных, включающей данные полевой тахеометрической съемки и результаты комплексного анализа археологической коллекции, выполненного М. А. Холкиной, Р. И. Муравьевым, Д. В. Герасимовым при участии студентов СПбГУ. Керамический комплекс стоянки проанализирован М. А. Холкиной, выделен 51 условный сосуд (30 — типичная гребенчато-ямочная керамика, 16 — с примесью асбеста, 4 — гребенчато-ямочная с органической примесью, 1 — гребенчато-ямочный с примесью асбеста). Пространственный анализ выполнялся инструментами QGIS. Цифровые модели плотности распределения находок выполнены послойно для матрицы с ячейкой 1 × 1 м и суммарным весом анализируемой совокупности в качестве значения, а также в виде теплокарт. Для фрагментов керамики, объединенных в условные сосуды, построены схемы связей.

В результате планиграфического анализа фрагментов условных сосудов выдвинуты следующие предположения об их распределении в рамках функциональных зон памятника.

1. Наибольшая концентрация типичной гребенчато-ямочной и асбестовой керамики связана с хозяйственной зоной площадью около 390 кв. м в центральной части поселения.

* Тараканов А. С. — Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Россия (tarakanovartem@yandex.ru); Герасимов Д. В. — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия (dger@kunstkamera.ru); Холкина М. А. — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (tyttokulta@yandex.ru).

© Тараканов А. С., Герасимов Д. В., Холкина М. А., 2025

2. Вторая по плотности находок зона относится к жилищу площадью около 70 кв. м. У большинства сосудов один или несколько фрагментов оказываются связаны с его площадью. Четко очертить контур жилища на основании распределения находок не удалось из-за разрушения краев жилищной западины корнями деревьев.

3. Помимо жилища и основной хозяйственной зоны в период использования асбестовой керамики можно предположить существование еще одной площадки к западу от основной. Ее площадь — около 160 кв. м. Во время бытования типичной гребенчато-ямочной керамики использование этой площадки еще не прослеживается.

4. Фрагменты большинства условных сосудов с асбестом оказываются связаны одновременно с жилищем и обеими хозяйственными зонами.

5. Распределение находок из сланца, хронологически соотносимых с асбестовой керамикой, свидетельствует в пользу одновременного бытования жилища и двух хозяйственных зон. При этом изделия из сланца, сырье и отходы их производства в западном скоплении распространены на площади, превышающей пятно распространения керамики.

6. Связи фрагментов сосудов с орнаментом, характерным для типичной гребенчато-ямочной керамики, и примесью асбеста в тесте позволяют предположить его использование одновременно с функционированием жилища и обеими хозяйственными зонами.

Планиграфический анализ поселения Вигайнаволок I по данным раскопок 1964–1966 гг.

Т. А. Васильева*

Обширный корпус источников по поселениям эпохи неолита с ямочно-гребенчатой керамикой и переходного от позднего неолита к раннему энеолиту этапа с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой позволяет проводить всесторонний комплексный анализ данных по жилищам, планиграфическим и стратиграфическим наблюдениям, в том числе на поселении Вигайнаволок I, где в полной мере раскопаны многочисленные жилищные впадины [Панкрушев, Журавлев 1964].

Памятник, открытый и исследованный Г. А. Панкрушевым в 1963–1966 гг., расположен в 9 км к югу от Петрозаводска на берегу Петрозаводской губы Онежского озера, у небольшого мыса, в 120 м от современного берега озера на высоте 5 м от уреза воды. По распространению культурного слоя его площадь составляла 8000 кв. м. На поверхности выявлено 26 впадин, возможно, являющихся остатками жилищ. Исследовано 2748 кв. м (рис. 1).

Коллекция поселения Вигайнаволок I насчитывает более 30 000 предметов (более 25 000 фрагментов керамики и около 7000 предметов из камня). Памятник относится к числу немногих, исследованных на значительной площади, с остатками жилищ. Но материал четко не стратифицирован и сильно перемешан в культурном слое. Подобная ситуация характерна для большинства поселений этого района.

При изучении материалов поселения предпринята попытка проведения планиграфических наблюдений относительно пространственно-временных характеристик имеющихся построек [Васильева 2024: 24–35].

Статистическое представление комплексов в силу условий залегания в полной мере невозможно. Количественные подсчеты по слоям показали, что на всех исследованных участках основная часть находок сосредотачивалась в слое 1, в слое 2 их в 2–3 раза меньше, а в слоях 3 и 4 они еще малочисленнее. Такое распределение более всего соответствует одному культурному пласту. Однако привлекает внимание значительное число находок в «стерильной прослойке». По данным 1965 г. их здесь 1239 экз., между тем в слое 1 — 4653 экз., а в слое 3 — 60 экз. Можно полагать, что часть предметов из этой прослойки относится к нижнему слою.

Следует иметь в виду, что в ходе подтопления площадки находки из нижнего слоя неизбежно подвергались переотложению и попадали в перекрывающие формировавшиеся осадки. Последующее освоение усугубляло процессы перемещения, приводило к повреждениям поверхности, например, при строительстве жилищ. К этому добавлялись естественные нарушения лесной растительностью в течение многих столетий. Видимо, относительно чистый ранний комплекс инвентаря на поселении представлен в описях 1964 г. слоем 4, в описи 1965 г. — слоем 3. Поздний же комплекс сосредоточен в основном в слоях 1 и 2 всех раскопов.

По плану жилища с ямочно-гребенчатой керамикой локализуются в северной части поселения, остальные размещаются по всей площади, в том числе на месте

* Васильева Т. А. — Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Россия (tattya@list.ru).

© Васильева Т. А., 2025

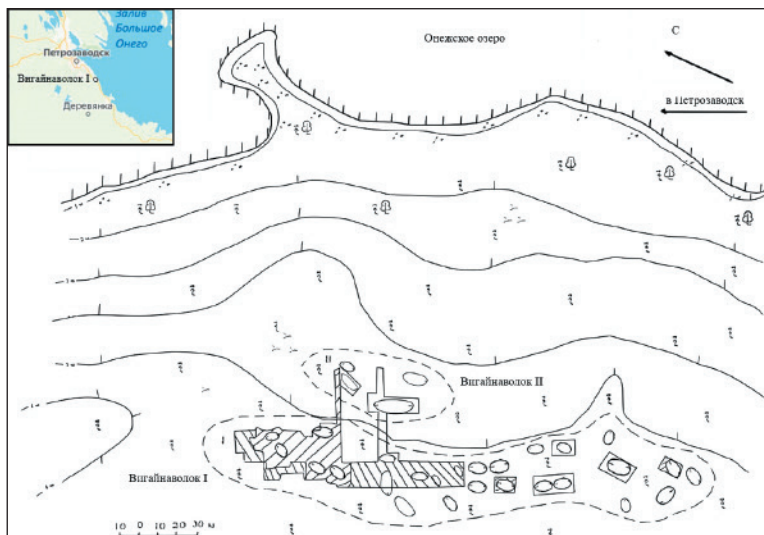

Рис. 1. Схема расположения поселения Вигайнаволоки I

более ранних. Двухкамерные постройки, соединенные коридорами, содержат материал среднего неолита. По размерам эти жилища значительно уступают более поздним. Площадки в виде западания гумусированного песка мощностью до 0,15 м (следы напольного настила) зафиксированы в ранних постройках. Известны аналогии на других памятниках на территории Карелии (Пегрема V, Илекса I, Пегрема I–III, VII, X, XXII, XIX, XXXII и др.).

По мнению Г. А. Панкрушева, в результате трансгрессии Онежского озера место стоянки было затоплено и замкнуто значительным слоем намытого слоистого песка. В последующем песчаная коса длиной около 300 м, примыкающая к моренному берегу, ограниченная с одной стороны Онежским озером а с другой — его заливом, освободилась от воды в связи с продолжающимся тектоническим поднятием берега и стала удобным местом для сезонных остановок древних рыболовов [Панкрушев 1966: 20]. На этой косе и выявились небольшие сезонные стойбища, которые в весенние паводки затоплялись и замыкались песком. Однако берег продолжал подниматься и в результате перестал подвергаться затоплению. Тогда здесь возникло большое стационарное долговременное поселение, просуществовавшее длительное время и функционировавшее круглогодично, прекратившее свое существование, видимо, в связи с отступлением воды и возможным заболачиванием берега озера. В последующем берег был заселен носителями культуры асбестовой керамики на поселении Вигайнаволоки II.

Васильева 2024 — Васильева Т. А. Керамика рубежа неолита — энеолита на территории Карелии (первая половина IV тыс. до н. э.). Петрозаводск, 2024. 239 с.

Панкрушев 1966 — Панкрушев Г. А. Отчет о работе Южно-Карельской археологической экспедиции в 1966 г. // Архив Карельского НЦ РАН. Петрозаводск. Ф. 1. Оп. 29. Д. 179 — отчет. Д. 180 — альбом к отчету.

Панкрушев, Журавлев 1966 — Панкрушев Г. А., Журавлев А. П. Стоянка Вигайнаволоки I // Новые памятники истории древней Карелии. М.; Л., 1966. С. 152–172.

Исследование проведено в рамках государственного задания КарНЦ РАН № 124022000029-0.

Опыт неинвазивного исследования пространственной структуры мастерской по расщеплению камня (стоянка-мастерская Фофаново XIII на Онежском озере)

А. Ю. Тарасов, П. А. Рязанцев, М. С. Потахин*

Работа посвящена опыту неинвазивного геофизического исследования пространства энеолитической стоянки-мастерской Фофаново XIII на западном побережье Онежского озера, которое проводилось с помощью георадарного зондирования (GPR). Для исследования использовалась высокочастотная антенна, позволяющая обнаруживать и картировать мелкие объекты — каменные артефакты в культурном слое, среди которых абсолютно преобладают сколы-отходы от изготовления каменных рубящих орудий.

Предварительно возможность идентификации таких объектов с помощью выбранного оборудования была проверена в лабораторных условиях, для чего проводилось моделирование характерной для памятника ситуации в заполненной грунтом емкости. Лабораторное моделирование позволило определить критически важные особенности георадарных паттернов, свидетельствующих о концентрациях мелких объектов в слое, на которые возможно было ориентироваться при интерпретации результатов съемки непосредственно на территории памятника. Георадарное зондирование, проведенное на 2220 кв. м (из примерно 40 000 кв. м общей площади памятника), показало многочисленные участки с большой плотностью артефактов.

Дополнительно результаты зондирования были верифицированы с помощью бурения с подсчетом всех полученных таким образом артефактов, абсолютное большинство которых составлял микродебитаж. Сравнение продемонстрировало выраженную позитивную корреляцию между количеством находок из кернов и интенсивностью GPR-сигнала.

Проведенное исследование подтвердило исключительную насыщенность культурного слоя стоянки-мастерской Фофаново XIII культурными остатками, в основном отходами от изготовления каменных рубящих орудий, массово производившихся здесь для использования в обменных операциях.

* Тарасов А. Ю. — Институт языка, литературы и истории; Рязанцев П. А. — Институт геологии; Потахин М. С. — Институт водных проблем Севера Карельского научного центра РАН; г. Петрозаводск, Россия (taleksej@mail.ru, chthonian@yandex.ru, potakhin@nwpi.krc.karelia.ru).

© Тарасов А. Ю., Рязанцев П. А., Потахин М. С., 2025

Структура культурного слоя прибрежной и торфяниковой частей стоянок эпох неолита — энеолита Подолье 1 и 3 в Южном Приладожье

Т. М. Гусенцова*

Стоянки Подолье 1 и 3 находятся в бассейне р. Лавы, в 4 км от южного побережья Ладожского озера в Кировском районе Ленинградской области. Комплексные археологические и естественно-научные исследования выявили границы древнего водоема, у которого находились памятники. Структура культурного слоя стоянок связана с изменением гидродинамических условий их существования [Сапелко и др. 2019]. Стоянка Подолье 1 расположена у северо-западной границы водоема. Прибрежная часть достигает 3 м в ширину. Верхний культурный слой мощностью 0,7–1,0 м сложен желто-серым песком, суглинком и песком с торфом. Применение метода геохимической индикации культурного слоя в прибрежной зоне памятника позволило понять особенности древнего микрорельефа и реконструировать зоны антропогенной деятельности, связанные с рыбной ловлей, разделкой животных и рыбы и небольшими очажными участками [Kulkova et al. 2019]. В основании культурного слоя залегает торф черного цвета мощностью 0,40–0,80 м, к которому приурочена основная зона обитания древних людей. Выявлено несколько участков скопления находок, указывающих на неоднократное заселение памятника в период 4055–2600 лет до н. э. [Гусенцова, Кулькова 2016]. Крупные развалы сосудов эпохи энеолита (более 10) локализованы в северо-восточной и западной частях торфяника. В торфе найдены сланцевые рубящие орудия русско-карельского типа, наконечники стрел, янтарные подвески, грузила (камешки, оплетенные берестой, со следами обмотки «нитками»), кости животных, позвонки и чешуя рыб. В торфе сосредоточено несколько групп обработанной древесины, оставшейся от рыболовных загоронок и построек на сваях.

Стоянка Подолье 3 находится у восточных границ древнего водоема. Прибрежная часть памятника шириной до 3–4 м примыкает к невысокой надпойменной террасе Лавы. Граница водоема обозначена скоплениями камней и плиток песчаника, обломками древесины, поваленными кольями и бревнами эпохи Средневековья. Они перекрыты толщей серого и темно-серого песка, суглинка, песка с примесью торфа (0,8–1,1 м).

Находки эпох неолита и энеолита в прибрежной зоне приурочены к песку с примесью торфа и прослойкам серо-белого песка. Преобладает энеолитическая керамика, украшенная гребенчатым штампом, с примесью в тесте органики либо асбеста. Немногочисленна позднеэнеолитическая посуда с минеральными добавками в формовочной массе и ямочно-гребенчатой орнаментацией (круглые, овальные или ромбические ямки), редко изделия из камня, комки охры, кости животных. Существенно, что за пределами прибрежной зоны на участке террасы в слое темно-серого песка выявлено скопление позднеэнеолитической керамики в комплексе с изделиями из кремня, сланца, песчаника и антропоморфной каменной «личины».

* Гусенцова Т. М. — АНО НИИ культурного и природного наследия, Санкт-Петербург, Россия (ddut@mail.ru).

© Гусенцова Т. М., 2025

В слое торфа развалы и фрагменты поздненеолитической посуды в основном встречаются в юго-восточной части памятника. Керамика эпохи энеолита преобладает на северо-востоке. Там же найдено сланцевое тесло русско-карельского типа, четыре подвески из просверленных зубов животных и янтарные украшения, изделия из кости, деревянный ковш. В торфе собрано значительное количество костей животных и позвонков рыб. Рыболовные конструкции представлены остатками загородки из лучин и вбитыми в торф колами. По данным радиоуглеродного анализа памятник датирован VI — началом III тыс. до н. э. [Гусенцова, Кулькова 2016].

Гусенцова, Кулькова 2016 — *Гусенцова Т. М., Кулькова М. А.* Радиоуглеродное датирование стоянок Подолье 1, 3 (Южное Приладожье), Сосновая гора 1 (восточное побережье Финского залива) // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита восточной Европы VII–III тыс. до н. э. Смоленск, 2016. С. 388–396.

Сапелко и др. 2019 — *Сапелко Т. В., Гусенцова Т. М., Кулькова М. А., Лудикова А. В., Денисенков В. П., Корнеев Н. Ю.* Ладжская трансгрессия и ландшафты второй половины голоцена в Южном Приладожье (по данным изучения археологического памятника Подолье 1) // Известия РАН. Серия географическая. 2019. Вып. 5. С. 78–95.

Kulkova et al. 2019 — *Kulkova M. A., Gusentsova T. M., Nesterova L., Nesterov E. M.* The reconstruction of functional zones at Neolithic to Early Iron Age sites in the Neva river basin (Russia) by means of geochemical markers // Helsinki Harvest: Proceedings of the 11th Nordic Conference on the Application of Scientific Methods in Archaeology. Vol. 7. Helsinki, 2019. P. 72–92.

Часть III

Системы расселения в позднем каменном веке

Ононский неолит по материалам экспедиции А. П. Окладникова в Восточном Забайкалье в 1965 г.

Д. Е. Власенко*

Алексей Павлович Окладников внес значительный вклад в изучение археологии Забайкалья. Его взгляды во многом стали определяющими на долгие годы. Благодаря его работе Забайкалье начало превращаться в один из прочных блоков в схемах палеолита и неолита Сибири, сохраняя при этом самобытные черты, перестав быть белым пятном на карте Северной Азии.

В 2025 г. исполняется 60 лет экспедиции Института истории, филологии и философии (ИИФФ) СО АН СССР под руководством А. П. Окладникова в Восточное Забайкалье на р. Онон (1965). Для забайкальской археологии этот год также значим тем, что из состава экспедиции ИИФФ выделился Читинский археологический отряд под руководством И. И. Кириллова [Окладников, Кириллов 1980: 5]. В дальнейшем отряд стал базой для двух самостоятельных забайкальских экспедиций — Чикойской и Верхнеамурской, которые и ныне успешно изучают Забайкалье.

Экспедиция 1965 г. открыла большое количество памятников в бассейне р. Онон. Значительных достижений экспедиция достигла в изучении неолита, исследовав Чиндант, Арын-Жалгу, Судунтуйскую писаницу и другие памятники (рис. 1). Так, на Чинданте, месте первой выездной практики читинских студентов, за 1965–1966 гг. раскопок был обнаружен культурный слой раннего неолита с особой геологической позицией залегания на глубине около 6 м от дневной поверхности. Были найдены нуклеовидные предметы, микронуклеусы, ножевидные пластины, двусторонне обработанные наконечники стрел, проколки и сверла «даурского типа», скребки, тесловидные изделия и т. д., фрагменты тонкостенной керамики, фаунистические материалы, остатки хозяйственной ямы и 11 очагов [Окладников, Кириллов 1980: 97–108].

Арын-Жалга была открыта в 1965 г. и изучалась в 1967, 1970–1980-х гг. На поселении в слоях развитого неолита были найдены многочисленные нуклеовидные предметы, микронуклеусы, пластины, вкладыши, скребки, острия, тесловидные и скребловидные изделия, абразивные орудия, кольца-утяжелители, изделия из кости, подвески и т. д., фрагменты 20 керамических сосудов, хозяйственные ямы и 22 очага, фаунистический материал [Окладников, Кириллов, 1980: 71–92]. В дальнейшем Арын-Жалга превратилась в отдельный комплекс разновременных и разнотипичных памятников.

В этот же год А. П. Окладников изучает Судунтуйскую писаницу эпохи неолита — бронзового века [Окладников, Запорожская 1970: 45; Мазин 1970: 105–115].

Некоторые подъемные сборы экспедиции 1965 г. хранятся в фондах Института археологии и этнографии СО РАН. Материал неолитического облика был собран в выдувах и оврагах (в скобках даны полевые названия объектов) около ст. Ага, с. Урта-Харгана (д. Урта), с. Кункур и на берегах р. Турга (Тура), озер Баим-Булаг (Баши-Булок), Сорбой (Сарбол) и Укшинда. Однако не для всех артефактов можно

* Власенко Д. Е. — Забайкальский государственный университет, Забайкальский научный центр Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Чита, Россия (dmitrivlasenko2003@mail.ru).

© Власенко Д. Е., 2025

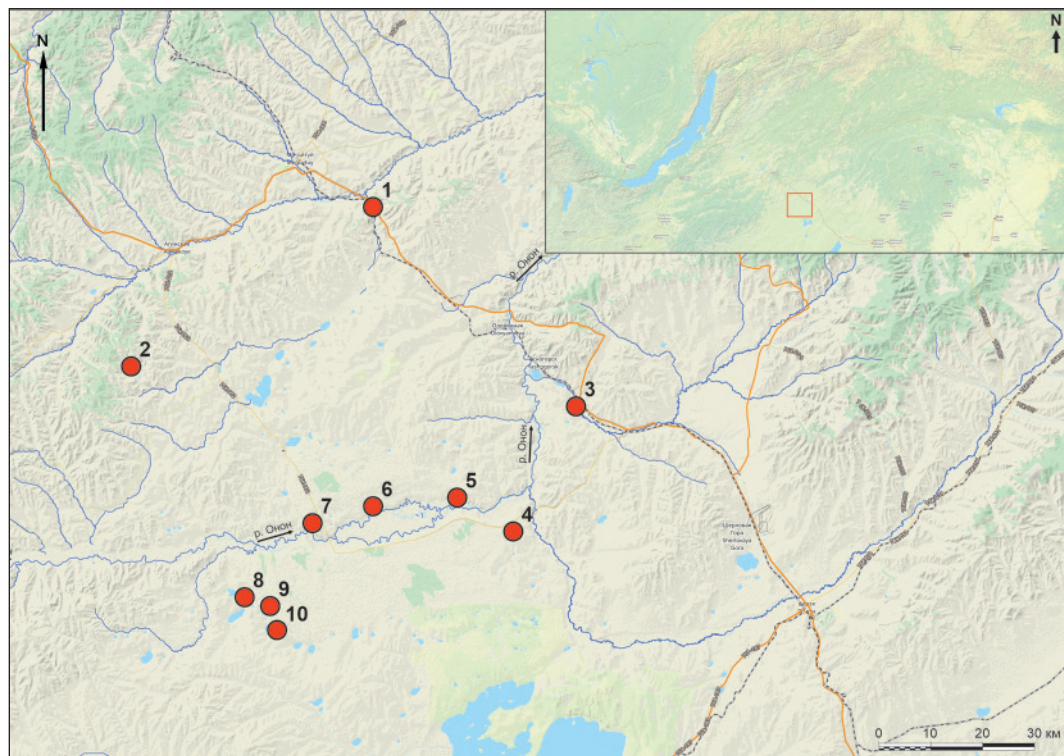

Рис. 1. Неолитические памятники на р. Онон, изученные экспедицией А. П. Окладникова в 1965 г.: 1 — ст. Ага; 2 — Судунтуйская писаница; 3 — р. Турга (Тура); 4 — оз. Сорбой (Сарбол); 5 — Чиндант; 6 — с. Кункур; 7 — Арын-Жалга; 8 — с. Урта-Харгана (д. Урта); 9 — оз. Баим-Булаг (Баин-Булок); 10 — оз. Укшинда

определить хотя бы примерное местонахождение, есть пометки «долина р. Онон», «находки Александра Шарова» и «пос. Чалдан», которого нет на картах (есть предположение, что это может быть неправильным написанием Чинданта). Тем не менее материал фондов заслуживает отдельной публикации.

Результаты работ экспедиции 1965 г. и последующих лет в Приононье отражены в книге «Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы» [Окладников, Кириллов 1980]. Благодаря экспедициям на Ононе, неолит Восточного Забайкалья стал восприниматься как самостоятельное явление, была разработана своя периодизация: чиндантский, будуланский и амоголонский этапы [Окладников, Кириллов 1980: 136–163]. Труд Окладникова и Кириллова до сих пор остается основным по каменному веку Онона, и, несомненно, для нового этапа исследований в этом районе он будет твердой опорой.

Автор выражает благодарность фондам Института археологии и этнографии СО РАН за предоставленные материалы.

Мазин 1986 — Мазин А. И. Таежные писаницы Приамурья. Новосибирск, 1986. 259 с.

Окладников, Запорожская 1970 — Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. В 2 ч. Ч. 2. Л., 1970. 263 с.

Окладников, Кириллов 1980 — Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 177 с.

Т. Ю. Клементьева, А. А. Погодин*

Полное освоение территории бассейна Конды происходит в эпоху неолита. Статистические данные о количестве открытых памятников показывают его плавное увеличение от мезолита к эпохе бронзы, что косвенно свидетельствует о непрерывном росте численности населения. В конце бореального — начале атлантического периода уже сформировались современная речная сеть и озерная система. Неолитические поселки обустраивались по берегам озер, малых рек и проток не только в устьевой части, но и по всему их течению, вплоть до истока. Глубина территории поселений от края террасы, который мог измениться с эпохи неолита за счет меандрирования русла (БУм-8. Здесь и далее «БУм» — название поселений «Большая Умытья»), достигала 250 м (БУм-100). Островные формы рельефа, а также небольшие гряды протяженностью до 1 км между озер осваивались полностью. Многие участки террас заселялись неоднократно. В раннем неолите «наложение» однокультурных комплексов зафиксировано на поселении Мулымья 3. Нередки случаи повторного заселения одного и того же участка местности в более позднее время разнотипными группами. Так, котлован жилища мулымьинского типа прорезан котлованом сумпаньинского жилища (Мулымья 3, 4; Сумпанья 6); на поселении Усть-Тетер 1 в раннюю шоушминскую постройку был вписан котлован умытынского сооружения, а в него позднее — котлован ушьинского.

По материалам памятников умытынского типа рассмотрена система расселения на уровне домохозяйства. На р. Большая Умытья учтено 38 памятников этого типа. Пять из них расположены в среднем течении реки на участке длиной 15 км. Комплексы представлены поселками из одного (БУм-8, 9, 57, 109.1, 109.2) или нескольких (БУм-2, 100) жилищ с активно освоенной прилегающей территорией (ямы, кострища, легкие наземные строения). Базовым элементом конструкции умытынского жилища был земляной котлован глубиной 1,5–2,0 м и площадью пола до 45 кв. м. Вдоль его стен сооружали невысокие (0,4–0,7 м) земляные уступы-«плечи» шириной до 1,2 м. Перекрытие удерживалось опорными столбами, размещенными по углам и вдоль стен. В жилище располагался один очаг; очажные конструкции разнообразны. Пол жилища посыпался охрой. Наиболее ранние умытынские поселки датируются первой половиной VI тыс. до н. э. (БУм-8 и БУм-9), поздние (БУм-109.1 и 109.2) — концом V тыс. до н. э.

На одном из умытынских памятников в 110 м друг от друга раскопаны два однокультурных жилища — БУм-109.1 и БУм-109.2. Особенности декора керамической посуды и хронологический разрыв, составляющий по ^{14}C -датам более 100 лет, позволяют предположить, что изученные жилища были самостоятельными домохозяйствами. Случаи перекрытия ранних умытынских комплексов более поздними, умытынскими же, неизвестны. В конце V тыс. до н. э. умытынские поселения и сменяющие их ушьинские сосуществуют. Изменений в системе расселения не фиксируется, на руинах умытынских построек происходит эпизодическое строительство ушьинских жилищ (БУм-100).

* Клементьева Т. Ю. — Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие» (klementjevat@yandex.ru), Погодин А. А. — ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие» (pogodin1966@yandex.ru); г. Екатеринбург, Россия.

© Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., 2025

Особенности расположения неолитических памятников в долине р. Вишеры (Северное Прикамье)

Е. Л. Лычагина, Д. А. Демаков, С. В. Копытов*

Река Вишера является одним из крупнейших левых притоков Камы. Интерес к выявлению предпочтений древнего населения при выборе селитебных земель на этой предгорной реке связан с однослойностью большинства обнаруженных здесь памятников и достаточно высокой изменчивостью геоморфологических условий от истока к устью. На основе геолого-геоморфологического строения долина Вишеры была разделена на пять участков [Чернов 2023: 163; Копытов и др. 2023: 34], из которых нас будут интересовать два первых — горный и предгорный («красновишерский»), так как именно здесь известны археологические памятники периода неолита (рис. 1).

Первый участок связан с протеканием реки в Уральских горах, где долина Вишеры имеет глубокооврезанное русло с узкой поймой и практически не меняет своей морфологии. Здесь известно три неолитических памятника: жертвенное место и писаницы у Писаного камня, стоянка Камень Дыроватый и поселение Говорливое I. Все памятники расположены на правом берегу Вишеры и приурочены либо к рифовым скальным останцам (Камень Писаный), либо к первой надпойменной террасе (поселение Говорливое I, стоянка Камень Дыроватый). Они имеют небольшую площадь и незначительный культурный слой (20–30 см). По своему типу относятся либо к святилищам, либо к кратковременным стоянкам [Демаков, Лычагина 2019: 116, 117]. Таким образом, отсутствие широкой долины и возможностей для меандрирования реки в горной части предопределило расположение неолитических памятников на современном берегу Вишеры. Кратковременный характер стоянок может быть связан с угрозой затопления в период половодья.

Иная ситуация сложилась на субширотном «красновишерском» участке. После выхода в предгорную часть долина Вишеры резко увеличивается (до 4–5 км) и река становится очень извилистой. На участке от г. Красновишерска до устья р. Колвы Вишера образует несколько крупных излучин петлеобразной формы, которые вершинами упираются в борта долины [Чернов 2023: 164; Копытов и др. 2023: 34]. При этом в рельефе заметны следы от предыдущих циклов развития излучин реки, которые проявляются в наличии старичных озер и заболоченных участков поймы. На основе палеоусловного анализа на этом участке выделено четыре группы пойменных генераций, отличающихся друг от друга возрастом формирования и морфологическими особенностями излучин.

На этом участке также известно три неолитические стоянки — Хомутовское Болото I, II и Урсинка I. Все памятники расположены в наиболее высоких местах песчаных грив, связанных с формированием первой террасы Вишеры, и в настоящее время находятся на значительном расстоянии от современного русла реки. Проведенные в данном районе палеогеографические исследования показали, что памятники располагались на берегах еще существовавших в то время излучин, а также водоемов со слабопроточной водой (затонов) [Копытов и др., 2024: 705].

* Лычагина Е. Л., Копытов С. В. — Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермский государственный национальный исследовательский университет (LychaginaE@mail.ru, kopytov@psu.ru), Демаков Д. А. — Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (demakov-denis@mail.ru); г. Пермь, Россия.

© Лычагина Е. Л., Демаков Д. А., Копытов С. В., 2025

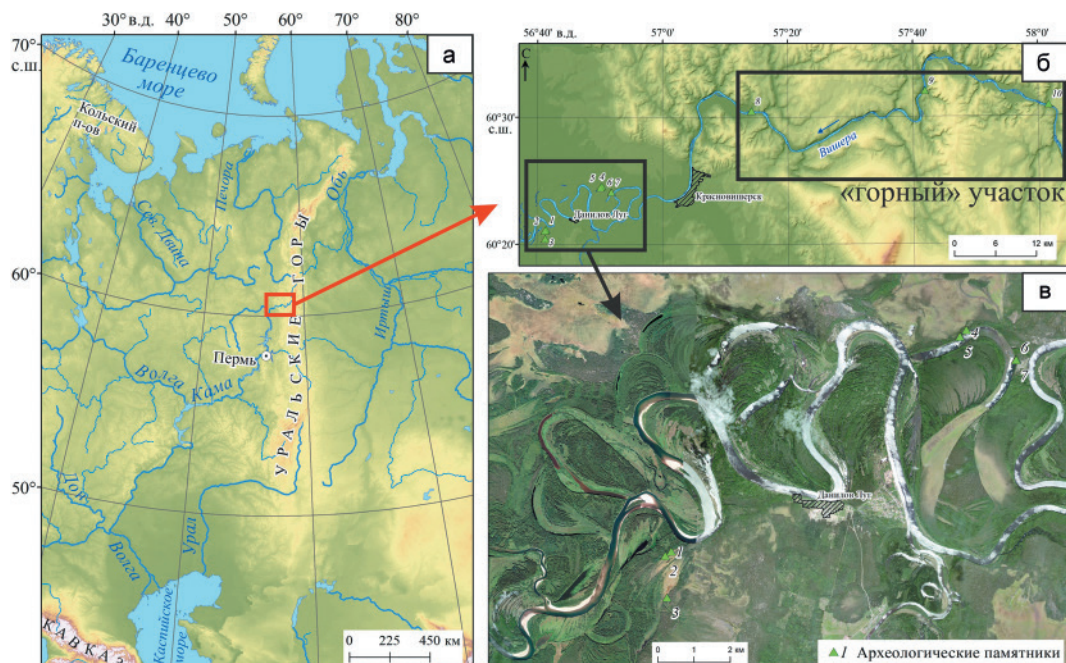

Рис. 1. Территория исследования: а — местоположение на карте Восточно-Европейской равнины; б — долина р. Вишеры; в — субширотный «красновишерский» участок.

Археологические памятники: 1 — Хомутовское болото I, 2 — Хомутовское болото II, 3 — Урсинка I, 4 — Ораловское озеро I, 5 — Ораловское озеро II, 6 — Глубокое озеро I, 7 — Глубокое озеро II, 8 — Говорливое I, 9 — Камень Дыроватый, 10 — Камень Писаный

Относительно быстрые изменения русла реки на этом участке привели к тому, что благоприятные условия для жизни человека в отдельных районах долины имелись достаточно недолго. Поэтому здесь фиксируются однослойные памятники как периода неолита, так и более поздних эпох. В настоящее время этот район является перспективным для поиска новых археологических объектов.

Таким образом, два смежных участка долины Вишеры продемонстрировали нам разные стратегии освоения долины реки.

Демаков, Лычагина 2019 — Демаков Д. А., Лычагина Е. Л. Освоение бассейна Верхней и Средней Камы в неолите // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 3. С. 113–119.

Копытов и др. 2023 — Копытов С. В., Демаков Д. А., Лычагина Е. Л., Чернов А. В., Зарецкая Н. Е. Геоморфологические условия формирования неолитических памятников в долине нижней Вишеры (северо-восток Европейской России) // Лесная зона Восточной Европы в мезолите и неолите: факты, проблемы и перспективы исследований: Тез. докл. междисциплинарной конф., посв. юбилею С. В. Ошибкиной. М., 2023. С. 34–35.

Копытов и др. 2024 — Копытов С. В., Зарецкая Н. Е., Баранов Д. В., Лычагина Е. Л. Бассейн нижней Вишеры (Пермское Предуралье) в голоцене: результаты георхеологических работ 2024 года // Рельеф и четвертичные образования Арктики, Субарктики и Северо-Запада России. 2024. Вып. 11. С. 701–707.

Чернов 2023 — Чернов А. В. Некоторые особенности применения метода палеорусловедения на широкопойменных реках предгорий (на примере р. Вишеры) // Гидросфера. Опасные процессы и явления. 2023. Т. 5, вып. 2. С. 160–171.

Работа проведена при поддержке гранта РНФ № 23-68-10023, <https://rscf.ru/project/23-68-10023/>.

Особенности расположения постнеолитических-энеолитических памятников в Верхнем и Среднем Прикамье (природно-географический аспект)

Д. А. Демаков. Н. С. Смертина (Батуева)*

Энеолитические памятники территории Верхнего и Среднего Прикамья современными исследователями датируются периодом с конца V по начало II тыс. до н. э. Его окончание относится уже к бронзовому веку, и население позднего энеолита существует с обществами раннего бронзового века.

В районе исследования известно 93 памятника, относящихся к трем археологическим культурам постнеолитического-энеолитического времени: новоильинской, борской и гаринской. Сосуществование нескольких археологических культур, видимо, является отражением переходности этого этапа, когда происходит смешение различных культур и на их основе формируются более крупные общности.

В нашей работе мы проанализировали особенности их расположения с помощью картографирования, проведенного на основании пространственной классификационной системы Е. А. Зайцевой.

Картографирование новоильинских памятников показало, что для них характерно равномерное расположение по берегам рек, в среднем и нижнем течении, на террасах высотой 3–5 м. В основном объекты находятся на берегах Камы и рек первого порядка, в сосновых борах и на подзолистых почвах, на расстоянии до 300 м до современного водотока.

Анализ расположения памятников борской культуры выявил, что для них свойственно размещение на правых берегах рек, в нижнем их течении, на террасах высотой 3–8 м. В основном памятники находятся на берегах рек первого порядка, на старичных озерах, в сосновых борах и на подзолистых почвах, на расстоянии 300–600 м от современного водотока.

Картографирование гаринских памятников показало, что для них характерно расположение на правых берегах рек, в среднем их течении, на террасах высотой 3–12 м. В основном объекты находятся на берегах Камы и рек первого порядка в сосновых борах и на подзолистых почвах, на расстоянии до 300 м до современного водотока. Эти особенности расположения хорошо соотносятся с тем фактом, что в период бытования энеолитических памятников из-за уменьшения осадков на Каме и ее притоках наблюдалась низкая водность.

Предпочтения энеолитического населения в выборе места для жилищ основывались не только на близости к рекам как источникам воды и пропитания, но и на близости к сырью, которое находилось в размываемых участках долин рек, что выявилось при анализе расположения гаринских поселений на Средней Каме.

Анализ расположения памятников относительно течения Камы и ее берегов позволил выделить локальные особенности их местонахождения, дал информацию, которую можно использовать для поиска новых объектов.

* Демаков Д. А. — Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, Россия (demakov-denis@mail.ru), Смертина (Батуева) Н. С. — Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; г. Пермь, Россия (nadiabat@yandex.ru).

© Демаков Д. А., Смертина (Батуева) Н. С., 2025

На Верхней Каме поиск новоильинских и гаринских стоянок и поселений перспективен на левых берегах Камы и рек первого и четвертого порядков в нижнем их течении. Объекты могут находиться на площадках террас высотой 3–5 м в светлохвойных и смешанных лесах, на подзолистых почвах. Многообещающими для их обнаружения являются берега старичных озер.

На Средней Каме памятники новоильинской и гаринской культур возможно обнаружить на реках первого и второго порядков, в их нижнем и среднем течении. Объекты могут занимать площадки террас высотой 3–12 м, располагаться в светлохвойных лесах и на подзолистых почвах.

Поиск новых борских памятников перспективен в среднем течении рек второго порядка, а также на берегах старичных озер в окрестностях г. Перми [Демаков 2023].

Демаков 2023 — *Демаков Д. А.* Среда обитания и селитебные предпочтения населения Верхнего и Среднего Прикамья (мезолит — бронзовый век): Дис. ... канд. ист. наук: 5.6.3. Барнаул, 2023. 399 с.

Работа проведена при поддержке гранта РНФ № 23-68-10023, <https://rscf.ru/project/23-68-10023/>.

Радиоуглеродные даты ромбоямочной керамики в Центральной России и Беларусском Посожье

Р. В. Смольянинов*

Ромбоямочная керамика на поселениях Восточной Европы встречается на обширной территории, по примерным оценкам не менее чем на 600 памятниках от Беломорья до Северной Украины с севера на юг и от верховьев Днепра до Поочья с запада на восток [Смирнов 1991: 78; Сидоров 1995: 76; Грудинкин 2004; Смольянинов 2009; Витенкова 2016; Васильева и др. 2021].

Если территория Северо-Запада страны имеет довольно большое количество радиоуглеродных датировок для поселений с ромбоямочной керамикой [Витенкова 2016; Тарасов, Хорошун 2016; Нордквист, Мёккёнен 2018; Васильева, Жульников 2023], то в Центральной России и Беларуси их до недавнего времени не было (рис. 1, А).

Первые радиоуглеродные датировки для Центральной России получены в 2016 г. для двух поселений на территории Калуги.

Первый фрагмент сосуда, орнаментированный горизонтальными рядами ромбов, расположенных в шахматном порядке, с небольшим тонким слоем нагара на внутренней стороне, происходит со стоянки Калуга 1 (памятник находится на мысовидном выступе на левом берегу р. Оки около «Среднего» перевоза на правый берег к дачному поселку Некрасово [Грудинкин 2004: 45]). Он датирован 5820 ± 120 BP (4987–4446 calBC) (Spb-1757) (рис. 1, Б, 6–8) [Грудинкин, Нестерова 2016: 203].

Второй фрагмент сосуда происходит со стоянки Калуга 2, расположенной на левом берегу Оки, в 0,8 км ниже по течению от стоянки Калуга 1. Он орнаментирован оттисками гребенчатого штампа с примесью дресвы, относится ко 2-му этапу белёвской культуры. На внутренней стороне сосуда сохранился тонкий слой пищевого нагара. Фрагмент датирован 5750 ± 120 BP (4849–4351 calBC) (Spb-1758) [Грудинкин, Нестерова 2016: 204].

На севере Беларусского Посожья исследован многокультурный памятник Гронов 3 (по В. П. Третьякову и Е. Г. Калечиц), или стоянка 5 (по А. А. Колосову), расположенный на первой надпойменной террасе левого берега р. Сож, между коренным берегом реки и оз. Бородок в урочище Курганье, в 1,1 км восточнее деревни. В раскопе площадью 140 кв. м выявлено 1612 фрагментов керамики трех групп. Нас интересует группа 2, которой авторы публикации находят сходство в Подесенье [Ткачёв, Кулькова 2016: 297, 298]. Преобладающий элемент орнамента — «лапка». Вдавнения, наколы (преимущественно круглые) и отпечатки гребенчатого штампа встречаются реже. «Лапкой», расположенной горизонтальными рядами или в шахматном порядке, покрывается вся поверхность сосуда. На поверхности некоторых горшков наблюдается чередование поясков «лапки» с горизонтальными рядами вдавлений, наколов и, в некоторых случаях, оттисками гребенчатого штампа. У всех сосудов под венчиком одинарный ямочный поясик [Ткачёв, Кулькова 2016: 298]. По нагару на керамике получена дата 5886 ± 120 BP (Spb-1771) (4987–4446 calBC) (рис. 1, Б, 1–5).

* Смольянинов Р. В. — Липецкая региональная научная общественная организация «Археологические исследования», г. Липецк, Россия (rws17@yandex.ru).

© Смольянинов Р. В., 2025

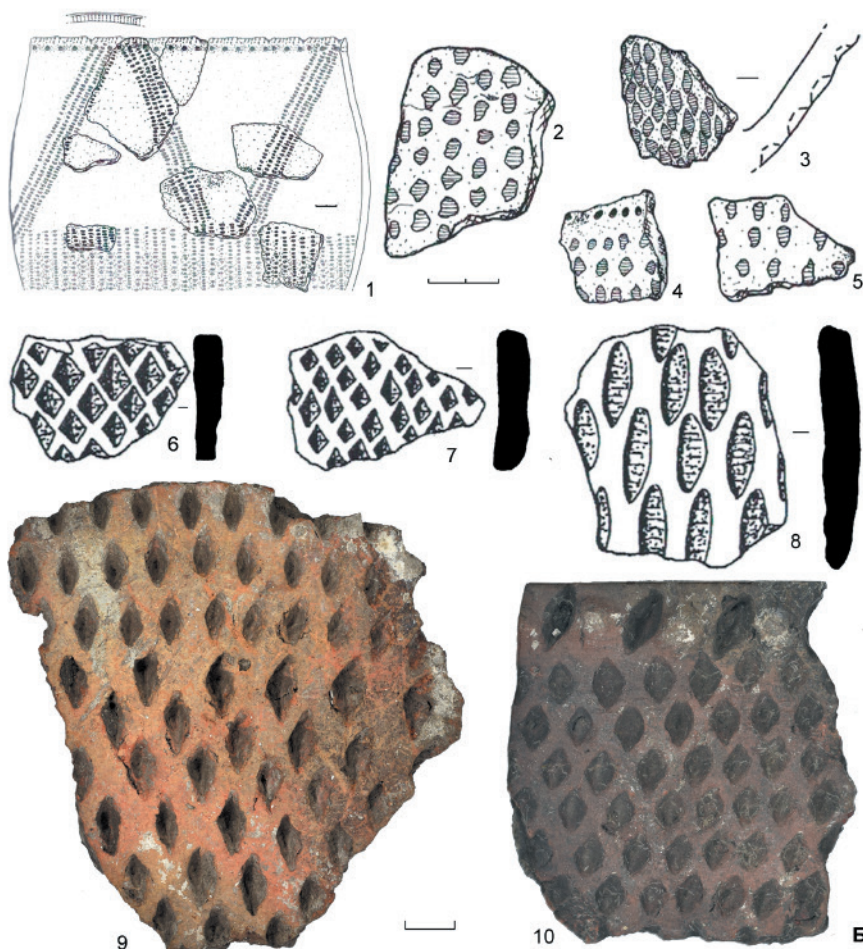
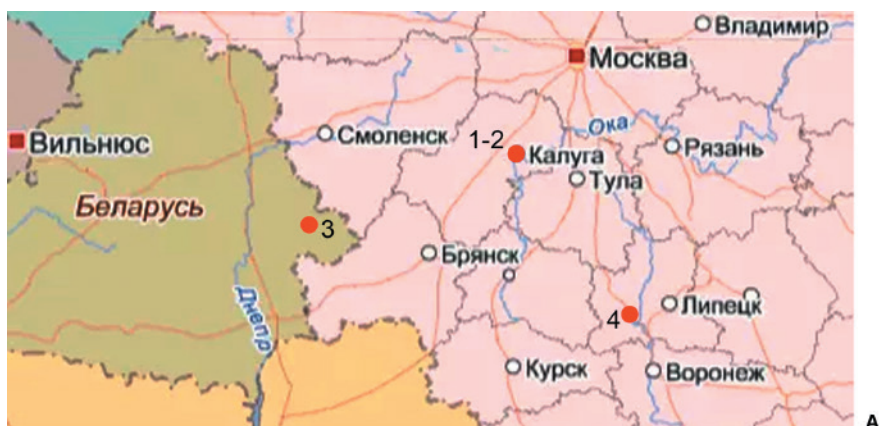

Рис. 1. Ромбоямочная керамика в Центральной России и Белорусском Посожье.
 А — карта памятников, керамика которых с ромбическим и лапчатым орнаментом продатирована: 1 — стоянка Калуга 1; 2 — стоянка Калуга 2; 3 — многокультурный памятник Гронов 3 (стоянка Гронов 5); 4 — поселение и могильник Ксизово 6.
 Б — ромбоямочная керамика: 1–5 — керамика второй группы многокультурного памятника Гронов 3 (стоянка Гронов 5); 6–8 — керамика со стоянки Калуга 1; 9, 10 — керамика с поселения и могильника Ксизово 6

На Верхнем Дону обширная керамическая коллекция VI–III тыс. до н. э. (67 сосудов, выделенных по венчикам, и 24 сосуда лапчатой керамики) получена на памятнике Ксизово 6, который находится на окраине с. Ксизово Задонского района Липецкой области, у впадения р. Снова (правый приток) в р. Дон. Здесь было заложено два раскопа общей площадью 253 кв. м [Лаврушин и др. 2009]. Коллекция является самой большой для Придонья. Для ромбоямочной керамики этого памятника в двух радиоуглеродных лабораториях получены три радиоуглеродные даты по тесту керамики: 4630 ± 90 BP (3635–3100 calBC) (Ki-13309), 4660 ± 100 BP (2σ 3640–3100 calBC) (SPb 3808) (рис. 1, Б, 10), 4700 ± 100 BP (2σ 3700–3100 calBC) (SPb 3802) (рис. 1, Б, 9).

Итак, для радиоуглеродных датировок Центральной России и Белорусского Посожья прослеживаются два интервала радиоуглеродных дат. Первые три даты, относящиеся к интервалу первой половины V тыс. до н. э., являются очень древними и не укладываются в логику развития памятников с ромбоямочной керамикой, когда на позднем этапе появляется лапчатый штамп, а ромбы «округляются». Все эти датировки сделаны по нагарам с черепков, которые авторы публикаций не связывают с ранним этапом развития культуры. Например, по образцу из Посожья сами авторы датирования оказались в замешательстве от столь древней даты, допуская, что могло не хватить количества нагара для правильного датирования [Ткачёв, Кулькова 2016: 299]. Видимо, даты удревлены из-за нагара образца для датирования, возможен резервуарный эффект.

Даты с Ксизово 6 были установлены по тесту сосудов в двух разных лабораториях и оказались удивительно близки. При этом мы оцениваем эти керамические материалы как наиболее поздние в развитии ромбоямочных древностей. С этой точки зрения их датировка синхронна датам для подобных материалов неолита — энеолита в Карелии.

Васильева, Жульников 2023 — *Васильева Т. А., Жульников А. М.* Асбест в культуре древнего населения Карелии с ромбо-ямочной и гребенчато-ямочной керамикой // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 8–18.

Васильева и др. 2021 — *Васильева Т. А., Косорукова Н. В., Недомолкина Н. Г.* Памятники с ромбо-ямочной керамикой Вологодского края // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 3. С. 142–147.

Витенкова 2016 — *Витенкова И. Ф.* Карелия в начале эпохи металла (памятники с ромбо-ямочной керамикой). Петрозаводск, 2016. 205 с.

Грудинкин 2004 — *Грудинкин Б. В.* Белёвская неолитическая культура. М., 2004. 130 с.

Грудинкин, Нестерова 2016 — *Грудинкин Б. В., Нестерова Л. А.* Первые результаты радиоуглеродного датирования глиняной посуды белёвской археологической культуры // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н. э. Смоленск, 2016. С. 203–204.

Лаврушин и др. 2009 — *Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Бессуднов А. Н., Смольянинов Р. В.* Природные катастрофы в голоцене бассейна Верхнего Дона. М., 2009. 63 с.

Нордквист, Мёккёнен 2018 — *Нордквист К., Мёккёнен Т.* Новые данные по археологической хронологии Северо-Запада России: АМС-датировки неолита — энеолита Карелии // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь, 2018. С. 39–68.

Сидоров 1995 — *Сидоров В. В.* Неолит Десны и Волго-Окского бассейна // СА. 1995. № 1. С. 71–80.

Смирнов 1991 — *Смирнов А. С.* Неолит Верхней и Средней Десны. М., 1991. 144 с.

- Смольянинов 2009 — *Смольянинов Р. В.* Керамика с ромбоямочной орнаментацией лесостепного Подонья в системе ромбоямочных керамических древностей Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Тверь, 2009. С. 257–268.
- Тарасов, Хорошун 2016 — *Тарасов А. Ю., Хорошун Т. А.* Радиоуглеродная хронология неолита и энеолита на территории Карелии // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н. э. Смоленск, 2016. С. 368–387.
- Ткачёв, Кулькова 2016 — *Ткачёв М. И., Кулькова М. А.* Первые результаты радиоуглеродного датирования глиняной посуды белёвской археологической культуры // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н. э. Смоленск, 2016. С. 297–309.
- Статья написана в рамках реализации гранта «Изучаем древних, учимся у древних, спасаем древних» (№ 24-2-001917), поддержанного Фондом президентских грантов.

Различие расположения мест обитания населения каменного века Восточной Лапландии и созданных ими сакральных объектов

В. Я. Шумкин*

Заселение арктической части Фенноскандии не позднее 11 тыс. лет назад установлено надежно и основательно. Пути же проникновения человеческих коллективов в эту часть Арктики до последнего времени связывались только с норвежским побережьем. Этот маршрут и сейчас не отрицается, а с нахождением изображения крупной лодки именно этого времени на прибрежных скалах [Gjerde 2021] еще более подтверждается и свидетельствует о том, что, по крайней мере, часть его осуществлялась морским путем. Предполагаемое же проникновение древнего населения в это время на арктическое побережье Лапландии через Карелию и Финляндию пока еще требует дополнительного подтверждения. Но в любом случае первопроходцами на этих арктических территориях были носители аренгсбургской археологической культуры [Шумкин 1986].

Уже имевшие опыт приморской адаптации на берегах Северного и Балтийского морей небольшие коллективы пионеров освоения европейской Арктики, продвигаясь вдоль уже освободившейся от ледника благодаря благодатному Гольфстриму морского побережья, вели образ жизни бродячих собирателей «даров моря», дополняя свой рацион охотничьими трофеями в виде оленей и других млекопитающих. Их стоянки, обычно площадью от нескольких десятков, реже — до нескольких сотен квадратных метров, расположены на высоте от 20 до 90 м над уровнем моря (по Балтийской системе высот). На этих мезолитических (8000–5000 лет до н. э.) стоянках удается выявить обычно остатки очагов, иногда обкладки легких переносных жилищ типа чумов на заключительном этапе мезолитического периода, иногда небольшие слабоуглубленные жилища и обычно незначительное количество артефактов, состоящих преимущественно из отщепов и орудий из кварца. Естественно, что выбирались наиболее удобные места, исходя из существующего окружения и условий: наличия рядом источника пресной воды, защищенности от холодных ветров, незаносимости снегом в зимнее время и руководствуясь основным направлением хозяйственной деятельности [Шумкин 1986].

В конце мезолита и особенно в неолите (5000–1800 лет до н. э.) население становится более оседлым, наряду с чумами появляются слабоуглубленные жилища типа Карлеботн. Приморские поселения, как правило, располагаются на высотах не ниже 20 м над уровнем моря. Активнее заселяются и внутриматериковые территории, где, в отличие от начинающих осваивать морской зверобойный промысел приморских обитателей, занимаются охотой на оленя в тундре и рыболовством на реках и озерах.

В период 1800–900 лет до н. э. (эпохи раннего металла — бронзы) используются жилища разных типов: Перьярви — мелкое прямоугольное, Завалишина — глубокое подквадратное, Ниельв-Городки — прямоугольное наземное, Гресбакен — овальное глубокое с траншеями в валике [Колпаков и др. 2021: 28]. Приморские поселения располагаются на уровне 14–17 м над уровнем моря.

* Шумкин В. Я. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия (shumkinv@yandex.ru).

© Шумкин В. Я., 2025

Мурманская область
Памятники археологии

870 памятников
1590 жилищ

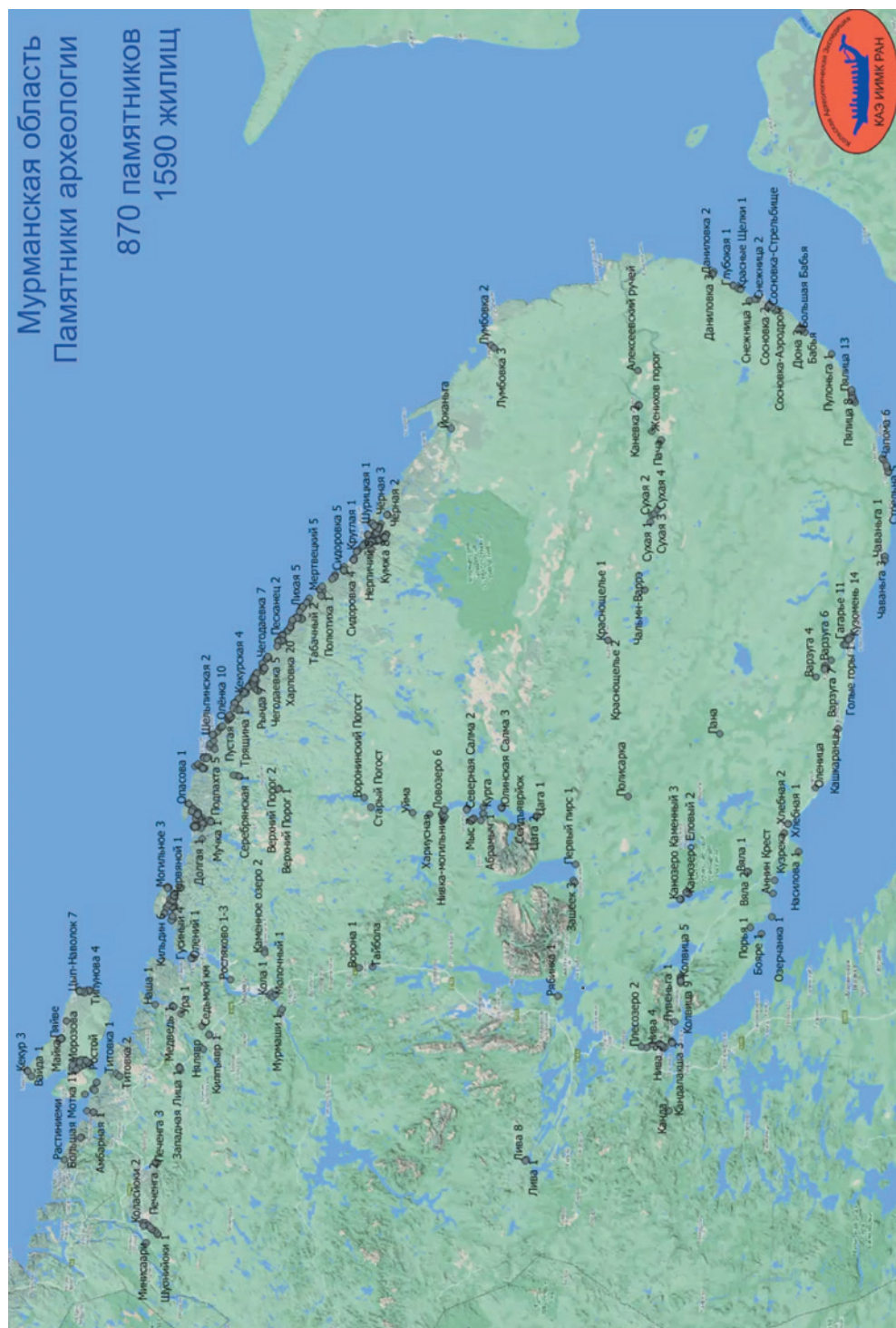

Рис. 1. Распространение основных археологических памятников Восточной Лапландии (Мурманская область РФ).
Данные на 2022 г. Составитель Е. М. Колпаков

Во всех этих периодах места обитания располагаются ситуационно, подчиняясь принципам выбора жилой площадки, выработанным еще в мезолитическое время (рис. 1).

Культовые объекты древнего населения Восточной Лапландии располагаются в иных локациях и обычно не соседствуют с поселенческими комплексами или отделены от них неким препятствием. Как показывает археологическая практика, все петроглифы и писаницы Лапландии располагаются не только в необычных, чем-то выделяющихся местах, часто на островах, но и на некотором удалении от поселений их творцов. Здесь дело даже не в расстоянии, оно может быть не очень значительным, главное, чтобы между местом обычной жизни и сакральным (священным) центром было некое препятствие. Это может быть вода, болото, перевал и т. д. То же требование заметно в палеолитических пещерах, где изображения обычно расположены далеко от входа и часто в самой глубинной темной ее части. Так же расположен и триптих эпохи бронзы в скальном убежище на полуострове Рыбачий.

Если же рядом или прямо на сакральном месте проживали какие-то коллективы, то можно считать, что они не имели отношения к их созданию и почитанию. Данная традиция закономерно прослеживается с палеолита вплоть до наших дней. Совершенно иначе ведут себя представители населения, не связанные традицией с местной историей: иногда преднамеренно, чаще по неведению. Весьма показателен в этом отношении выбор места для основания деревни Ивановка (1917 г.) пришельцами коми рядом с наскальными изображениями. Несмотря на явное удобство Чальмн-Варрэ для проживания, саамы здесь никогда не жили, позволяя лишь изредка хоронить здесь своих сородичей [Shumkin 2006]. Нет поселений творцов петроглифов Канозера вблизи этого крупнейшего сакрального комплекса, скорее всего обслуживавшего значительную группу населения и располагавшегося на некой нейтральной территории, а вероятные мезолитические авторы Пяйвенской писаницы устраивали свои стоянки хотя и недалеко, но на другом берегу реки.

Колпаков и др. 2021 — Колпаков Е. М., Киселёва А. М., Шумкин В. Я. Древние жилища северной Фенноскандии // Неолитические жилища. СПб., 2021. С. 28.

Шумкин 1986 — Шумкин В. Я. Мезолит Кольского полуострова // СА. 1986. № 2. С. 15–33.

Gjerde 2021 — Gjerde J. M. The earliest boat depiction in Northern Europe newly discovered early Mesolithic rock art at Valle Northern Norway // Oxford Journal of Archaeology. 2021. 40 (2). P. 136–152.

Shumkin 2000 — Shumkin V. The rock art, labyrinths, seids and beliefs of Eastern Lapland's ancient population // Myanndash. Rock art in the Ancient Arctic. Rovaniemi, 2000. P. 202–241.

Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития» (FMZF-2025-0007).

О расположении памятников и некоторых проблемах изучения эпохи неолита в бассейне оз. Воже

Н. В. Косорукова, В. А. Лукинцева, Т. С. Гринина*

В бассейне оз. Воже известно несколько десятков памятников каменного века, которые датируются в том числе и эпохой неолита. Материалы раннего неолита достоверно выявлены пока только на одном памятнике — на торфяниковой стоянке Караваиха 4. Большинство же неолитических памятников относятся к эпохе позднего неолита — ко времени распространения ямочно-гребенчатой керамики. Можно выделить два основных варианта топографического расположения памятников, материалы которых включают такую керамику.

К первому варианту относятся памятники, расположенные на слегка повышенных местах, представляющих собой суходолы на фоне окружающей заболоченной торфяной низины, высота их над уровнем воды не превышает 1–2 м. На таких участках находки залегают сразу под дерном на глубину до 0,3–0,5 м от поверхности. Слой чаще всего представляет собой черный гумусированный суглинок, весьма насыщенный находками. К таким памятникам относятся, например, известная Караваевская стоянка на р. Еломе, на которой выявлен также могильник (памятник, изучавшийся А. Я. Брюсовым в 1930–1950-е гг., в настоящее время — Караваиха 1); расположенная напротив, на другом берегу, стоянка Караваиха 3; поселение Дедово место (Елома 3) в 6 км ниже по течению от Караваихи; Попова нива 1 (Лисицынская стоянка) в истоке Модлоны; поселения Против Гостиного Берега (Вшивая Тоня) и Селище на р. Модлоне; Мыс Бревенник, Мыс Бык, Чаронда и Сенная 1 на западном берегу оз. Воже; Дворище на р. Вондонге, впадающей в озеро с юга; Боровинка 1–2 на р. Тордоксе и Пустая 1–2, 8–9 на р. Пустая, которые впадают в озеро с северо-востока; и некоторые другие.

Основная проблема в изучении данных памятников, расположенных на суходолах, заключается в том, что они являются многокомплексными: в одном слое смешаны материалы разных эпох, как правило, от мезолита до раннего железного века. В некоторых случаях ямочно-гребенчатая керамика более многочисленна по сравнению с керамикой более поздних эпох (энеолита — раннего металла — раннего железного века), как, например, на стоянках Караваиха 1 или Против Гостиного Берега, в других — преобладает керамика более поздних эпох, но присутствует и ямочно-гребенчатая, как, в частности, на поселении Попова нива 1. Если керамику, в основном, можно разделить на хронологические комплексы, для большей части каменного инвентаря, за исключением наконечников стрел, это сделать сложно или невозможно. Поэтому раскопки данных памятников пока отложены, хотя именно на таких суходольных участках возможно и выявление погребений.

Ко второму варианту относятся торфяниковые стоянки, расположенные вблизи или на некотором удалении от суходольных памятников, на которых находки залегают под слоями торфа и сапропеля и представлены чистыми комплексами с ямочно-гребенчатой керамикой. К таким памятникам относятся стоянки Караваиха 5 и 6, а также часть стоянки Караваиха 1, расположенная в низине между суходолом и ре-

* Косорукова Н. В., Лукинцева В. А., Гринина Т. С. — Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия (natalikcher@mail.ru, marskot7@mail.ru, tatianka.kos@mail.ru).

© Косорукова Н. В., Лукинцева В. А., Гринина Т. С., 2025

кой. Раскопки этих памятников более важны и перспективны, но в то же время труднее в практическом осуществлении, так как находки залегают ниже уровня воды и во время раскопок приходится бороться с водой. На них сохраняются изделия из органических материалов, для обеспечения сохранности которых необходимо привлечение дополнительных усилий. Исследование таких памятников важно еще и тем, что на них могут быть выявлены какие-либо деревянные конструкции, например, для рыболовства. Но сложные и трудоемкие поиски подобных памятников вблизи суходольных, как показали наши разведки, далеко не всегда приводят к успеху.

К вопросам топографии и палеогеографии памятников позднего неолита — раннего металла в Северном Приильменье

Е. А. Борисевич, М. А. Комагорова, В. Ю. Сяуборов*

Рассматриваемый микрорегион охватывает исток р. Волхов и северную часть оз. Ильмень, простираясь на юго-запад по песчаной гряде Поозерье до устья р. Веряжа, на юго-восток — по сильноизрезанному дельтой р. Мсты побережью озера до устья р. Большая Ниша.

История формирования Ильмень-Волховской гидросистемы до конца не выяснена. Считается, что после того, как Приильменье полностью освободилось ото льда примерно 14,6 тыс. л. н., на месте современного Ильменя образовалось Привалдайское (Валдайское) подпрудное приледниковое озеро. После отступления ледника дальше на северо-запад это озеро спустилось, распавшись на Грузинское (будущая Большая пойма р. Волхов) и Большое Новгородское (будущее оз. Ильмень) озера [Gorlach et al. 2017: 495]. Приблизительно 11,5 тыс. л. н. [Васильева и др. 2012: 144], после спуска последнего, оз. Ильмень фактически обрело современные очертания, однако его уровень доподлинно неизвестен.

Важными источниками для прояснения динамики уровня озера в голоцене являются стратиграфические данные памятников археологии и геологические разрезы. На данный момент в микрорегионе известно 43 пункта, на которых встречен археологический материал эпохи камня (рис. 1): 15 из них предварительно могут быть датированы поздним неолитом, 19 — эпохой раннего металла, еще девять представляют собой местонахождения единичных фрагментов керамики и предметов из кремня, датировка которых затруднена [Борисевич 2022; Юшкова 2011; Соколов 1926; Еремеев 2023: 112–212].

Все стоянки расположены в непосредственной близости к воде: на берегах крупных рек (Волхова, Мсты), на мысах островов и полуостровов, образованных рукавами рек Мста и Б. Ниша, на берегах небольших протоков и ручьев. Стратиграфические данные имеются по 12 памятникам. Культурные слои эпохи неолита выявлены на стоянках Юрьево, Стрелка, Рюриково городище, Коломцы, Липно, Божонка, Русско на отметках 17,5–18,0 м по Балтийской системе высот (БС). Согласно данным гидропоста Великого Новгорода, средний уровень Ильменя в 2020–2024 гг. составил 18,5 м БС. Таким образом, береговая линия в среднем голоцене находилась ниже современного уровня.

Кроме того, культурные слои неолита (за исключением стоянки на Липенском холме, где культурный слой зафиксирован на отметке 21 м БС) перекрыты достаточно мощным слоем речных и озерных отложений. Предполагается, что они образовались в результате какого-то серьезного геологического события, т. к. для сезонного затопления или многолетнего изменения погоды слой слишком велик (до 1,5 м).

* Борисевич Е. А. — Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Россия; Институт географии РАН, Москва, Россия (ek.razheva.povsu@mail.ru). Комагорова М. А. — Минералогический музей им. А. Е. Ферсмана РАН, Институт географии РАН, Москва, Россия (egorova.com@gmail.com). Сяуборов В. Ю. — Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Россия (i@syubor.ru).

© Борисевич Е. А., Комагорова М. А., Сяуборов В. Ю., 2025

Рис. 1. Памятники позднего неолита — эпохи раннего металла в Северном Приильменье.

Неолит: 1 — Аркажи; 2 — Бельская; 3 — Божонка; 4 — Городские Ворота I; 5 — Городские Ворота II; 6 — Коломцы; 7 — Красная Рель I; 8 — Красная Рель II; 9 — Кречевицы; 10 — Липно; 11 — Наволок; 12 — Рюриково городище; 13 — Стрелка; 14 — Юрьево; 15 — Ящерово. Эпоха бронзы: 16 — Бронница, могильник; 17 — Васильевское I; 18 — Васильевское II; 19 — Волотово; 20 — Георгий; 21 — Еруново; 22 — Заболотье; 23 — Кирилловское Сельцо; 24 — Липно; 25 — напротив Юрьева монастыря; 26 — Новгород; 27 — Перынь; 28 — Прость; 29 — Рюриково городище; 30 — Старое Ракомо; 31 — Холопий Городок; 32 — Хутынь; 33 — Шиловка II. Пункты, содержащие единичные случайные находки, датировка которых затруднена: 34 — Воецкий Остров; 35 — Горка; 36 — Нильский ручей I; 37 — Нильский ручей II; 38 — остров Войцы; 39 — Песчаное; 40 — Русско; 41 — остров Телятник; 42 — урочище Лаврово

Вопрос генезиса этих отложений дискуссионный и является темой отдельного исследования.

Понимание палеогеографии послеледниковья и голоцена даст возможность реконструировать обстановку, в которой происходило освоение Северного Приильмения. Датирование культурных напластований и перекрывающих их слоев позволит ответить на вопросы о времени заселения региона, уровне воды в этот период, времени и характере повышения уровня озера и переселения людей на более возвышенные участки.

Борисевич 2022 — *Борисевич Е. А.* Памятники каменного века в окрестностях г. Великий Новгород (краткий обзор) // LIV Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Астрахань, 2022. С. 7–10.

Васильева и др. 2012 — *Васильева Н. В., Субетто Д. А., Вербицкий В. Р., Кротова-Путинцева А. Е.* История формирования Ильменско-Волховского бассейна // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2012. № 153 (2). С. 141–150.

Еремеев 2023 — *Еремеев И. И.* Славяне и норманны к северу от Днепра до начала X века. Т. 1. СПб., 2023. 806 с.

Соколов 1926 — *Соколов Н. Н.* Геоморфологический очерк района р. Волхов и оз. Ильмень. Л., 1926. 360 с.

Юшкова 2011 — *Юшкова М. А.* Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России: Автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 24 с.

Gorlach et al. 2017 — *Gorlach A., Hang T., Kalm V.* GIS-based reconstruction of Late Weichselian proglacial lakes northwestern Russia and Belarus // Boreas. An international journal of Quaternary research. 2017. Vol. 46, is. 3. P. 486–502.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 25-27-00074.

Археологические памятники многократного заселения вблизи Хейнийокского палеопролива на Карельском перешейке: динамика формирования культурных контекстов

Д. В. Герасимов*

Изучение ландшафтной (палеоландшафтной) приуроченности археологических памятников разного возраста и различной культурной принадлежности является основой для моделирования древних систем расселения. Классической проблемой при исследовании археологических памятников также является оценка возможной продолжительности функционирования поселений и отдельных жилищ, синхронного / асинхронного функционирования жилищ на памятниках с многочисленными котлованами, возможностей их вторичного использования при неоднократном заселении.

Вблизи Хейнийокского палеопролива на Карельском перешейке сконцентрировано значительное количество памятников мезолита, неолита и энеолита. Причиной тому стали очень благоприятные условия для охотников-собирателей позднего каменного века, сложившиеся здесь в среднем и позднем голоцене. Одинаковые ландшафтные предпочтения древнего населения, сохранявшиеся на протяжении нескольких тысячелетий, обусловили формирование здесь археологических памятников многократного заселения, где представлены материалы, различные по хронологии и культурной принадлежности.

Географическое положение и геологическая история Карельского перешейка стали причинами различий в современном высотном положении древних береговых линий одного возраста и приуроченных к ним археологических памятников. В северной части Карельского перешейка, как и на большей части территории Восточной Фенноскандии, памятники каменного века разных периодов, расположенные в одном микрорегионе, находятся на разных террасах. Относительный возраст памятников и их высота над уровнем моря находятся в прямой зависимости. В центральной части зоны Хейнийокского пролива и несколько южнее под воздействием комбинации изостатических и эвстатических процессов сформировались культурные слои поселений, где в стратиграфическом порядке залегают разновременные комплексы каменного века — эпохи раннего металла, перекрытые и разделенные отложениями трансгрессивных фаз древних водоемов.

Северо-Западное Приладожье с точки зрения геоморфологической ситуации расположения памятников каменного века выделяется в отдельную зону. Здесь археологические контексты и структуры разного возраста часто расположены на одних и тех же площадках. На ряде памятников (Куркиёки 33, Берёзово 2, Проточное 4, Большое Заветное 4) подпрямоугольные котлованы жилищ финала каменного века — эпохи энеолита (вторая половина IV тыс. до н. э.) впущены в культурный слой периода позднего мезолита (VII — первая половина VI тыс. до н. э.). На всех этих памятниках также выделяются контексты позднего неолита (культура типичной гребенчато-ямочной керамики, первая половина IV тыс. до н. э.). В периоды

* Герасимов Д. В. — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия (dger@kunstkamera.ru).

© Герасимов Д. В., 2025

позднего неолита и энеолита площадки памятников подвергались интенсивному антропогенному воздействию. В ряде случаев (Большое Заветное 4, Куркиёки 33) расположение котлованов полуземлянок представляет собой регулярную систему, позволяющую предположить синхронное функционирование жилищ. Результаты исследования остатков жилищ на поселениях с небольшими площадками Берёзово 2 и Проточное 4, вероятно, свидетельствуют о повторном использовании в энеолите котлованов, оставленных населением позднего неолита.

Для ряда исследованных раскопками памятников каменного века многократно-го заселения Северо-Западного Приладожья отмечается «выпадение» материалов раннего неолита из представленной хронологической последовательности. При том имеются полученные по образцам из культурных слоев этих памятников радио-углеродные датировки, относящиеся к периоду раннего неолита (конец VI–V тыс. до н. э.). Это может свидетельствовать или о резком изменении береговых линий в этот период, или о существенном уменьшении численности населения, а возможно, и о комбинации этих факторов.

Динамика изменений в системе расселения древних охотников и рыболовов в бассейне р. Тунгуды (энеолит — ранний железный век)

А. М. Жульников*

Изучение изменений в структуре и практике освоения древними охотниками и рыболовами определенной территории может быть основано только на достаточно высоком уровне изученности региона. В юго-западной части Прибеломорья к числу таких микрорегионов, сравнительно полно исследованных разведками и раскопками, относится группа относительно небольших по площади озер, расположенных в верхней части бассейна р. Тунгуды.

Материалы эпохи раннего металла (энеолит — ранний железный век) обнаружены на данный момент на 84 археологических памятниках бассейна Тунгуды. На 20 памятниках с материалами эпохи раннего металла этого микрорегиона А. М. Жульниковым, А. П. Журавлевым, П. Э. Песонен, М. М. Шахновичем раскопано 4845 кв. м, часть полученных материалов на данный момент опубликована [Журавлев 1993; Жульников 2006]. На 37 поселениях бассейна Тунгуды зафиксированы 84 жилищные впадины. Раскопано 24 полуземляночных жилища (впадины) на 12 поселениях. Во всех исследованных жилищах обнаружена асбестовая и пористая керамика типа Оровनावолок, что позволяет связать пока не раскопанные жилищные впадины в бассейне Тунгуды с этим типом энеолитической керамики. В северной части озер Тунгудское и Берёзовое обнаружено три группы впадин — остатков ям для охоты на северного оленя. Судя по недавно полученной дате по углю из одной из четырех раскопанных охотничьих ям (4615 ± 55 BP (SPb 3628)) [Шахнович 2023: 281], они оставлены населением с ромбоямочной керамикой.

На территории микрорегиона в ходе раскопок и сборов на размытых частях поселений собраны фрагменты 1079 сосудов эпохи раннего металла, в том числе от девяти сосудов неустановленного типа финала эпохи бронзы — раннего железного века. На 30 стоянках найдены фрагменты 201 сосуда с ромбоямочной орнаментацией (ранний энеолит, период бытования: 4000–3400 лет до н. э.); на 27 стоянках, из них 17 — с жилищными впадинами, собраны фрагменты 366 сосудов с керамикой типов Залавруга (21 сосуд) и Оровनावолок (345 сосудов) (средний энеолит, 3400–2500 лет до н. э.); в коллекциях с 16 стоянок содержатся обломки 101 сосуда с примесью асбеста (тип Палайгуба) (поздний энеолит — начало эпохи бронзы, 2500–1500 лет до н. э.); на 11 стоянках обнаружены обломки 263 сосудов эпохи бронзы (керамика сетчатого и лебяжского типов) (1500–800 лет до н. э.); на 13 стоянках выявлены фрагменты 139 сосудов раннего железного века (тип Лууконсаари — 121 сосуд, ананьинская — 18 сосудов) (800–0 лет до н. э.).

С целью определения степени интенсивности заселения территории древними коллективами бассейна Тунгуды в разные хронологические периоды было проведено сопоставление количества сосудов, утрачиваемых в среднем за один год, в период бытования того или иного типа. Исходя из полученных данных, отчетливо

* Жульников А. М. — Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия (rockart@yandex.ru).

© Жульников А. М., 2025

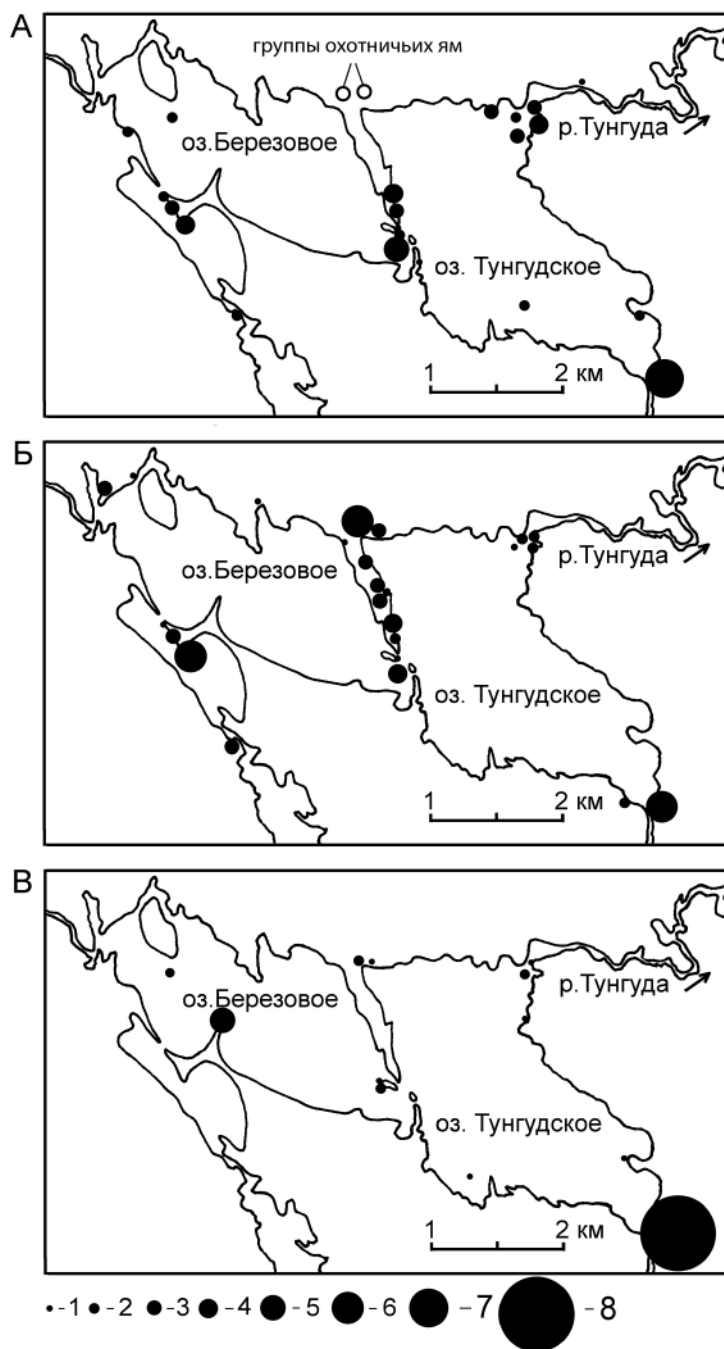

Рис. 1. Пространственные, количественные и хронологические изменения в распределении энеолитических сосудов на поселениях в бассейне р. Тунгуды: А — памятники с ромбоямочной керамикой; Б — стоянки с керамикой типа Залавруга и Оровनावолок; В — стоянки с керамикой типа Палайгуба. Доля сосудов определенного типа на поселении от общего количества сосудов этого типа на стоянках бассейна Тунгуды: 1 — до 1 %; 2 — 1,1–2,5 %; 3 — 2,6–5,0 %; 4 — 5,1–10,0 %; 5 — 10,1–15,0 %; 6 — 15,1–20,0 %; 7 — 20,1–30,0 %; 8 — более 70,0 %

выделяются два периода, когда бассейн Тунгуды относительно редко посещался древними людьми, — в позднем энеолите и раннем железном веке. Примечательно, что подобные количественные изменения в составе сосудов, относящихся к разным хронологическим периодам эпохи раннего металла, выявлены автором и для низовьев одной из крупнейших рек Карелии — Выг (корпус источника в этом микрорегионе составляют фрагменты от 2023 сосудов), к бассейну которой относится и Тунгуда.

В раннем энеолите большая часть поселений в бассейне Тунгуды располагалась на островах и полуостровах, разделяющих крупные озера (рис. 1, А). Единственное исключение — основание крупного полуострова, где обнаружены три группы раннеэнеолитических охотничьих ям, но отсутствуют поселения с ромбоямочной керамикой (рис. 1, А). Видимо, в это время здесь находились промысловые угодья. Энеолитические стоянки и полужилые жилища с керамикой типа Оровна-волок располагаются подавляющей частью на полуостровах, разделяющих озера (рис. 1, Б). Начиная со времени распространения в этом районе асбестовой керамики типа Палайгуба наблюдаются существенные изменения в пространственной структуре расселения в бассейне Тунгуды. Большая часть находок позднеэнеолитической керамики концентрируется в низовье р. Бохта (Тунгуда), впадающей в Тунгудское озеро в его юго-восточной части (рис. 1, В). Такая же ситуация характерна и для эпохи бронзы — раннего железного века, когда подавляющая часть обломков сосудов оказалась сконцентрирована в устье р. Бохты.

Полученные данные демонстрируют существенные хронологические и пространственные изменения в структуре расселения древних охотников и рыболовов не только на относительно небольшой части бассейна крупной реки, но и, видимо, для всей территории Юго-Западного Прибеломорья.

Жульников 2006 — Жульников А. М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск, 2006. 310 с.

Журавлев 1993 — Журавлев А. П. Новые поселения с асбестовой керамикой в Северной Карелии // Памятники древних культур лесной полосы Евразии. Петрозаводск, 1993. С. 54–61.

Шахнович 2023 — Шахнович М. М. К вопросу о ямах-ловушках европейского Севера России // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 2023. Вып. 15. С. 275–289.

Расселение в позднем неолите — раннем энеолите на территории Южного Заонежья

И. В. Мельников*

Территория Южного Заонежья включает центральную часть Онежского озера — южное побережье Заонежского полуострова, а также острова архипелага Кижские шхеры (рис. 1). В 1990–2010-х гг. на этой территории музеем «Кизи» проводилось сплошное обследование, в результате которого было выявлено более 60 памятников первобытной археологии. Среди них имеются и те, которые содержат в культурном слое находки позднего неолита — раннего энеолита: 15 поселений — гребенчато-ямочную и 10 — ромбоямочную керамику. Оба типа керамики, как правило, залегают совместно и стратиграфически не расчленяются. На большинстве памятников проведены только разведочные исследования с закладкой шурфов от 1 до 20 кв. м. Раскопки проводились на четырех стоянках — Вожмариха 1 (256 кв. м), Вожмариха 4 (136 кв. м), Вожмариха 21 (112 кв. м), Леликово 1 (36 кв. м). Материалы опубликованы [Мельников, Герман 2013].

Среди исследованных поселений рассматриваемого периода шесть находятся в южной части Заонежского полуострова, остальные — на островах Кижских шхер. Условия их нахождения и характер культурного слоя в обоих случаях существенно различаются. Памятники на материке залегают на ровных прибрежных террасах Онежского озера, сложенных песчано-галечными отложениями, которые сформировались в результате колебания Онежского озера на протяжении голоценовой эпохи на высоте около 4–8 м над уровнем воды в Онежском озере [Демидов и др. 2001]. Это поселения в районе залива Вожмариха — Вожмариха 1, 4, 21, Вертилово 2. Для них характерен относительно мощный для местных условий культурный слой (порядка 0,5 м) с обилием разнообразных находок из камня и фрагментов сосудов, а также достаточно большая площадь — до 3000 кв. м. На поселениях имеются впадины, которые с большой степенью вероятности могут быть интерпретированы как остатки полуземляночных сооружений. На поселениях Вожмариха 1 и 4, где проводились раскопки, во впадинах были выявлены остатки жилищ. Все это свидетельствует о долговременном характере поселений, которые функционировали круглый год.

Поселения на островах иные. Острова, на которых открыты стоянки, представляют собой скалы, выступающие из Онежского озера на высоту 10–15 м, они частично перекрыты песчано-галечными отложениями и заросли лесом. Стоянки занимают относительно ровные береговые участки. Их площадь невелика и составляет 200–500 кв. м, распространение культурного слоя ограничивается выходами скал. Мощность культурного слоя также невелика — 10–20, редко до 30 см, обычно слой подстилается скальной поверхностью. Высота над уровнем Онежского озера существенно варьирует (2,5–8,0 м), найденная вблизи берега керамика часто окатана водой. Поскольку таких пригодных для освоения участков на островах немного, древнее население вынуждено было селиться там на протяжении долгого времени, культурный слой насыщен находками разных археологических эпох. Состав нахо-

* Мельников И. В. — Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кизи», г. Петрозаводск, Россия (melnikov@kizhi.karelia.ru).

© Мельников И. В., 2025

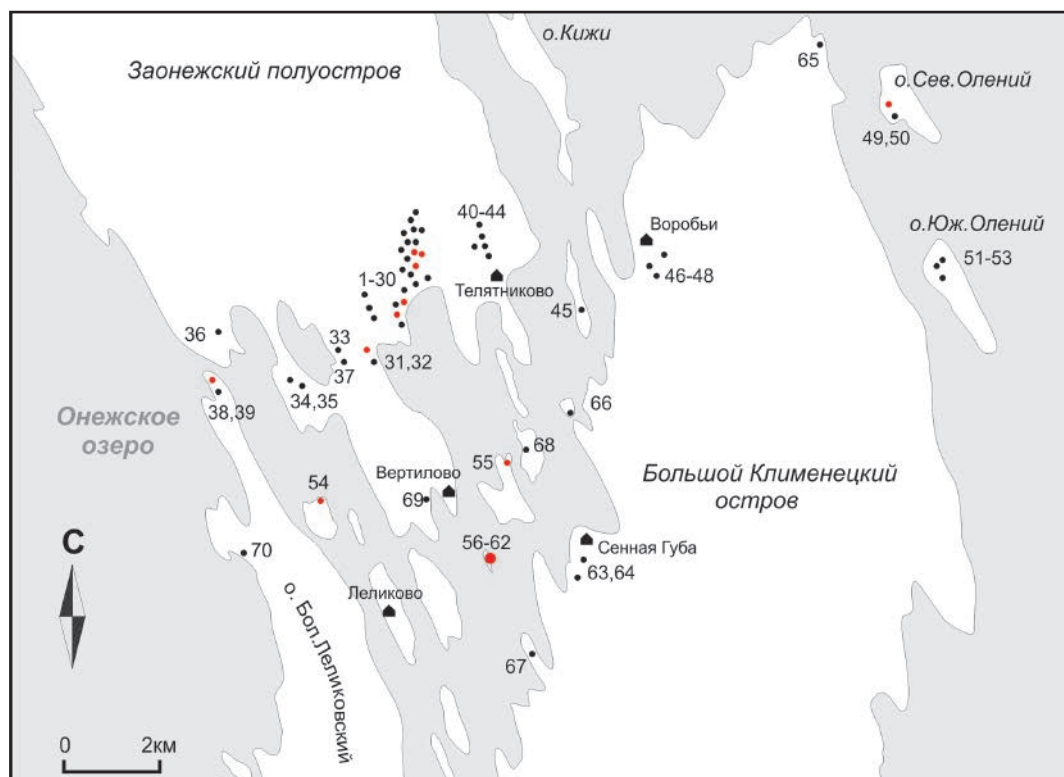

Рис. 1. Памятники археологии каменного века — эпохи раннего металла на территории Южного Занежья (красным цветом обозначены поселения позднего неолита — раннего энеолита): 1–30 — Вожмариха 1–30; 31–37 — Вертилово 1–7; 38, 39 — Леликово 1, 2; 40–44 — Жарниково (ручей) 1–5; 45 — Керкостров 3; 46–48 — Воробьи 2–4; 49, 50 — Северный Олений 1, 2; 51 — Оленеостровский могильник; 52, 53 — Южный Олений остров 1, 2; 54 — Калгов 1; 55 — Букольников 1; 56–62 — Радколье 1–7; 63, 64 — Сенная Губа 1–2; 65 — Ярнаволо 1; 66 — Грыз 1; 67 — Гарницы 1; 68 — Карельский 1; 69 — Вертилово 8, 70 — Леликово 3

док свидетельствует о промыслово-хозяйственной деятельности, чаще, чем на материковых стоянках, встречаются предметы, связанные с охотой и рыбной ловлей. При этом не обнаружено следов каких-либо сооружений и кострищ с мощным зольно-углистым слоем. Все это позволяет предполагать сезонный характер бытования этих стоянок, которые населялись в течение ограниченного времени, видимо, для ведения промысла, но при этом регулярно, на протяжении от раннего неолита (керамика сперрингс) до позднего энеолита (асбестовая керамика). Типичными памятниками являются поселения на островах Радколье, Букольников, Грыз, Колгостров, Карельский и др.

Таким образом, на территории Южного Занежья достаточно ясно прослеживаются два вида древних поселений позднего неолита — раннего энеолита: долговременные круглогодичные (на материке, на древнем берегу залива Вожмариха) и кратковременного заселения (на окрестных островах). Следует также отметить, что в районе Южного Занежья в позднем неолите у населения существовала традиция устраивать на островах погребения. Об этом свидетельствуют материалы исследования поздненеолитического могильника на острове Букольников [Мельников 2022].

- Демидов и др. 2001 — Демидов И. Н., Лаврова Н. Б., Колканен А. М., Мельников И. В., Герман К. Э. Палеоэкологические условия в голоцене и освоение древним человеком побережья залива Вожмариха на юге Заонежского полуострова // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 221–240.
- Мельников — Мельников И. В. О могильнике с янтарными и сланцевыми украшениями на острове Букольников // Престижная экономика первобытных людей. Петрозаводск, 2022. С. 26–40.
- Мельников, Герман 2013 — Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения Южного Заонежья (мезолит — энеолит). Петрозаводск, 2013. 407 с.

Археологические признаки неолитизации на Тихоокеанском побережье Южной Америки: эквадорский сценарий

А. В. Табаров*

Исследования памятников финального плейстоцена — раннего голоцена на Тихоокеанском побережье Южной Америки, проводящиеся в последние десятилетия, сопровождаются обнаружением новых объектов, получением интересных археологических материалов и детализацией датировок, что, в свою очередь, ведет к пересмотру терминологии и периодизации ключевых событий культурогенеза, к которым относятся процесс неолитизации и его локальные особенности (сценарии).

Один из таких сценариев прослеживается на эквадорском побережье — именно здесь еще в конце 1950-х гг. были обнаружены неожиданно ранние следы гончарства, поиски истоков которого стали предметом дискуссии «Дзёмон — Вальдивия». Последующие работы на побережье в 1970–1990-х гг. привели к обнаружению памятников предшествующего, докерамического, этапа и оформлению в научной литературе предварительной модели периодизации: *архаический период* (докерамическая культура лас-вегас, 10 800–6600 л. н.) и *раннеформативный период* (раннекерамическая культура вальдивия, 5500–3500 л. н.) с не вполне понятным хронологическим пробелом почти в тысячу лет («пост-лас-вегас»).

Введение в научный оборот новых материалов и датировок позволяет пересмотреть предшествующую модель и привести ее в соответствие с современными подходами к изучению процессов неолитизации в глобальном масштабе. Именно поэтому в научной литературе на испанском и английском языках по отношению к культуре вальдивия сегодня все более активно стали использоваться термины *Cultura Neolítica* / *Neolithic culture*.

Существенную роль в переосмыслении новых данных играют результаты работ первой российской экспедиции в Южной Америке (2014–2018 гг.) — раскопки памятников Лома-Атауальпа (культура лас-вегас) и Реаль-Альто (культура вальдивия). При этом речь идет не о попытке переименования периодов или об автоматическом наложении хронологии евразийского неолита на южноамериканские реалии, а о фиксации важных изменений.

Согласно нашим наблюдениям, археологические материалы свидетельствуют о целом ряде признаков неолитизации в рамках культуры лас-вегас, начиная с 9000–8000 л. н. К ним относятся: 1) принимающие все более системный характер опыты с доместикацией растений, что подтверждается находками фитолитов (*Cucurbita*, *Zea mays*); 2) создание групповых некрополей, локализующихся на холмах и являющихся элементами культурного ландшафта (с наиболее ранней датой по костям человека около 8300 л. н.); 3) появление в погребальном инвентаре миниатюрных шлифованных изделий (кельтов), комплексов из морских галек, а также ритуальная замена части скелетов каменными и ракушечными элементами; 4) микролитизация

* Табаров А. В. — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Россия (olmecs@yandex.ru).

© Табаров А. В., 2025

части каменного инвентаря; 5) переход к полуоседлости, следы легких жилищных конструкций.

На рубеже 6000–5000 л. н. у носителей культуры лас-вегас возникает, судя по AMS-определениям и технологическим особенностям, местная керамическая традиция «Сан-Педро», а не позднее 5000–4500 л. н. на побережье в результате миграции (из континентальной части современного Эквадора) фиксируется появление культуры вальдивия (земледелие, оседлость, развитое гончарство). Характер взаимоотношения культур пока неясен, сосуществование двух керамических традиций было кратковременным, вальдивийские горизонты перекрывают следы лас-вегас.

Таким образом, «эквадорская модель» неолитизации предполагает постепенное нарастание изменений в прибрежной экономике, технологиях и ритуалах (местный «докерамический неолит») с последующим мощным миграционным импульсом в формате «неолитического пакета». При этом гончарство является не основным и наиболее важным, а лишь одним из нескольких маркеров технологических инноваций в процессе неолитизации.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 24-28-00003 «История тихоокеанской археологии».

Археологические признаки неолитизации на Тихоокеанском побережье Южной Америки: сценарий Южноперуанского района

Г. А. Елошкин*

Активные археологические исследования, проводимые в последние десятилетия, уточнение датировок и широкое применение естественно-научных методов делают актуальным пересмотр ряда проблем, в том числе локальных вариантов процесса неолитизации. Для перуанского побережья отдельные сюжеты отечественными специалистами уже затрагивались (например, в работах В. А. Башилова), однако Южное побережье в этом отношении еще слабо представлено в специализированной литературе, как зарубежной, так и российской.

Южное побережье нередко характеризуется эпитетами «маргинальный» и «экстремальный» из-за аридности климата и минимальной ресурсной базы. В этих условиях сценарий развития обществ докерамического периода, отличный от синхронного по времени для более северных районов, представляет интерес в качестве примера эффективной адаптации в аридной климатической среде.

При невозможности четко обозначить маркеры неолитизации для рассматриваемого района можно выделить несколько свидетельств, связанных с социально-экономическими и технологическими изменениями в поздний докерамический период (5500–3500 л. н.). Материалы раскопок прибрежных памятников Ла-Йерба 2–3 (La Yerba 2–3) на хронологическом отрезке 7100–5900 л. н. подтверждают процесс перехода к полуседлому и далее оседлому образу жизни, который сопровождался экспериментами по культивации и выращиванию нескольких видов растений: тыквы (*Curcubita* sp.), лимской фасоли (*Phaseolus lunatus*), бразильских бобов (*Canavaliae ensiformis*) и гуавы (*Psidium guajava*). Дальнейший сдвиг в сторону земледелия и оседлости является следствием накопления технологических и социальных преобразований. Новый образ жизни требовал иной модели природопользования и переселения вглубь речных долин для ведения сельского хозяйства (памятник Перниль-Альто, 5900–4800 л. н.). В качестве одной из предпосылок этого процесса отмечается также роль аридизации и сокращение ресурсов прибрежной экосистемы ломас.

Одним из значимых процессов, определяющих локальную модель неолитизации, является domestикация хлопка (*Gossypium barbadense*). Хлопок начал выращиваться 6300–6100 л. н. на эквадорском и североперуанском побережье, но потребовалось несколько тысячелетий для его более широкого распространения. На Южном побережье Перу наиболее ранние признаки применения хлопка для создания рыболовных сетей наблюдаются на памятнике Отума-2 (*Otuma-2*, 4400–3900 л. н.). Помимо явного совершенствования технологии прядения и плетения, выращивание хлопка способствовало социальным изменениям, приводя не только к производственной специализации, но и росту населения, вызванному использованием мелкочешуистых сетей, позволивших увеличить вылов рыбы (анчоусов и сардин). Ряд специалистов даже применили термин «хлопковая революция» (по Д. Бересфорд-Джонсу),

* Елошкин Г. А. — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Россия (g.eloshkin@g.nsu.ru).

© Елошкин Г. А., 2025

подразумевая под ним явление, при котором волокна ваточника (*Asclepias sp.*) и иных растений были заменены хлопком для производства сетей после 5000 л. н. При этом авторы утверждают, что это имело значительные социально-экономические последствия.

Немногочисленные археологические материалы позднего докерамического периода Южного побережья отражают медленное накопление социально-экономических и технологических изменений в местных обществах. Можно даже говорить о «догоняющем» характере их развития, что выразилось в более позднем появлении гончарных традиций (керамические стили Диско-Берде и Пуэрто-Нуэво, XII–VIII вв. до н. э.) и монументального строительства (культура паракас, IX–II вв. до н. э.). В то же время стоит отметить, что наблюдаемые материалы отражают совершенствование стратегий адаптации и крайнюю гибкость населения к условиям пустыни.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 24-28-00003 «История тихоокеанской археологии».

Ш. Жгела*

Адриатическое море — ответвление Средиземного моря, отделяющее Апеннинский полуостров от Юго-Восточной Европы и Динарских гор. Адриатика — самый северный рукав Средиземноморья, который соединяется с ним через пролив Отранто (между Адриатическим и Ионическим морями). Странами на берегу Адриатического моря являются Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Черногория, Албания и Италия. В Адриатике более 1300 островов, большинство из них расположены на восточной стороне, то есть вдоль хорватского побережья. Оно разделено на две котловины: северную, более мелкую, и южную, более глубокую, с максимальной глубиной 1233 м.

Неолит, несомненно, является наиболее изученным периодом доисторической эпохи в Восточной Адриатике. Особенность его генезиса и процессов неолитизации состоит в сочетании местной мезолитической традиции, адаптированной к природным особенностям местности, ее ресурсам, экономическому потенциалу и общим условиям жизни, а также внешнего импульса — обмена и миграций («неолитического пакета»). Многочисленные памятники эпохи неолита ясно показывают общее значение этой территории в более широком контексте Средиземноморья. На Восточном побережье Адриатики известны оба типа памятников: пещерные и открытого типа. Способ и направление распространения «неолитического пакета» из районов Ближнего Востока по территории Турции проявляются на территории Греции около 6400–6000 гг. до н. э., где, скорее всего непрерывно, он продолжал распространяться по долинам рек Струма, Вардар и Морава к северу, тогда как немногим ранее 6000 г. до н. э. он распространялся по прибрежной дороге к Восточному побережью Адриатики.

Представителем раннего неолита Восточного побережья Адриатики является культура импрессо, которая имеет три этапа развития: I — Црвена Стиена, II — Смильчич, II — I Гудня. Эгейское и ионическое влияние на Корфу в Албании прослеживается для Восточного побережья Адриатики до Капут-Адриатики и продолжается примерно в течение 500 лет (6200–5750 гг. до н. э.).

Данильская культура, датируемая концом VI — началом V тысячелетия (4500–3900 гг. до н. э.) в Адриатике, свое название получила от места первой находки — села Данило недалеко от Шибеника. Распространена от реки Соча до центральной Албании. Помимо керамики (стилизованных фигур и сосудов с геометрическим декором) и других предметов (инструментов, украшений, оружия) в данильской культуре представлена развитая система домостроения (погребенные круглые хижины, надземные круглые дома из сухого камня и др.).

Хварская культура (3900–3300 гг. до н. э.) появляется на восточном побережье Адриатики в позднем неолите и частично наследует традиции данильской. Первоначально она была прослежена на Хваре — пещера Грапчева (*Grapčeva spilja*) (изображение корабля с парусом), но встречается и по всему побережью, известны пещерные стоянки и поселения. Последующее развитие хварской культуры (классической)

* Жгела Ш. — Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия (simezgela2@gmail.com).

© Жгела Ш., 2025

происходит в южной части Далмации — Корчула, Хвар, Пелешац. Среди форм сосудов выделяются невысокие, широкие, округлые чаши и яйцевидные горшки с конической горловиной.

Сам процесс распространения неолитизации как социального явления происходил постепенно и зависел от комплекса природных и климатических условий. На отдельных территориях неолит Восточной Адриатики демонстрирует все стадийные признаки: 1) фиксируется рост данных по одомашненным животным — овикаприды (*Ovis/Capra*); 2) три основных злака — ячмень (*Hordeum vulgare*), однозерновое пшеница (*Triticum monoccum*), двузерновое пшеница (*Triticum dicoccum*); 3) представлен широкий спектр фаунистических материалов; 4) развитое гончарство; 5) известны оба типа поселений: пещерные и открытого типа; 6) прослеживаются характерный погребальный обряд и инвентарь.

Таким образом, имеющийся на сегодняшний день археологический материал свидетельствует как о своеобразии местного неолита в Восточной Адриатике, так и об активных контактах населения этого района с соседними территориями. Определение степени интенсивности этих контактов, а также специфика использования в этих процессах водного транспорта представляются одними из перспективных задач дальнейшего поиска.

«Неолит» Тихоокеанского побережья Центральных Анд: периодизация и признаки

В. А. Соколовский*

Как однажды отметил Ю. Е. Берёзкин, «если говорить о Древнем Перу, то там с неолитом все в порядке в том смысле, что его нет» [Берёзкин 2014], имея в виду период как понятие. С этим утверждением нельзя не согласиться. Действительно, археологическая периодизация Нового Света пестрит названиями и терминами. С неолитом в андской археологии сопоставимы поздний докерамический (3200/3000–1800 гг. до н. э.) и начальный (1800–800 гг. до н. э.) периоды согласно периодизации Дж. Роу и Д. Мензел с дополнениями Дж. Квилтера. Аналогичны им поздний/верхний архаический и формативный периоды. Эти общеамериканские термины для Перу ввел Л. Г. Лумбрерас.

Критериальность неолита парадоксальна относительно его соседей по системе «трех–шести веков» — в отличие от предыдущих палеолита и мезолита и последующего бронзового века неолит фиксируется по различным маркерам (как правило, это керамика, производящее хозяйство, шлифованные каменные орудия), каждый из которых разные археологи понимают как примат или базис.

В археологии Центральных Анд такой трихотомии нет. Существует ряд критериев, признаков, позволяющих отнести тот или иной памятник к позднему докерамическому либо же начальному периоду. Если говорить про последний, то основным его признаком является появление керамики. С поздним докерамическим периодом несколько сложнее. Ранее, в среднем докерамическом периоде, уже происходили первые попытки domestikации растений (маиса, хлопчатника, тыквы-горлянки и др.), но даже ко времени 3200/3000–1800 гг. до н. э. рыболовство все равно оставалось ключевым источником белка у населения Тихоокеанского побережья. Это позволило В. А. Башилову говорить об атипичном характере «неолитической революции» на Перуанском побережье [Башилов 1999], представляющей модель развития производящей экономики на основе присваивающей без изменения типа хозяйства, т. е. активного рыболовного промысла. Современные данные по позднему докерамическому периоду свидетельствуют о равнозначности обеих палеоэкономических стратегий.

Одним из основных признаков позднего докерамического периода считается появление монументальной общественно-культовой архитектуры. Самые ранние объекты с такой архитектурой появляются около 5500 л. н. (Лос-Мортерос). Квинт-эссенцией монументального строительства в позднем докерамическом периоде выступают памятники Норте-Чико (Караль, Асперо, Уариканга, Серро-Лампай и др.), сконцентрировавшиеся в долинах четырех небольших рек. Сооружения, по размерам иногда соизмеримые с возведенными в Уруке, строились из валунов, отломов, щебня и гальки местного происхождения. Камень скреплялся глиняным раствором, а стены заполнялись так называемыми мешочками-шикра. Таким образом, монументальная архитектура — яркий признак позднего докерамического периода, особенно на фоне весьма скудной материальной культуры, в частности мелкомасштабной и

* Соколовский В. А. — Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия (v.sokolovskii@ngsu.ru).

© Соколовский В. А., 2025

нестандартизированной каменной индустрии и сосудов-калебасов (из тыквы-горлянки).

В ситуации Центральных Анд есть параллели с «классическим» неолитом и его признаками (производящее хозяйство, керамика). Монументальная архитектура позднего докерамического периода вполне сопоставима с переднеазиатскими ритуально-культовыми комплексами PPNA/PPNB. Такие сравнения ведутся со времен Дж. Стюарда и уже нашли отражения в отечественной историографии.

Башилов 1999 — Башилов В. А. «Неолитическая революция» в Центральных Андах: две модели палеоэкономического процесса. М., 1999. 206 с.

Берёзкин 2014 — Берёзкин Ю. Е. Неолит, Анды и Передняя Азия // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 65–72.

Часть IV

Этнологические и социально-экономические реконструкции и пространственный анализ археологических данных

Опыт применения геостатистического анализа при исследовании ресурсных зон древних и средневековых поселений в Кисловодской котловине

Д. С. Коробов*

Исследования ресурсных зон поселений разных эпох и культур (off-site archaeology) становятся достаточно широко применяемой практикой в зарубежной (преимущественно британской и нидерландской) археологии начиная с 1980-х гг. Работами Т. Уилкинсона, Т. Уильямсона, Дж. Бинтлиффа и др. выработаны методы оценки использования ресурсных зон вокруг поселений, которые базируются на разработках палеоэкологической школы Э. Хигтза, восходящей к концу 1960-х гг. (Site Catchment Analysis). Согласно данной теории, земледельческое население использовало окружающие ресурсы вокруг рядовых сельских поселений на удалении не более 5 км (расстояние, преодолеваемое пешком за 1 час по непересеченной местности). При этом зона земледельческого использования, как правило, лежит на удалении не более 1 км от поселения.

Проверка данных теоретических положений осуществлялась зарубежными коллегам в основном методом систематического сбора подъемного материала и определением содержания фосфатов в почвах вокруг поселений. Широко используемые в зарубежной археологии подходы и методы изучения ресурсных зон были адаптированы и развиты в ходе многолетнего исследования следов земледелия в Кисловодской котловине методами археологического почвоведения, итогом которых стал ряд статей и монографий. Коллективом почвоведов из Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (г. Пущино) под руководством канд. биол. наук А. В. Борисова был разработан ряд уникальных индикаторов (урезная активность почв, количество термофильных микроорганизмов), позволяющих выявить присутствие органических удобрений в почве пахотных горизонтов, описание которых также было опубликовано. Полученные результаты легли в основу авторской модели ресурсных зон вокруг раннесредневековых поселений Кисловодской котловины, моделирование которых осуществлялось с помощью пространственного ГИС-анализа.

Настоящий доклад посвящен продолжению этих исследований, выполненному на более детальном уровне. Новые результаты по моделированию активных зон древнего и средневекового земледелия были получены в ходе систематического обследования окрестностей укрепления Подкумское 3, относящегося к эпохе раннего Средневековья. Всего в окрестностях укрепления было заложено 99 почвенных разрезов по координатной сети с шагом в 50, 100, 200 и 400 м. Почвенные разрезы размерами 1 × 1 м выкапывались пластами по 10 см с отбором археологического материала из каждого пласта. Кроме фиксации археологических находок из каждого пласта отбиралась серия почвенных проб для определения содержания фосфатов, магнитной восприимчивости, активности фермента уреазы, обилия кератинолитических грибов и численности термофильных бактерий.

Далее перед коллективом встала задача картографирования этой обширной информации, для чего использовались возможности геостатистического анализа,

* Коробов Д. С. — Институт археологии РАН, Москва, Россия (dkorobov@mail.ru).

© Коробов Д. С., 2025

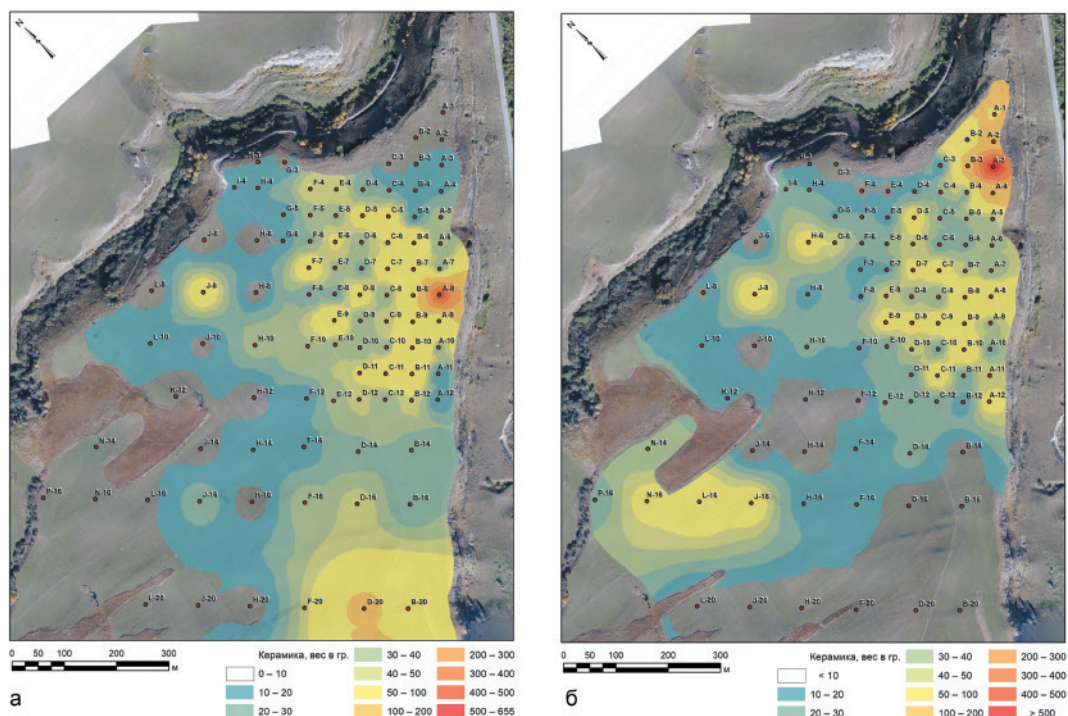

Рис. 1. Геоestatистическое моделирование распределения веса керамики кобанской (а) и аланской (б) культур в окрестностях укрепления Подкумское 3

которые предоставляются современными ГИС. Было проведено сравнение основных методов подобного анализа и их адаптация для использования при изучении ресурсных зон поселений в окрестностях Кисловодска.

Полученные в ходе сравнительного анализа модели мощности почвенного покрова в окрестностях укрепления Подкумское 3 показывают близкие результаты при использовании алгоритмов обратного взвешенного расстояния (ОВР) и радиальных базисных функций (РБФ), а также простого, дизъюнктивного и эмпирического байесовского кригинга. Учитывая сложность математической процедуры построения геоestatистических моделей интерполяции, было решено остановиться на методе обратных взвешенных расстояний как наиболее пригодном для работы с регулярной сеткой измеренных данных. Полученные карты распределения керамики разных эпох и культур (рис. 1), а также микробиологических индикаторов присутствия органических удобрений в почве ресурсной зоны окрестностей укрепления Подкумское 3 были построены с использованием данного алгоритма. Итогом работы стала констатация разных ареалов интенсивной сельскохозяйственной активности обитателей поселений кобанской и аланской археологических культур.

Техника усиленного отжима в комплексах с посольской керамикой среднего неолита в Байкальской Сибири

Г. В. Синицына*

Одной из проблем изучения стоянок с компрессионным культурным слоем является выделение хронологически одновременных комплексов. На основании сравнительно-типологического анализа инвентаря стоянок с материалами многослойных стоянок [Савельев 1989; Савельев и др. 1974; Савельев, Уланов 2018: 51] можно наметить выделение одновременных комплексов.

Памятники Нижне-Серёдкино и Падь Шелот, расположенные на правобережье Верхней Ангары, являются стоянками многоразового заселения, но при этом планиграфический анализ материалов показал совместную локализацию инвентаря из аргиллита (кремня коричневого цвета) и керамики посольского типа. Выделение комплексов, содержащих инвентарь на широких пластинах, изготовленных в технике усиленного отжима [Гиря 1997: 86, 87, рис. 28, А], и керамики посольского типа подтверждается материалами V культурного горизонта многослойного поселения Горелый Лес [Савельев и др. 1974]. Нуклеусы плоского скалывания отчетливо выделяются в материалах поселения Падь Шелот, где также представлена керамика посольского типа [Тарасов, Синицына 1978]. Для нуклеусов характерны большие размеры. Самый выразительный из них на стоянке Нижне-Серёдкино сохраняет негативы снятия пластин длиной 15 см (рис. 1, 4). Угол скалывания близок к 90° по отношению к плоскости расщепления. Тыльная поверхность нуклеусов плоского скалывания в большинстве случаев сохраняет естественную поверхность плитки, а в единичных — подработана крупными сколами, идущими к центру от длинных боковых сторон. Керамика посольского типа распространена от Среднего Енисея до Забайкалья, при этом на территории бассейна Енисея она датируется ранним неолитом. Следует отметить совместное нахождение нуклеусов плоского расщепления, с которых получали крупные пластины, и посольской керамики. Так, на многослойном поселении Казачка в VII культурном горизонте присутствует нуклеус и керамика посольского типа [Савельев 1989; Базалийский и др. 2022: рис. 162, 29, 35]. В целом возраст керамики посольского типа оценивают в Прибайкалье как 6750–6300 кал. л. н., в Южном Приангарье — 6730–6306 кал. л. н. [Бердников и др. 2020]. Главным отличительным признаком этой керамики является наличие налипного валика на венчиках сосудов (рис. 1, 1–3). Впервые она была выделена и охарактеризована как тип Л. П. Хлобыстиным [Хлобыстин 1964: 29] по материалам IX слоя стоянки Улан-Хада как «сосуды с прямыми стенками и налипным валиком, располагавшимся в 1,0–1,5 см от края». Над валиком, как правило, располагается ряд маленьких сквозных отверстий. Поверхность носит следы выбивания лопаточкой, обмотанной шнуром, или технический орнамент заглажен. Узор состоит из гребенчатых оттисков и линий, выполненных «отступающей лопаточкой». На поселении Нижне-Серёдкино посольская керамика представлена 41 фрагментом (8,8 % общего количество фрагментов) 16 сосудов (29,6 % общего количества сосудов), и можно выделить четыре ее варианта по пяти

* Синицына Г. В. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия (gv-sinitsyna@yandex.ru).

© Синицына Г. В., 2025

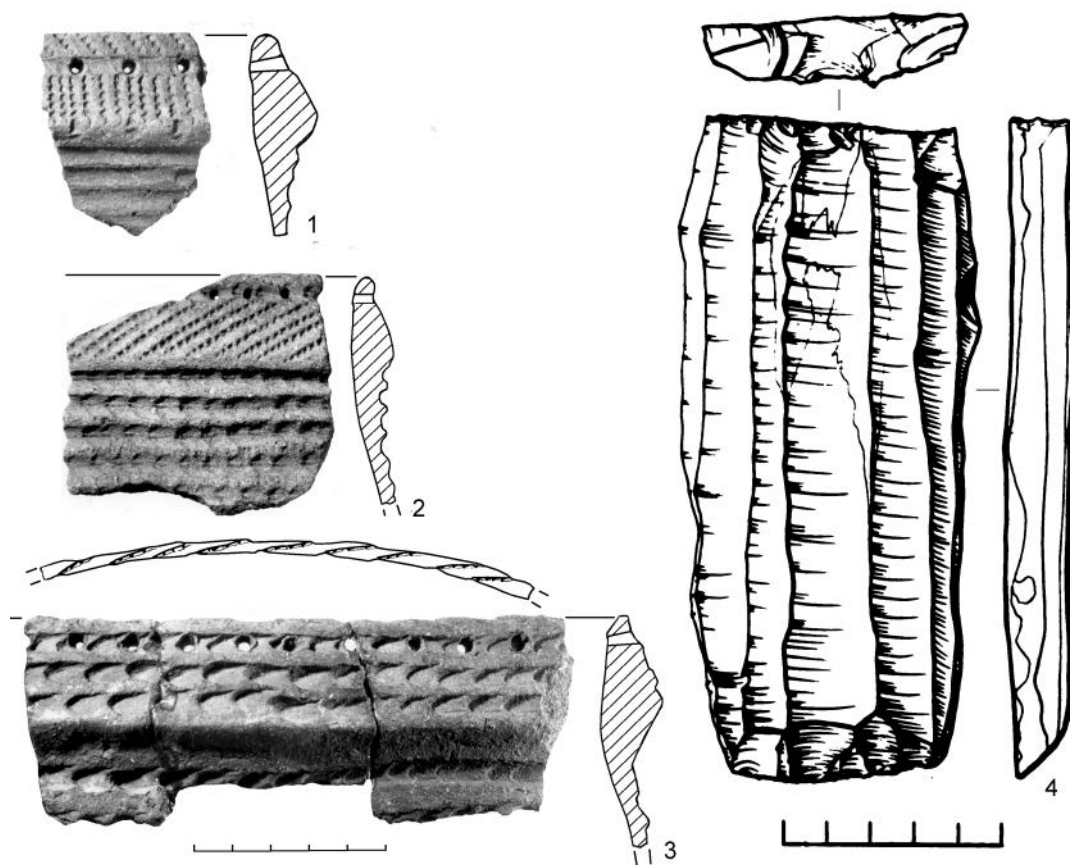

Рис. 1. Нижне-Серёдкино. Инвентарь среднего неолита

основным признакам: 1) форме сосудов и его размерам; 2) местоположению и форме налепного валика; 3) форме среза венчика сосуда; 4) орнаментации; 5) наличию сквозных дырочек. Более детально типология данного типа керамики разработана Н. А. Савельевым и И. В. Улановым [Савельев, Уланов 2018; 2020] по материалам многослойных поселений Горелый Лес и Усть-Хайта.

В целом регион Байкальской Сибири характеризуется полнотой источников, комплексный анализ которых позволяет выйти на более детальный уровень исследования древней истории, а материалы с компрессионными культурными слоями могут предоставить дополнительные сведения для рассмотрения вопросов демографии.

Базалийский и др. 2022 — Базалийский В. И., Бобров В. В., Савельев Н. А. Байкальская Сибирь // История Сибири. Т. 1: Каменный и бронзовый век. Новосибирск, 2022. С. 275–285.

Бердников и др. 2020 — Бердников И. М., Горюнова О. И., Новиков А. Г., Бердникова Н. Е., Уланов И. В., Соколова Н. Б., Абрашина М. Е., Крутикова К. А., Роговской Е. О., Лохов Д. Н., Когай С. А. Хронология неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири: основные идеи и новые данные // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2020. Т. 33. С. 23–53. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.33.23>

- Гиря 1997 — *Гиря Е. Ю.* Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб., 1997 (Археологические изыскания. Вып. 44). 198 с.
- Савельев 1989 — *Савельев Н. А.* Неолит юга Средней Сибири: история основных идей и современное состояние проблемы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с.
- Савельев, Уланов 2018 — *Савельев Н. А., Уланов И. В.* Керамика эпохи неолита мультислойчатого местонахождения Горелый Лес (Южное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2018. Т. 26. С. 46–85. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.26.46> С. 51.
- Савельев, Уланов 2020 — *Савельев Н. А., Уланов И. В.* Керамика посольского типа многослойной стоянки Усть-Хайта (Южное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2020. Т. 34. С. 38–48. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.34.38>
- Савельев и др. 1974 — *Савельев Н. А., Горюнова О. И., Генералов А. Г.* Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес (предварительное сообщение) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1974. С. 160–199.
- Тарасов, Синицына 1978 — *Тарасов Л. М., Синицына Г. В.* Неолитическое поселение Падь Шелот // Древние культуры Приангарья. Новосибирск, 1978. С. 113–130.
- Хлобыстин 1964 — *Хлобыстин Л. П.* Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам раскопов Б. Э. Петри) // КСИА. 1964. Вып. 97. С. 25–32.
- Исследование проведено в рамках государственного задания «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития» (FMZF-2025-0007).

Археологическая карта материалов каменного века Калининградской области по архивным и опубликованным данным

Е. С. Ткач, А. Д. Малярова, А. С. Тараканов*

Интерес к археологическим находкам с территории Восточной Пруссии возник еще во второй половине XIX в. Одной из первых попыток систематизации как археологических памятников, так и случайных находок всех представленных в регионе периодов является карта Е. Холлака [Hollack 1908]. Всего в ней учтено около 800 памятников, из которых в пределах современных административных границ Калининградской области к каменному веку относится 16 пунктов (включая случайные находки).

В 1930-х гг. публикуются карты по отдельным хронологическим периодам. Эти карты были основаны на данных полевых исследований, где топографическая привязка археологических памятников указывалась относительно таких географических объектов, как населенные пункты, озера и болота, в ряде случаев она сопровождалась текстовым описанием местности и/или местонахождением находки (дно осушенного пруда, окраина леса и т. п.) или фотографиями [Gaerte 1927; Engel 1935; Bohne-Fischer 1941; Gross 1938a; 1938b]. В исследованиях Бони-Фишера некоторые памятники были отмечены на листах топографической карты Meßtischblatt [Bohne-Fischer 1941], что позволяет определить место с точностью до нескольких десятков метров.

Во второй половине XX — начале XXI в. систематические исследования по поиску стоянок каменного века проводились Н. Н. Гуриной, В. И. Тимофеевым, И. Н. Сходновым, О. А. Дружининой, М. Г. Жилиным и Э. Б. Зальцманом. Наибольшее количество местонахождений выявлено В. И. Тимофеевым в 1972 г. (78 местонахождений) [Тимофеев 1972]. Составлялись глазомерные планы памятников, привязка местоположения находок осуществлялась в основном к населенным пунктам согласно административному делению Калининградской области (иногда присутствуют упоминания старых немецких поселков). Уже в XXI в. для памятников снимались инструментальные планы, фиксация местонахождений производилась посредством GPS-приемников.

Нами суммированы все упоминания материалов каменного века, присутствующие в литературе, хранящиеся в архивах и музеях Калининградской области. Данные заносились в таблицу Excel для последующей загрузки ее в систему АРХЕОГРАФ, разработанную в ИИМК РАН. Всего таблица содержит 445 записей. Учитывались как случайные находки каменных топоров, изделий из кости и рога, так и местонахождения, выявленные в 1972 г. В. И. Тимофеевым, и поставленные на охрану в последние годы стоянки. Также отдельный интерес представляли авторская хронологическая интерпретация материалов (палеолит, мезолит, неолит, их сочетания)

* Ткач Е. С. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия (jenij90@mail.ru); Малярова А. Д. — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (anjvishnev@gmail.com); Тараканов А. С. — Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Россия (tarakanovartem@yandex.ru).

© Ткач Е. С., Малярова А. Д., Тараканов А. С., 2025

и тип выявленных памятников (поселение, стоянка, погребение, местонахождение, случайная находка).

Локализация археологических материалов проводилась с использованием открытых источников, таких как генеалогические ресурсы (gov.genealogy.net) и картографические сервисы (etomesto.ru). При этом информация о расположении большинства артефактов ограничивалась лишь номером листа карты *Meßtischblatt* и описанием ближайших ориентиров. Отметим, что формулировки, использованные исследователями, не всегда позволяют установить местоположение памятников на современной местности. Например, природные условия Куршской косы (песчаные и дюнные ландшафты) оказывают сильное влияние на перемещение археологических материалов. Исследователи нередко объединяли многочисленные местонахождения в одно или несколько, указывая довольно размытые границы. Кроме того, не менее важным оказывается и антропогенный фактор. За последние 100 лет на территории Восточной Пруссии — Калининградской области происходили масштабные исторические события, оказавшие серьезное влияние на топонимику и административное деление. Не менее значительный след оставило хозяйственное освоение, в частности, торфоразработки.

Полученные результаты позволяют наметить несколько направлений для дальнейших исследований.

I. Хронология. 1. Распространение стоянок, датируемых периодами мезолита и неолита (точная хронологическая привязка отсутствует), обнаруженных во второй половине XX в., связано с максимально осторожным подходом к хронологической интерпретации выявленных артефактов исследователями. Их концентрация прослеживается по течению р. Шешупе (исследования В. И. Тимофеева и О. А. Дружининой), на Виштынецкой возвышенности (работы М. Г. Жилина), в то время как исследователи первой половины XX в. зачастую относили материалы с керамикой и кремневыми артефактами к неолиту. 2. Стоянки финального палеолита и мезолита концентрируются в восточной части региона. Большинство материалов были выявлены в первой половине XX в. К финальному палеолиту относились заготовки и изделия из рога северного оленя, к мезолиту — практически все изделия из кости.

II. Тип памятника. Термин «случайная находка» в большинстве случаев используется для каменных топоров и изделий из твердых органических материалов. Большинство «местонахождений» выявлены В. И. Тимофеевым в 1970-х гг. Такие определения, как «стоянки» и «памятники», зачастую относятся к стационарным поселениям (В. И. Тимофеев) и характерны для памятников, выявленных в последние годы (М. Г. Жилин, Э. Б. Зальцман).

III. Тип материала. Зачастую кремнь выявлен совместно с керамикой, реже присутствует совстречаемость кремня и твердых органических материалов. Последние (изделия из кости и рога) выявлены в основном в южной и восточной частях области (где выявлены материалы финального палеолита и мезолита).

В целом можно отметить, что территория Калининградской области весьма насыщена археологическими памятниками различных периодов каменного века. Обращает на себя внимание малое количество артефактов в Славском городском округе (побережье Балтийского моря, граничащее с Литвой), а также в юго-западной части области, на границе с Польшей (Мамоновский городской округ, Багратионовский и Правдинский районы), что связано с отсутствием здесь планомерных археологических разведок.

- Тимофеев 1974 — *Тимофеев В. И.* Отчет о работе Калининградского неолитического отряда ЛОИА АН СССР за 1974 год // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 192. 29 л.
- Bohne-Fischer 1941 — *Bohne-Fischer H.* Ostpreußens Lebensraum in der Steinzeit. Eine vorgeschichtliche Landeskunde // Schriften der Albertus-Universität. Naturwissenschaftliche Reihe. Band 2. Königsberg; Berlin, 1941. 156 S.
- Engel 1935 — *Engel C.* Vorgeschichte der altpreussischen Stämme. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1935. 346 S.
- Gaerte 1927 — *Gaerte W.* Die Steinzeitliche Keramik Ostpreussens. Königsberg, 1927. 99 S.
- Gross 1938a — *Gross H.* Auf den ältesten Spuren des Menschen in Altpreußen // Prussia. 1938. H. 32. P. 81–140.
- Gross 1938b — *Gross H.* Die ältesten Steinzeitfunde Altpreussens // Prussia. 1938. H. 3. P. 83–85.
- Hollack 1908 — *Hollack E.* Erläuterungen zur vorgeschichtlichen. Übersichtskarte von Ostpreußen. Glogau; Berlin, 1908. 234 S.
- Исследование проведено в рамках гранта РФФ 23-78-01172 «На границе двух миров: культурные традиции Центральной и Восточной Европы в позднем каменном веке Калининградской области».

Создание базы данных для реконструкции структуры древних поселений на многослойных памятниках Онежско-Сухонского региона с использованием ГИС-технологий

Е. А. Иванищева, М. В. Иванищева*

В наиболее общем виде ГИС — географические информационные системы — можно определить как системы сбора, хранения, анализа и графической визуализации пространственных данных и связанной с ними информации о материальных объектах. Одним из достоинств ГИС является возможность визуализации пространственной информации в виде отдельных тематических слоев, на основе которых могут быть созданы карты разных типов.

В 2014–2016 гг. в рамках научного проекта РФФИ «Междисциплинарные исследования многослойных стратифицированных памятников в Онежско-Сухонском регионе» нами была создана единая электронная база данных археологических объектов опорных памятников этого района: многослойных стратифицированных поселений Тудозеро-V (мезолит — Средневековье) в Южном Прионежье и Берёзовая Слободка II–III на Нижней Сухоне (финальный палеолит — ранний железный век).

Цель работы — создание тематических слоев, содержащих археологические объекты культурных отложений разных эпох. Исследование памятников разновременными вскрытиями и особенности их стратиграфии обусловили актуальность систематизации данных и визуализации планиграфии объектов археологических слоев. Поселение Тудозеро-V исследовано А. М. Иванищевым 14 раскопами на площади 1270 кв. м в 1988–1994, 1998, 2000, 2003–2005 гг. Поселение Берёзовая Слободка II–III исследовалось М. В. Иванищевой девятью раскопами в 1995–2005, 2014 гг. на площади 515 кв. м. Исходными материалами послужили отчеты исследователей.

Работы проводились в несколько этапов. Произведено сканирование полевых планов, их привязка к локальной системе координат. Далее средствами программного обеспечения QGIS в масштабе 1 : 20 была проведена векторизация археологических объектов, выявленных в ходе раскопок памятников.

В соответствии с культурными слоями и отложениями, содержащими археологические объекты, для каждого памятника созданы векторные слои, отражающие пространственное распределение археологических объектов в пределах определенной эпохи. Для поселения Тудозеро-V созданы семь слоев: мезолит, два слоя раннего неолита, энеолит, эпоха бронзы, ранний железный век и Средневековье. Для поселения Берёзовая Слободка создано шесть слоев: финальный палеолит — ранний мезолит, поздний мезолит, ранний неолит, энеолит, эпоха бронзы, ранний железный век.

Каждый слой содержит разные виды археологических объектов. Мы картографировали и вносили атрибутивную информацию по 20 видам археологических объектов: постройка, очаг, зольник, кострище, погребальная яма, столбовая яма, хозяйственная яма и прочие. Для каждого археологического объекта в атрибутивные таблицы внесены следующие характеристики: слой, положение в сетке квадра-

* Иванищева Е. А. — Вологодский государственный университет (lizaivanischeva@rambler.ru); Иванищева М. В. — Восточно-Прионежская археологическая экспедиция, г. Вологда, Россия (marin-ivanishhev@yandex.ru).

© Иванищева Е. А., Иванищева М. В., 2025

тов раскопов, тип объекта, ориентация, размеры, глубина от репера, заполнение, для датированных объектов — радиоуглеродная дата с калибровкой. Общее число археологических объектов по всем слоям Тудозеро-V в совокупности составило 1077, по слоям поселения Берёзовая Слободка — 1341.

Результатом работы стала визуализация полевых материалов. Созданы карты распространения объектов в слоях различных эпох и типолого-статистические таблицы, отражающие характер освоения участка в различные периоды пребывания населения на памятнике.

Анализ полученных карт позволяет выявить зоны хозяйственного освоения и ритуальные зоны, уточнить хронологию объектов на основе приуроченности к литологическим слоям, выявить особенности характера поселений различных периодов на основе статистических данных, проследить приуроченность объектов к элементам древнего рельефа и в целом реконструировать этапы освоения территории памятников различными группами древнего населения.

Поселения расположены в различных ландшафтных условиях (поселение Тудозеро-V — на дюнном берегу Онежского озера; поселение Берёзовая Слободка II–III — на надпойменной террасе нижнего течения р. Сухоны); в различных региональных и глобальных бассейнах (Онежского озера — Атлантического океана и Сухонского — Северного Ледовитого океана соответственно), что открывает возможность сравнительного анализа культурно-исторических процессов на региональном и глобальном уровнях.

Ранний неолит Ленинградской области: границы, ареалы, контакты

М. А. Холкина, Ю. Д. Радаева*

Ранний неолит в регионе вокруг Финского залива традиционно определяется временем от появления глиняной посуды до распространения типичной ямочно-ребенчатой керамики (около 5300–4000 лет до н. э.). Территория современной Ленинградской области в раннем неолите являлась контактной зоной для ряда археологических культур: нарвской, сперрингс, ранней асбестовой и ямочно-ребенчатой керамики. Согласно существующей радиоуглеродной хронологии, более поздний этап раннего неолита в регионе (ок. 4500–4000 гг. до н. э.) характеризуется рядом культурных изменений. Стиль сперрингс 1 с орнаментацией преимущественно оттисками рыбьих позвонков и прочерченными линиями сменяется стилем сперрингс 2 с ребенчатой орнаментацией и четкой зональностью мотивов.

Важным культурным фактором становится проникновение в среду носителей культуры сперрингс традиции использования примеси асбеста (типы сперрингс 2 с асбестом и кауниссаари). На территории Карелии и Олонецкого перешейка распространяется ямочно-ребенчатая керамика. Ранняя асбестовая керамика в среду носителей ямочно-ребенчатой традиции практически не проникает; мы можем фиксировать только отдельные сосуды на памятниках вдоль границы культур. Помимо появления керамики сперрингс 2 с асбестом, распространяется и аналогичная посуда с органической примесью (раковины, перо). В этой «смешанной» традиции ребенчатую зональную орнаментацию и примесь мелкодробленого гранита можно считать местным субстратом, присущим культуре сперрингс. Примесь асбеста свидетельствует о контактах с регионом оз. Сайма. С примесью органики сложнее; возможно, одним из источников влияния могла бы быть нарвская культурная традиция.

Ревизия археологических коллекций, архивных материалов и публикаций показала, что ареал нарвской культуры включает в себя не только Юго-Запад Ленинградской области, но и Южное Приладожье и Карельский перешеек. На памятниках здесь есть как отдельные фрагменты, подходящие под описание нарвской керамики, так и «гибридные» формы. В пользу сходства с нарвской керамикой помимо органической примеси говорит тонкостенность, прямой венчик, поверхностная или отсутствующая орнаментация, конические сверлины — следы починки. Есть и отдельные свидетельства обратного влияния, например, орнамент прочерченным зигзагом на нарвской керамике стоянки Куземкино 6.

Представляет интерес орнаментация сосудов рядами плотных оттисков ребенки в сочетании с прочерченной зигзагообразной или волнистой линией, зафиксированная на Карельском перешейке, Юго-Западе Финляндии и в Северном Приладожье на сосудах как с органикой, так и с дресвой и асбестом (рис. 1). Представляется, что наличие такого сложного мотива, воспроизводимого на сосудах типа сперрингс

* Холкина М. А. — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (tyttokulta@yandex.ru); Радаева Ю. Д. — Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Россия (yulianna.radaeva@yandex.ru).

© Холкина М. А., Радаева Ю. Д., 2025

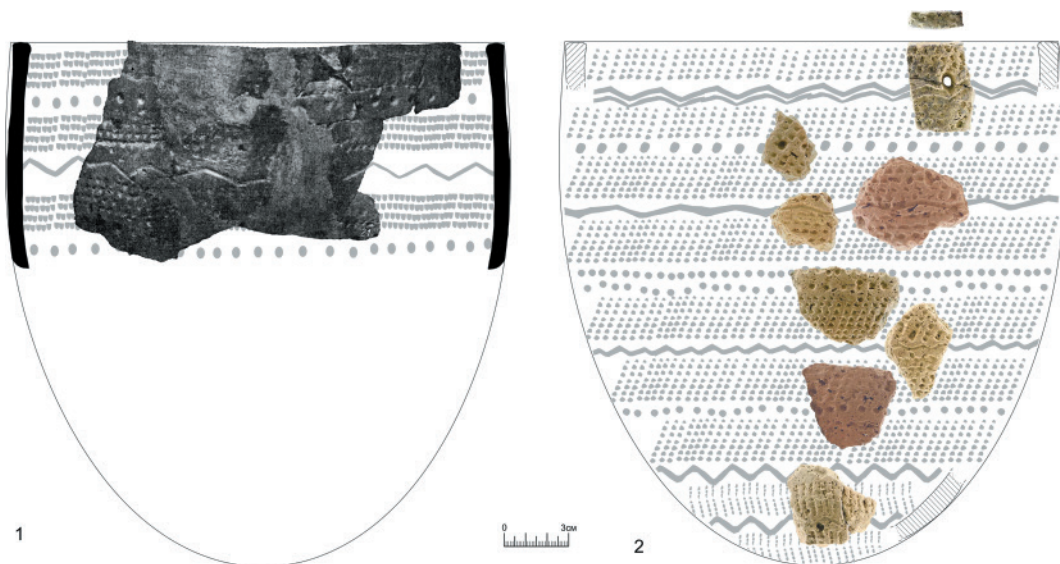

Рис. 1. Сосуды типа сперрингс 2 с примесью органики
со стоянок Глиняный Ручей (1) и Синтола (2)

с разными видами примеси, может свидетельствовать о существовании здесь обособленной группы населения с общей керамической традицией.

В восточной части региона опорным комплексом могут служить материалы стоянки Усть-Рыбежна 1. На этом памятнике представлен яркий комплекс ямочно-гребенчатой керамики, есть сосуды, обладающие характеристиками типов сперрингс 1 и 2, сярыйсьниemi 1, или «керамики северных типов», нарвской керамики, и сосуды, которые сложно однозначно отнести к тому или иному типу ввиду того, что в их орнаментации прослеживаются элементы разных традиций.

Можно предварительно заключить, что на позднем этапе раннего неолита (4500–4000 гг. до н. э.) происходит интенсификация контактов, а культурные границы становятся проницаемыми и не столь четкими; возникает множество гибридных элементов в керамике. В качестве центров контактов в регионе можно отметить Юго-Восток Приладожья (Усть Рыбежна 1, Березье) и центр Карельского перешейка (Синтола, Хяурюньяки, Селянкангас).

Керамика «каргопольского типа» на многослойных памятниках Водлозера (опыт планиграфического и стратиграфического анализов)

К. Э. Герман*

Памятники с керамикой «каргопольского типа» распространены на обширной территории от восточного побережья Онежского озера на западе до р. Печоры на востоке. Такие сосуды имеют прямой плоскосрезанный венчик, орнаментированный короткими насечками по внешнему и внутреннему краям, и поясок сквозных ямок или наколов ниже среза, что отличает их от других типов керамики. Уникальность керамики «каргопольского типа» заключается в том, что она не образует самостоятельных комплексов и встречается на памятниках разной культурной принадлежности, но только вместе с комплексами ямочно-гребенчатой керамики и считается подтипом данной глиняной посуды. В настоящее время имеется только одна радиоуглеродная датировка керамики «каргопольского типа» с поселения Илекса IV (Водлозеро, Карелия), которая относится к концу IV тыс. до н. э. (5310 ± 40 BP (KIA-57672)).

На территории Карелии существовал один из центров данного типа керамической посуды, который охватывал бассейн Водлозера в Пудожском районе. Здесь зафиксировано 13 поселений, в комплексах которых содержится в разных количествах керамика «каргопольского типа» [Герман, Лобанова 2021]. Большинство памятников исследованы на значительных площадях, однако только с трех из них — поселений Сомбома I и Охтома I, III — получены коллекции керамики «каргопольского типа», насчитывающие более 20 сосудов. Учитывая нерешенность вопроса взаимосвязи ямочно-гребенчатой керамики и керамики «каргопольского типа», автором принята попытка изучить планиграфию их взаиморасположения по площадям раскопов, а также изменения количественного состава по условным горизонтам.

Надо отметить, что раскопки памятников велись по старым методикам без фиксации находок с помощью нивелира или тахеометра, из-за чего оказалось невозможно получить точные границы распространения керамических материалов. Также раскопки велись условными горизонтами по 10–15 см, что затруднило наблюдения за взаиморасположением фрагментов ямочно-гребенчатой керамики и посуды «каргопольского типа». Тем не менее на основании проведенного анализа удалось сделать определенные выводы о взаиморасположении ямочно-гребенчатой керамики и посуды «каргопольского типа» на трех рассматриваемых поселениях.

Было установлено, что керамика «каргопольского типа» концентрируется в определенных частях раскопов, а в некоторых раскопах отсутствует, в то время как ямочно-гребенчатая посуда распространена по всей площади поселений. С ямочно-гребенчатой посудой связано достаточно много хозяйственных объектов, а также наземное жилище, в то время как с керамикой «каргопольского типа» не связано никаких хозяйственных объектов, что указывает на кратковременное пребывание носителей культуры, которой свойственен этот тип посуды, на берегах Водлозера. Если признать правильность предположения М. Г. Косменко, что наземное жили-

* Герман К. Э. — Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Россия (germank@onego.ru).

© Герман К. Э., 2025

ще с ямочно-гребенчатой керамикой относится к северо-восточному локальному варианту каргопольской культуры, а не карельской культуры ямочно-гребенчатой керамики, то становится понятным распространение керамики «каргопольского типа» только на территории Восточной Карелии. На контакты между носителями ямочно-гребенчатой керамики и посуды «каргопольского типа» указывает наличие «гибридных» сосудов, в которых присутствуют черты обоих типов керамики. Таким образом, ямочно-гребенчатая керамика и посуда «каргопольского типа» оставлены двумя разными группами населения.

Герман, Лобанова 2021 — *Герман К. Э., Лобанова Н. В.* Каргопольская керамика — отдельный тип глиняной посуды или разновидность ямочно-гребенчатой керамики (на примере материалов с поселений Карелии)? // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 1. С. 211–217.

Анализ технологии изготовления проколов как один из подходов к изучению волосовской региональной специфики

Е. А. Турина*

Волосовская культура (середина IV — начало III тыс. до н. э.) охватывала Волго-Окское междуречье. Отдельные памятники, изученные к северу и к югу от него, также содержат очень близкие комплексы находок. Вопрос о степени гомогенности материалов столь большого по территории конгломерата памятников очень интересен и требует выработки новых подходов. Существует ли региональная специфика в массовом материале волосовских стоянок, и если да, то какая? Каковы различия в морфологии и технологии бытовых изделий? Как это могло бы отражать связи отдельных волосовских коллективов?

В рамках этого исследования впервые был проведен экспериментально-трассологический анализ выборки костяных проколов, представляющих два соседних региона: Среднюю Оку / Озерную Мещеру (Черная Гора, Великодворье I (коллекция ГИМ), Владычинская-Береговая I (коллекция Государственного Эрмитажа) и Нижнюю Оку (Волосово) (коллекция Государственного Эрмитажа) с целью сравнить сырье и технологию производства этой категории изделий.

Всего было изучено 64 проколки с помощью оборудования для макрофото съемки и бинокулярного оптического микроскопа. Сырье, использовавшееся для производства исследуемых артефактов, удалось определить частично. Это трубчатые кости мелких и крупных млекопитающих, птиц. Два орудия из Волосово были изготовлены из плавниковых лучей рыб семейства осетровых.

Следы обработки сохранились практически на всех предметах. Исходя из того, какая заготовка использовалась для изготовления орудия, проколки были разделены на три типа: 1 — фрагмент кости с одним сохраненным эпифизом; 2 — целая кость; 3 — фрагмент диафиза кости. Заготовки для типа 1 получали, вероятно, путем поперечного разламывания маленькой кости, поскольку никаких следов удара или резания не выявлено; кроме того, согласно экспериментальным данным это наиболее простой способ создания подобных предметов. Заготовки для типа 3 получали при помощи раскалывания кости, гораздо реже — при помощи резания кремневым орудием и продольного расщепления.

Поверхность предметов демонстрирует яркие следы вторичной обработки. Наиболее часто встречаются следы шлифовки. Она прослеживается непосредственно на остриях большинства проколов. В некоторых случаях она наблюдается по всей длине орудия — с помощью нее, видимо, были сглажены острые края. Острия некоторых изделий были сформированы скоблением/строганием кремневым орудием, на одном следов обработки обнаружить не удалось. На некоторых орудиях удалось проследить тафономию следов и определить последовательность применения разных способов обработки.

Особенности обработки острий-проколов возможно соотнести с их типами. Для типа 1 оказались характерны два способа заточки: равномерная шлифовка с не-

* Турина Е. А. — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия (katyaturina1@gmail.com).

© Турина Е. А., 2025

скольких сторон, шлифовка по краям скола и с внешней стороны диафиза. У типа 2 большинство острий было равномерно заточено с нескольких сторон. То же самое наблюдается на всех предметах типа 3.

Описанная здесь типология проколов уже применялась успешно для классификации материалов поселений Озерной Мещеры. Согласно результатам проведенного исследования, наблюдается определенное сходство между волосовскими материалами двух регионов. Особенно ярко оно выражено в использовании приема шлифовки. В сырье замечено различие: изделия из костей осетровых на памятниках Озерной Мещеры неизвестны.

Выводы, полученные на материале довольно небольшой выборки проколов, показывают перспективность сравнения волосовских костяных изделий из разных регионов с целью выявления степени их сходства и различий. Присоединение в дальнейшем верхневолжских материалов, возможно, позволит сделать более глубокие выводы о динамике региональных связей волосовцев.

Е. М. Колпаков**

Большинство сложенных из валунов лабиринтов расположено на побережье и островах Балтийского (наибольшее количество), Белого и Баренцева морей. Считается, что всего известно около 800 таких лабиринтов, хотя приводятся и другие числа. Представления о времени их создания — от мезолита до 19 века. Каменные лабиринты («вавилонны») Кольского полуострова учитываются в любом исследовании лабиринтов Северной Европы. Однако научный уровень этих исследований даже на уровне используемых данных трудно признать соответствующим нормам науки. Дело в том, что в лабиринтоведении не принято делать стандартные архитектурно-археологические обмеры объектов изучения — самих лабиринтов. Отсутствие (за рядом исключений) чертежей каменных лабиринтов превращает их исследования в лабиринт необоснованных заключений и фантастических догадок.

Начиная с 2013 г. Кольской археологической экспедицией (КолАЭ) ИИМК РАН было проведено обследование и нормальное документирование всех каменных лабиринтов Кольского полуострова, за исключением Понойского (и Хендалакшского, принадлежность которого к лабиринтам не выяснена). Были обследованы следующие лабиринты: в губе *Малая Питкуля* (Кандалакшский), на мысе *Аннин Крест* (Умбинский), в губе *Вящина*, у становища *Харловка* [Колпаков 2016] и 4 в губе *Варзина*. Харловский лабиринт уничтожен не позднее 1974 г. Чертежа лабиринта нет, — сохранилась лишь схема Н. Н. Гуриной 1947 г. [Гурина 1953], а нами определено приблизительное место лабиринта. Лабиринт Варзина 9-4 полуразрушен или наполовину не доделан.

Нормальные обмеры с реальной фиксацией каждого камня в лабиринте показывают, что все предыдущие исследования базировались на схемах, далёких от реальности. Реальное расположение камней в лабиринтах позволяет по-разному их соединять и получать разные схемы их конструкций. В частности, считается, что все кольские лабиринты относятся к критскому типу. Это не подтверждается фактами. Лабиринты на Варзина точно не относятся к этому типу. Остальные — маловероятно, хотя первоначально могли соответствовать критскому типу. Причём мы не можем сказать, строились ли они по критской схеме, но не получились или были искажены позднее.

Поскольку большинство каменных лабиринтов расположено непосредственно на берегу моря, возможно определение нижней допустимой даты их создания по высоте над уровнем моря. В 2000-е гг. для двух кольских лабиринтов выполнены специальные геологические исследования и установлены нижние даты их создания в связи с изменением уровня моря. Высота лабиринта в губе Малая Питкуля — 3.4 м от средней величины прилива и, соответственно, возраст не ранее начала 2 тыс. н. э.; на мысе Аннин Крест — 6.6 м и, соответственно, возраст не ранее начала 1 тыс. н. э. [Колька, Корсакова 2012].

Хотя в лабиринтоведении не принято измерять высоту объектов над уровнем моря, КолАЭ такие измерения выполнены. *Вящина* — 10.5 м БСВ, *Харловка* — 14,

* Публикуется в авторской редакции.

** Колпаков Е. М. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия (eugenkolp@yandex.ru).

© Колпаков Е. М., 2025

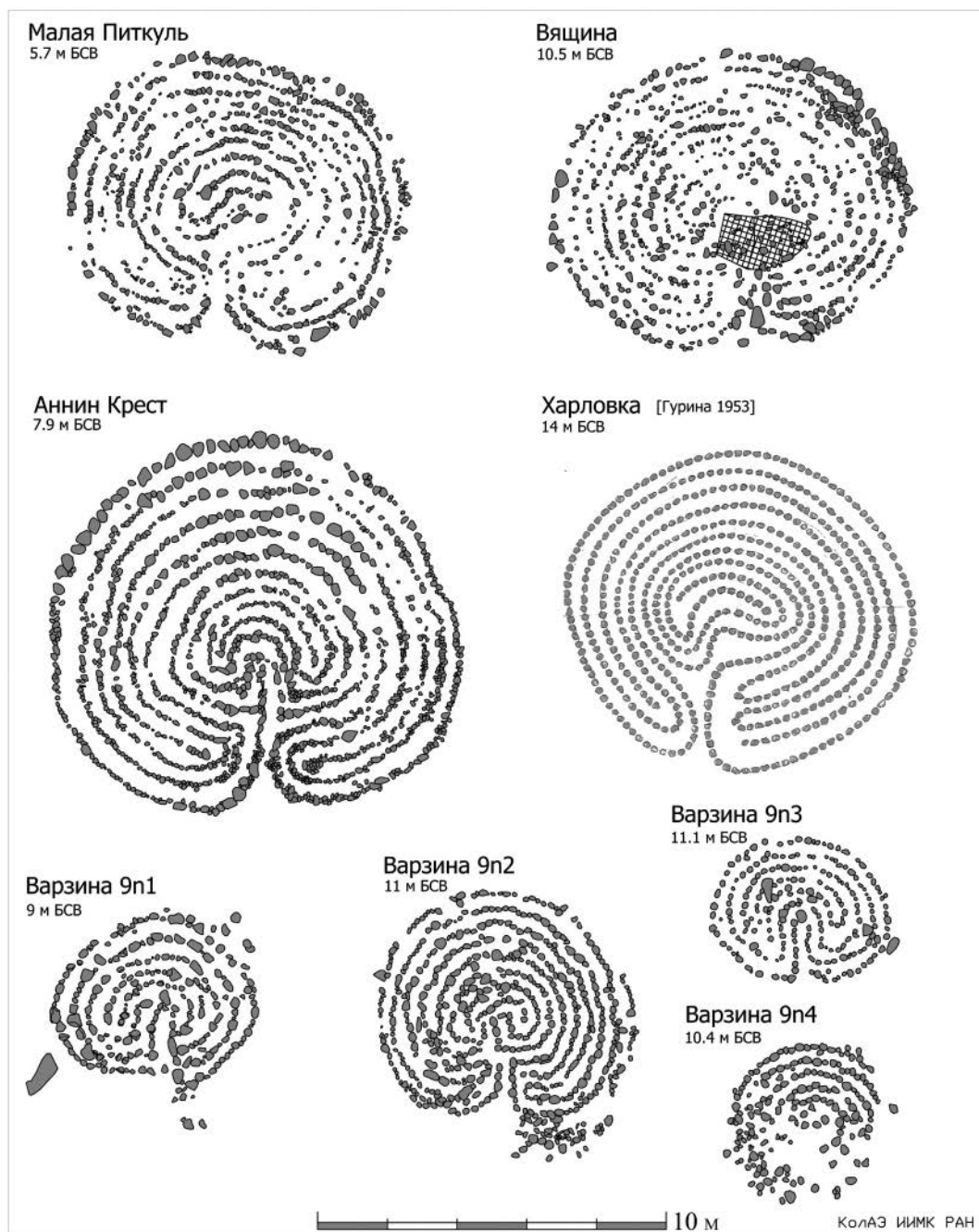

Рис. 1. Каменные лабиринты Кольского полуострова. Планы

Варзина 9-1 — 9, Варзина 9-2 и 9-3 — 11, Варзина 9-4 — 10.4. С учетом имеющихся реконструкций уровня моря и прочих данных это дает следующие нижние даты: *Харловка* — не ранее 2 тыс. до н. э., *Варзина 9-2 и 9-3* — не ранее 1 тыс. до н. э., *Вящина* и *Варзина 9-4* — не ранее середины 1 тыс. до н. э., *Варзина 9-1* — не ранее рубежа эр.

Таким образом отнесение кольских лабиринтов к неолиту исключается. Наиболее обоснованным является их датирование в пределах 2 тыс. н. э., к чему пришли, наконец, и ведущие лабиринтоведы [Kraft 2024].

Гурина 1953 — *Гурина Н. Н.* О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцева морей // *Материалы и исследования по археологии СССР.* 1953. № 39. С. 408–420.

Колпаков 2016 — *Колпаков Е. М.* Новые данные о каменных лабиринтах Кольского полуострова // *Археология сакральных мест России: Тез. докл. конф. (Соловки, 7–12 сентября, 2016 г.).* Соловки, 2016. С. 104–109.

Колька, Корсакова 2012 — *Колька В. В., Корсакова О. П.* Применение геологических методов для датирования каменных лабиринтов на побережье Белого моря // *Вестник Московского гос. технического ун-та.* 2012. Т. 15, № 2. С. 349–356.

Kraft 2024 — *Kraft J.* The Walls of Troy: Labyrinths During 3000 Years. Published in Swedish 2022, e-book in English 2024. Badelunda Hembygdsförening, Västerås, Sweden, 2024.

АН	— Академия наук
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГИС	— географические информационные системы
ИА	— Институт археологии
ИИМК	— Институт истории материальной культуры
ИЯЛИ	— Институт языка, литературы и истории
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
МИА	— Материалы и исследования по археологии
НИИ	— научно-исследовательский институт
НЦ	— научный центр
ОПИ ГИМ	— отдел письменных источников Государственного Исторического музея
ОР РГБ	— отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РАН	— Российская академия наук
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СО	— Сибирское отделение

Конференция
«Соединяя пространство и время: методы пространственного анализа
в изучении позднего каменного века Евразии»
Петрозаводск, 14–17 мая 2025 г.

**СОЕДИНЯЯ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ:
МЕТОДЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА
В ИЗУЧЕНИИ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА ЕВРАЗИИ
Материалы конференции**

Корректор: О. К. Чеботарева
Редактор, верстка: Е. В. Новгородских

Издательство ИИМК РАН
191181, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18, лит. А, каб. 307
Тел.: +7 (812) 571-50-92

Подписано к использованию 05.05.2025.
Объем 5,4 Мбайт. Электрон. текстовые дан. Заказ 0110

ISBN 978-5-6052467-3-2

9 785605 246732 >